

АЛЕКСЕЙ МИХЕЕВ

АНАСТАСИЯ СНЕЖИНА

...ТОЛЬКО
ЛЮБОВЬ
Сборник

Москва ВАГРИУС ПЛЮС

УДК 882-3
ББК 84(2Рос)
М69

Художественное оформление Аиды Сидоренко

Произведения изданы в авторской редакции

Михеев А.М., Снежина А.Ю.

М69 ...Только любовь: сборник. / Алексей Михеев,
Анастасия Снежина. – М. : ЗАО «Вагриус Плюс», 2009. – 368 с.

ISBN 978-5-98525-052-7

Книга Алексея Михеева и Анастасии Снежиной – прекрасный пример коллективного литературного подвига. Свидетельство этому – продуманная в мелочах, плотно спаянная проза, одной своей цельностью составляющая интригу. Необычная, провокационная книга о любви.

УДК 882-3
ББК 84(2Рос)

Запрещается полное или частичное использование и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах без письменного разрешения праволадельца

ISBN 978-5-98525-052-7

© Михеев А.М., 2009
© Снежина А.Ю., 2009
© Оформление. ЗАО «Вагриус Плюс», 2009

Все, что тебе нужно, — только любовь.
The Beatles (All you Need is Love)

СЛАКАЛЬЩИК
Роман

Котька спал с женой в постели в своем Еверхард роуд апартамент у себя в Калифорнии, когда у него умерла мать.

Соседи не смогли прозвониться к нему из деревни: в межгород выйти не удавалось, линия не срабатывала, как часто и бывало у них в дневное время суток, — дозвонились лишь на сотовый в Москву, до меня, поэтому сообщать ему об Иришкиной смерти пришлось мне.

— Котька, привет, — сказал я, услышав его заспанный голос. Разница во времени у него с той деревней, где скончалась мать, как раз была двенадцать часов. — Але, ты слышишь меня? Это... дядя Саша, — я замялся на мгновение, не зная, как себя назвать. Он уже давно не называл меня дядей, мы оба с ним вышли из тех возрастов, когда я был молодой повеса, а он Иришкин, растущий, как трава, на моих глазах, маленький сынок. Но, тем не менее, все-таки назвал себя «дядей». По-старому. В данной ситуации городить огород по подводу степени фамиллярности было уже ни к чему. — Извини, что разбудил... До тебя не дозвонились?

— Кто?

— Соседи Иришкины?

— Ну да... да...

Похоже было, что, ко всему прочему, он еще и лег спать не совсем трезвым.

— Говорили, много раз, мы постоянно перезваниваемся, сорок дней скоро по Олегу будет, по-моему, двадцатого числа...

— Нет, я не про Олега... Сегодня, я имел в виду, не дозвонились?.. Сейчас вот, никто?..

— Сейчас?

— Да, сейчас.

— Нет, сейчас, кажется, никто не звонил...

— Олега смерть на самом деле, видимо, и подействовала. Иришка тебе ведь говорила, что у нее даже сердце стало болеть?

— Да.

— Все-таки столько лет прожили вместе, никуда не денешься. Хотя, с другой стороны, зачем уж было себя так истязать и доводить всякими видениями, виноватой чувствовать... Кстати, Олег ведь не пьяный умер, как на грех, трезвый был совершенно, я его сам лично в больницу отвозил. Врач на другой день уже мне объяснил, что из запоя тоже надо с умом выходить...

— Вот что...

— Так вот я не про то, Котька. Я не про Олега. Котька, мама умерла...

— Как!..

— Вот только час назад. Мне позвонили. В больнице, в реанимации... Сердце не выдержало. Помнишь, врачи обнаружили, что она во время похорон на ногах микроинфаркт перенесла?

— Да, она говорила.

— Ну, а вчера у нее обширный инфаркт случился. Спасти не удалось.

— О, Боже мой.

— Слишком переживала, я думаю, столько лет вместе, что там говорить...

— Я ее звал к себе... Но она решила оставить это до осени...

— Да, я знаю... Я тоже ее звал к нам, но она решила провести сорок дней и оформить на дом документы... Не пришлось...

Мы стояли с Котькой на краю могилы деревенского кладбища среди развороченной и разбросанной по снегу глины и черной земли, глядя еще в открытый гроб, и я, внутренне обращаясь к Котьке, молча, про себя, говорил:

— Вот лежит твоя мать, Котька, немолодая уже, молодость в прошлом, и лицо, вон, — в основном, одни следы былой красоты, лежит, готовая исчезнуть из мира навсегда и уйти под землю. Вот сейчас мы ее закопаем, и унесет она с собой свою вечно юную, Котька, поверишь ли, красивейшую даже сейчас, очаровательнейшую до такой степени, что я красивее ничего никогда и не встречал, сладостнейшую пипку. Поверишь ли, на самом деле ведь красивее этой пипки я в своей жизни ничего не видел...

Я любил эту женщину, твою мать, всю жизнь. Столько лет, сколько себя помню, с трех или четырех, наверное, тогда, кажется, нас свели вместе наши друзья-отцы. С ней я вместе рос, у нее первой я увидел демонстративно — и как бы невзначай — показанную мне женскую грудь. Как две верхушки от шара между распахнутыми сторонами не застегнутой девчачьей еще блузки.

С ней с первой мы обнимались, вернее, боролись, как это по-школьному было заведено: кто кого поборет, — как ребята на переменах, но только дома, обхватив друг друга, пытаясь каждый прижать другого лопатками к земле. И пусть ничего, кроме ребячества, не содержалось в нашей борьбе, но каждый раз получалось, что я ее побеждал, а она, в конце концов, мне сдавалась...

С ней первой я ходил, взявшись за руки. В театре ли — отец ее, в прошлом известный танцор, был глав-

ным режиссером единственного тогда в Сибири театра оперы и балета — или в Центральном парке, куда мы как-то забрели зимой и наломали веточек с деревьев, за что нас милиционер отвел к родителям. Причем, по дороге «под конвоем» домой она все шептала, давай что-нибудь согрем, выдумаем, а я же упорно настаивал на том, чтобы честно признаться. И признался. Хотя переживал и страдал так, что даже милиционер был моей реакцией смущен и напуган.

По ней я составлял представление о женской природе и женской красоте. Постигал вторую, незнакомую, половину человечества, поскольку сестры у меня не было, а отношение моего отца, не имевшего дочери, к ней было любовно-отеческое, как и ее отца, не имевшего сына, — ко мне, отчего обоих отцов мы одинаково и отчаянно любили, и были дружны так же, как они, и даже более того, еще и росли вместе, как родные, проводя с родителями каждое лето в деревне, где те степенно, на удочку, по-чеховски, ловили рыбу или ходили в лес по грибы и жили двумя семьями на даче одной коммуной. И где мы с ней навсегда запомнили жизнь на природе, волю, дачную жизнь в глухой живописной деревушке на краю области, с романтической и живописной поймой и далями, открытой и активно осваиваемой тогда художественной интеллигенцией города, запахи трав, ржание лошадей и трепещущую в руках рыбу...

2

Самым любимым моим произведением юности был роман Эрнеста Хемингуэя «Фиеста». Хемингуэй вообще был очень популярен в те годы и читался как откровение, а этот знаменательный для меня роман был о том, как ставший импотентом на войне от ранения

мужчина любит разбитную отвязанную женщину, и поскольку не может составить ее настоящего счастья, просто сопровождает ее в ею предпринимаемых путешествиях и погоне за приключениями, преодолевая свою ревность и просто находясь рядом с ней в смиренном служении и помощи ей во всех ее увлечениях и удовольствиях. Роман этот был захватывающим для меня. Хотя я даже не догадывался тогда о главном — о том, в чем заключалось это ранение, в силу своей наивности я это тогда упустил, не понял, тем не менее, отношения героев в книге для меня были эталонными, достойными восхищения, как продолжающееся в новую эпоху отношение рыцаря к даме, образец рыцарского служения. И я думаю, что так захватывающе это было для меня, видимо, в большей степени оттого, что все это напоминало мне о моей собственной любви и о моих с моей единственной в жизни любовью отношениях.

Много позже она любила представлять меня с гордостью всем своим друзьям:

— Это единственный мужчина в моей жизни, с которым я не переспала.

И это сразу повышало в глазах людей мне цену. Она часто потом в практическом отношении использовала меня...

А то, что мы ни разу с ней в жизни друг с другом не были близки, я думаю, произошло потому, что мы не сделали этого в детстве...

В шестнадцать лет она уехала с родителями за рубеж. В одну из развивающихся тогда ближневосточных стран, где родители два года создавали театр русского балета, по приглашению правительства страны, решившего завести у себя европейскую прихоть. Где они упорно старались танец живота заменить хореографией Пети-типа и европейской классической школой. В чем, в общем-то, и преуспели: театр был создан...

Но надо ли говорить, какой она оттуда вернулась? Прошло два года. Она была уже созревшая раскованная девушка, с рассказами о заграничной жизни, о некоем Майкле, первом ее мужчине, сделавшем ее женщиной, с магнитофонными кассетами и английскими текстами песен «Битлов», которых тогда еще не было в городе, вся насквозь заграничная, яркая, штучная, с головой, полной ярких воспоминаний и мыслей о свободе и сексуальной революции, с новыми веяниями, идеями — и в нашу патриархальную среду... Надо ли говорить, как она стала нарахват, хорошо сложенная, красивая, с густыми черными до пояса волосами, с чувственно вывернутыми губками, танцующая в силу своей наследственной одаренности: мать тоже балерина, наполовину цыганка, наполовину аристократка, народная артистка СССР, — а также в силу собственной учебы в балетной школе на любой вечеринке, как весталка, как богиня, русалка, мало того, еще и как-то незнакомо для всех, мастерски красиво, особенно когда срывала завязку и пускала в ход еще и распущенные свои волосы, отдаваясь танцу целиком. Сразу начавшая учиться в университете на инязе, да и так уже знающая английский язык в его разговорном объеме.

И я, тюфяк, нескладный и неотесанный отечественный парняга.

А она просто покоряла всех. Всех в университете, причем, не скупясь на близкие отношения в силу свободных воззрений на любовь, с кем только ни желала, к кому только ни испытывала симпатию, будь то студент или преподаватель из молодого преподавательского состава, молодой ли художник, артист, потом добралась даже до нашей детской сферы, до детских воспоминаний, нашей дачной деревни, друзей дачной юности, среди которых она блистала, тех, кто даже никогда и не помышлял о близости с ней, не думал до нее добратся. Всех она вспомнила без исключения. Ведомая ностальгией.

Фомченко, сын нашего соседа по даче в деревне, рыжий, огромный, высокий теперь молодой человек, приехал к ней в субботу, — как она мне рассказала, — привез шампанского, чтоб вспомнить детство, и увез к себе.

— И после вчерашней ночи у меня просто паха болят, — сказала мне она.

Я думаю, это она мне так намекала на свое разгульное упоение и на открытость, как бы говорила, а чего я то жду, чего я-то не пользуюсь моментом... Но я этого не хотел, или такого не хотел, или так не хотел, не знаю, как и выразиться, но, по крайней мере, говорил другое...

— Почему именно паха, в таких случаях не паха болеть могут...

— Не знаю, но почему-то у меня болят паха...

И в этом уже содержалась какая-то близость.

И хотя нельзя сказать, что я был слишком далек от нее и ей не пара, что я с ней не бывал, скажем, на одних и тех же вечеринках — мы принадлежали, в общем-то, к одному кругу, у меня отец тоже был из творческой сферы, детский писатель, либреттист в оперном театре, и дети творческой богемы — это была наша общая среда, — что не бывал я на молодежных сборищах у нее дома... Нет, бывал. И видел, как она танцует, обнимаясь, с каким-нибудь очередным красавцем, и как он целует ее, видел и ее руки на его затылке, как это умеют женщины все же делать, положить ладони и погладить по волосам, так это выглядит нежно, так женственно и... опытно.

Потом я видел в полусвете из ванной комнаты, когда спали все где попало, как она занималась любовью в постели с одним своим супермальчиком после вечеринки. Как она обхватила ногами его выше пояса и еще взяла ноги в замок, потом он повернул ее и поставил на колени и она уперлась руками в спинку кровати, лицо ее полностью скрылось под упавшими на него воло-

сами, а он гладил ее маленькие груди ладонями снизу и ритмично ударял по ее ягодицам своим животом, и я еще тогда обратил внимание, что прогнувшаяся ее спина очень красива.

Но про меня она тоже не забывала, она бывала у меня дома, ее ко мне тянуло.

— У тебя все так просто, — восхищалась она.

Познакомилась с моей девушкой.

— Откуда у тебя такая?.. Как она мне понравилась! Где ты только такую нашел?..

А девушка была совершенно заурядная, просто первая девушка, которая мне отдалась, не очень и симпатичная, вышедшая замуж потом за какого-то водопродчика, страшно уверенная в своей заурядности и незначительности. Не без некоторой тонкости и чуткости, правда. Но унылая, тоскливая и безрадостная, писавшая такие стихи:

Училась у мамы плести я веночки...

.....

Цветочки-ромашки, цветочки-чистюли,
Зачем вы, ромашки, меня обманули.
Зачем так жестоко, зачем так неловко,
Я б знала, плела не венки, а веревку...

Я даже стеснялся ее порой...

Большое впечатление произвела на моих друзей, зайдя ко мне в момент, когда те сидели у меня с ведром пива, и тем, что, сидя в кресле, положила ноги на стол, так что они вспоминали это еще много и много лет, если не десятилетий...

— Как у тебя просто, мне давно так не было хорошо...

Напросилась на Новый год, который мы намеревались встретить с друзьями на даче, отогрев ни разу не

топившийся за зиму дом и устроив там свободное разгульное празднество. Где начала с моим лучшим другом романчик, который с некоторыми перерывами тянулся у них несколько месяцев. Но я к тому времени уже вытеснил ее из области своих желаний совсем. О постели уже не помышлял. Я ее просто любил. И с ней дружил. И ей служил. Ох, как все же моя служба пригодилась ей в дальнейшем.

Она помыкала мной всегда. И в детстве. Занимала без возврата деньги, эксплуатировала, хитростью выманывала у меня какие-нибудь нужные ей вещи, магнитофон, фотоаппарат, причем, теряя это где-нибудь по легкомысленности, заставляла меня писать за нее рефераты, жульничала, откровенно лгала, опять что-то выцыганывала, просила о разных услугах, отнести записку любимому, относилась ко мне часто крайне неуважительно, иногда даже демонстрировала перед другими свое влияние на меня, по-свински даже обходилась, как с недоумком. На что я не обращал внимания, а иногда даже, напротив, подыгрывал ей. Что она тоже в свою очередь видела и свинство свое порой осознавала. В отличие от тех, кто смотрел на ее поведение со стороны, она ведь понимала, что я попадаюсь на ее хитрости и заготовки не потому, что я на самом деле такой недоумок, она же знала меня лучше и иногда испытывала укоры совести.

— Как ты только терпишь меня, — поговаривала она.

Вообще, самое привлекательное в ней для меня было то, что она была умна. Под этим качеством в женщине я всегда подразумевал прежде всего умение оценивать себя трезво. К тому времени я уже был убежден, что среди женщин это редкостное качество. Что редчайшая из них может осознать во время эмоционального импульса или порыва, что ее поступками руководят эмоция, импульс, увлечение, истеричность — все

практически без исключения считают, что в своих поступках они руководствуются своим разумом. И найдут своему поступку множество оправданий и обоснований, убедив даже самих себя, что они именно сознательно поступили...

Она единственная из всех, кого я знал тогда, могла без самообольщения согласиться со своими недостатками, признать, что она стервозна, что она истеричка, что она не большая умница. Причем, без позы, без кокетства, картины, а с определенным сожалением. В состоянии была посмотреть на себя трезво. Можно предположить, что это оттого, что с высоты ее привлекательности легко было такое мелочи признать. Но даже если это и так, то, Боже мой, как это много, вот потому мы красивых женщин и любим. Одним тем, что они не закомплексованы и искренни, одним этим они уже на голову выше обыкновенных некрасивых дур...

Ее поведение ко мне, подчас, со стороны казалось просто оскорбительным. Но на самом деле наедине-то оно не было таковым. Наедине-то нам было хорошо. Мы разговаривали об интимных подробностях наших жизней, поверяя друг другу самое сокровенное, вплоть до наших половых ощущений. Даже делились опытом... И это было гораздо больше, чем могли дать нам наши друзья и подруги, это было большей близостью, чем давали они, нам было гораздо интереснее друг с другом, и это являлось заменой нашей половой любви, ее замещением, нам даже приятно было говорить о подобном.

Наши отношения были выше, богаче, больше. Мы были истинно друзьями. Причем, такими друзьями, что все наши любовные связи по сравнению с нашими отношениями, можно сказать, вообще не стоили ничего.

— У меня с ним роман уже полгода. Господи, как он надоел... Он и ласковый, и мне с ним хорошо, и он такие вещи делает, что весь день ходишь, как наэлектризован-

ная... И выйдешь на улицу — на него все смотрят. Не на меня, а на него, я просто шавочка по сравнению с ним. Это жутко завораживающая вещь, оказывается. Всегда получалось, что на меня смотрели, а тут я раболепствую перед ним... Но с другой стороны, долго посидишь с ним дома, такой дурак, ну просто непроходимый...

— А я с моей, тобою так любимой, Валюшей уже заканчиваю. Она по распределению едет после своего техникума и все заглядывает мне в глаза. Может остаться? Ну а что я могу ей ответить? Так всегда противно себя чувствуешь, когда приходится обижать вашего брата.

Я был ее поверенным. Она — моим. Она выкладывала мне все абсолютно детали и тонкости своих взаимоотношений с мужчинами и получала от подобных рассказов определенное удовольствие. Нездоровое, в большей степени. И держала меня все же на потом. Я это чувствовал. Не то, что и ты сдашься, нет, просто: это то никуда не уйдет, никуда не денется. И я эту уверенность в ней поддерживал. И она не особенно и торопилась. Я все равно был ее. Года два так продолжалось. Перед тем как настало время мне идти в армию.

И в этот момент она неожиданно забеременела.

— Господи, я даже не знаю от кого, — доверилась она мне, смеясь.

— Как же ты так?

— Да вот, сбилась с графика, — ответила она.

— Что-нибудь нужно?

— Не знаю. Ведь, главное, уже больше трех месяцев.

— Ну, ты даешь. И совершенно не знаешь кто?

— Ни малейшего понятия. Один из двух или трех.

Родила она, когда я уже прослужил полгода.

Мы с ней время от времени переписывались.

«Что испытывает женщина, когда ребенок сосет у нее грудь?» — интересовался я недоступной для меня и невыносимо притягательной женской физиологией.

— О, несказанную радость и много-много сил...

«Каких сил! — сказала потом, двумя годами позже, уже после моего возвращения, ее лучшая подруга Надюха. — У нее и молока-то не было...»

По ней я узнавал и особенности женской дружбы. Да и о предательствах мужской дружбы — сам был хорош. С ее Надюхой после армии я затеял на вечеринке у Иришки флирт. У нее дома, на ее дне рождения, в этом-то и состоял весь кайф, некое мстительное сладостное чувство, мной до конца не осознаваемое тогда. Там-то в разговоре где-то в полумраке Наденька и сказала эту фразу насчет отсутствия у Иришки молока. Мы целовались с ней. Но до конца она не уступила, видимо, получив удовлетворение уже от одного сознания, что с другом лучшей своей подруги она вполне могла бы переспать... Вот одна из тайн женской дружбы, вынесенная мной из общения с женщинами, подтвержденная многократно и усвоенная на всю жизнь: ведь Надя была лучшей подругой у Иришки, и так и оставалась до самой своей смерти. Умерла она рано от астмы, не дожив и до тридцати пяти лет. В конце жизни она же еще и утешала Иришку мантрами Махариши.

Когда я приехал из армии, я застал еще у нее мужа. В конце концов, она разобралась, и отец у ребенка все-таки был. Хотя появлялся он редко, вел какую-то артистическую жизнь: он был у нее солист из модного тогда оркестра такого же модного в те годы академгородка, одного из научных центров, со своим университетом, с массой научно-исследовательских институтов, со своим, очень специфическим, контингентом работников и жителей, со своим обслуживающим персоналом, инфраструктурой и московским снабжением, какие создавались в стране в те времена, — да и у нее дома ему, с ее родителями, да и с самой Иришкой, которая тоже, я вполне могу представить, была не пода-

рок, не мед было жить. И он продолжал быть у нее еще некоторое время после моего возвращения из армии. Он даже как-то, когда я уже заканчивал первый курс, пригласил меня в кафе, чтобы переговорить. Так сказать, по-мужски. Хотя мы не виделись до этого с ним ни разу. Ему все-таки хотелось передо мной оправдаться. Именно передо мной...

— В конце концов, сына я себе всегда в жизни смогу иметь. Но эта... ты извини, я не хочу ее обидеть... Но с ней жить совершенно невозможно...

Кого поддерживать, кого предавать? Мужчину, в мужской товарищеской солидарности, вынужденного потом восемнадцать лет платить алименты на неизвестно его ли еще ребенка, — хотя, когда Котька вырос, он стал похож на своего отца, как две капли воды, — или единственную для тебя в жизни, помыкающую тобой, стервозную, враждебную тебе, как всему твоему полу по определению, как любому другому мужчине на его жизненном пути, и всю жизнь любимую тобой женщину?..

Он хотел, чтобы я ему посочувствовал и понял его.

И я его понял и посочувствовал. Но зачем он меня приглашал?.. Что я ему мог сказать? Что разъяснить?..

Потом она забросила и сына...

3

Она заканчивала Иркутский, куда перевелась, заочный институт иностранных языков, часто ездила на сессии, продолжала, хотя и не в той мере, как до рождения ребенка, вести «красивую жизнь», и поэтому Котька перекочевал на руки ее отца, своего деда, который, собственно, и занялся его воспитанием, заменив ему и отца, и мать, и так его полюбив, что при получении Котькой паспорта, предпринял даже безуспешную попытку дать Котьке свое отчество и фамилию...

Сергей Александрович, пусть будет пухом ему земля, прожил, можно сказать, без преувеличения, героическую жизнь. Когда он умер, всего-то за пять лет до смерти Иришки, я даже расплакался. Иришка позвонила мне домой, в Москву, сказать об этом, и я после разговора с ней отошел к балконному окну и совершенно бесконтрольно заплакал.

— Ты его все-таки любил, — сказала моя жена.

— Удивительно, я даже после смерти отца не плакал, — сказал я, немного придя в себя. — Наверное, это потому, что он уже последний.

Мать была тогда еще жива, и моя мать, и Иришкина. Но это были женщины. Мужчин же той выделки и той пробы уже не существовало.

— Я вдруг испытал одиночество.

— А я, а мы?..

— Это другое...

Сергей Александрович, например, последние двадцать пять лет жизни, не отлучаясь больше, чем на два-три часа из дома, ухаживал за своей лежачей женой. Жена, Зинаида Анатольевна Басилова, знаменитая, что я уже говорил, в свое время балерина, танцевавшая, как это гордо произносилось тогда, еще перед Сталиным, народная артистка СССР, несравненная в исполнении фуэте: какое-то невероятное количество десятков раз, — упала однажды, в конце, правда, уже своей карьеры, во время спектакля в оркестровую яму, откуда ее, стонущую, подняли на руках. И эта трагедия изменила всю ее жизнь...

Она получила какие-то серьезные травмы, но не настолько, чтобы стать инвалидом, почему-то вылилось это все только в воспаление тройничного нерва в верхней челюсти, из-за чего ей пришлось перенести множество операций, мучений, мытарств и разъездов по разным больницам и элитным госпиталям Москвы

и Ленинграда, не принесших ей, кстати, особого облегчения... Тем не менее, осознав себя больной, и неизлечимо больной, она из максималистских воззрений на жизнь, бессознательно, а может, и отчасти сознательно, пусть полусознательно, но сделала себя инвалидом.

В прошлом она летала, порхала, поражала воображение, ослепляла грацией и красотой, а раз теперь она не может делать того же, раз у нее вставные зубы, раз она сделалась толстой от долгого лежания в постели, — то тогда лучше не двигаться вообще. Ни по улице, ни дома, ни даже на кровати.

Я был свидетелем одного интеллигентского разговора родителей, пришедшегося еще на мою раннюю юность, когда Зинаида Анатольевна была еще в славе и даже, кажется, не больна. Жили они почему-то в гостинице оперного театра, занимая один и тот же номер из трех комнат годами, кстати, оставляемого за ними и в их долгом отсутствии, куда я часто приходил к Иришке после школы и где мы сразу с ней начинали бороться, вернее, Иришка сама провоцировала меня побороть ее, обняв и прижав ее спиной к полу, кровати или стене. На шум к нам всегда заглядывали родители, чтобы наше баловство прекратить, потому что мы были уже *большие*...

Так вот тогда я услышал, как отец мой задал вопрос Зинаиде Анатольевне:

— А признайся честно, испытываешь на сцене тщеславное чувство, удовлетворение, испытываешь славу, когда тебе рукоплещет зал, кричат бис, браво?..

Отец был все-таки писатель, «инженер человеческих душ», психолог, ему это было интересно, и в его вопросе звучала какая-то исповедальность, честность, требовательность искренности, наконец, которая даже меня, ребенка, подкупила.

Но ответ был совершенно по-детски трафаретен и схематичен.

— Нет, Гриша, — так звали моего отца, — помнишь и думаешь только о своей работе.

— Не торопись, Зина, ведь поглядываешь иногда в зал, прислушиваешься к нему, помнишь о нем...

— Нет, помнишь только о работе...

И я уже тогда, ребенком, с сомнением отнесся к этим словам. Посчитав их все-таки не до конца искренними, слишком они были категоричны, и подумал, что для искренности нужна смелость, качество, которое в женщинах, по большому счету, отсутствует. И это неумение быть искренней с самой собой подтвердилось и болезнью Зинаиды Анатольевны. Это ее врожденное женское качество, это неумение трезво оценивать и осознавать свои поступки, неумение честно признаваться себе во всем, что определяет твои действия, неумение сделать это моральное усилие, отсутствие смелости и, напротив, сознательное закрывание глаз на правду превратило ее к концу жизни просто в животное, в «тело», как потом точно выразился Иришкин Олег, вынужденный всегда терпеть ее шизофреническое высокомерие, а после смерти Сергея Александровича еще и принимать участие в уходе за ней. Тело это было озабочено всегда только удовлетворением своих инстинктов, телесной любовью, которая в счастливые годы приобретает форму тщеславия и желания любви к себе множества людей, иногда миллионов людей, удовлетворением потребности двигаться, как козочка, с ловкостью в движениях, грацией, — чисто физиологическое желание подвижности, причем, подвижности еще и красивой, когда хочется двигаться хорошо, чтобы нравиться. Упоение своей подвижностью и своим телом. Танцевать!.. Покуда тело сильно, молодо, в его движениях видится другими поэзия и даже искусство, пока тело мо-

лодо, движения эстетичны, пока оно здорово – видимость даже каких то душевных порывов, мастерство, высота, а когда заболело, тело начинает жить едой, тщеславными воспоминаниями о своей былой молодости и силе, славе, воспоминаниями о былой жизни тела, продолжающимся осознанием себя носителем славы. И это толстое чудовище, боров, еще и может с гонором, свысока относиться ко всем остальным, заставляя других служить своему телу, теперь уже ничего не представляющему, дряхлому ожиревшему куску мяса, с одышкой от ожирения сердца, тем не менее, служить, как прежде, когда его превозносили и носили на руках. Едва ли Зинаида Анатольевна призналась бы даже себе в подобном положении дел, связанных с ее сознательно спровоцированной неподвижностью. Но именно таким выделось и понималось положение вещей другими. Сергею Александровичу это подсказывали не раз, даже Иришка всегда говорила и была убеждена, что Зинаида Анатольевна может ходить, может передвигаться по дому сама, может сама себя обслуживать, что это она просто себя распустила, вернее, демонстративно уложила в постель, и когда после смерти отца она увезла мать из родительского дома в свою деревню, то стала в борьбе с пролежнями учить ее, уже слабоумную и в маразме, двигаться, опускать на пол ноги, заставлять садиться. Но к тому времени за прошедшие двадцать пять лет неподвижности мышцы у той уже на самом деле атрофировались, и ходить она уже не смогла.

Тем не менее Сергей Александрович ухаживал за женой до конца жизни. Потому что он ее любил. Я помню их поцелуй, подсмотренный мной случайно еще мальчишкой, у них дома, в гостиной, где они спали днем на большом диване, устав после какой-то репетиции, одетыми, но обнявшись, и который получился у них на просыпании, привычный поцелуй, который повел еще

к одному и еще, и привел бы, может быть, к чему-то большему, как у молодых любовников закончился бы, если бы не мое присутствие. Но Сергей Александрович приоткрыл глаза и увидел меня.

А было им уже далеко за сорок. Иришка у них — поздний ребенок... Что говорило о том, что у них была большая сильная любовь...

Он готовил, мыл полы, убирал квартиру, по звонку, который сам провел для Зинаиды Анатольевны, шел на вызов из кухни, приносил поднос с едой, обмывал, одевал, подыгрывал ей в воспоминаниях о славе, когда к ним приходили какие-то еще помнившие Зинаиду Анатольевну в ее звездном часе гости... Успевал еще с утра сходить в театр, где последние пятнадцать лет вел класс танца у обожавших его девушек, чтобы заработать денег на фрукты и деликатесы для своей требовательной, избалованной вниманием жены, растолстевшей к тому времени до невероятности... Причем, как все в жизни делал красиво, так и тут с достоинством нес свой крест. И хотя под конец жизни много пил водки, умудряясь и это делать с достоинством, хотя иногда не отказывался вспомнить свои романы и похождения, дай которым он волю, продолжи их, у него совсем по-другому могла бы сложиться жизнь, хотя иногда даже умудрялся сделать интрижку, он и в старом возрасте был удивительно интересен своим благородством осанки и черт даже для молодых... Но, тем не менее, двадцать пять лет служил выжившей совсем из ума, капризной, эгоистичной, превратившейся просто в безвольное бревно, но когда-то любимой им женщине, матери своего ребенка, в благодарность за все занятую единственно тем, чтобы жаловаться каждому встречному-поперечному, что муж ее только и ждет ее смерти, пока сам не сломал ногу на восьмидесятом году, поскользнувшись на пороге квартиры, а через неделю не умер от сердечного приступа.

Наши отцы были идеалистами. Сергей Александрович, ко всему прочему, еще и имел родословную, ведущуюся от каких-то английских баронетов по фамилии Колли, сын драматической актрисы двадцатых годов, начавший зарабатывать сам актерским трудом с восемнадцати, воевавший в войну, создавший свою балетную труппу, ни разу не сделавший, представляется, непорядочного поступка, по крайней мере, чувствовалось, что стремился всю жизнь не делать таких.

У моего отца других друзей и не было. Они все тогда сходили с ума на порядочности и чести. На презрении к деньгам, на стремлении к духовным ценностям. Розовские мальчишки, Гастеллы и так далее. И их компания, в которую входил отец, более других.

В глухомани, в их далекой дачной деревеньке, у них у всех было по старенькому деревенскому домику. Они картинно, по-старинному, вели хозяйство, собирали ягоду и солили грибы, которых тогда была пропасть в той отдаленной от города стороне, общались с девственно непосредственными деревенскими жителями — своими соседями по улице. Вели все лето скромную, без претензий сельскую жизнь. Пожилая и известнейшая в Сибири поэтесса с экзотической нерусской фамилией и огромным достоинством в манерах поражала наше детское воображение своим остроумием, тонким юмором, своими понятными для нас озорными шуточками обо всем нашем деревенском окружении и о себе самой. Неожиданное в этой чинной и обремененной грузом славы старушке, степенно, под руку разгуливающей по улице со своей тоже в годах дочерью-девицей, умение. Остроумно язвительный ленинградский писатель-диссидент, идеалист вынужденный, поскольку попал в Сибирь как в ссылку после лагеря, срок в котором отбывал в послевоенные годы, автор известной на всю страну, написанной уже в Сибири, детской книжки «Приключения Жа-

кони», про так нравящуюся нам, детям, маленькую обезьянку, забравшуюся вместе со своими приехавшими работать на новом заводе хозяевами в далекую провинциальную глушь, который, кроме писательства, занимался еще актерской деятельностью и работал в филармонии конферансье, циник, насмешник, эпикуреец — этот был юморист вообще профессиональный. Нам его артистичность и способность к экспромтам казалась просто фантастической. Когда он весело насмешничал, то нас, детей, веселил до умопомрачения, до икоты, до того, что начинали болеть животы. Но и этот жил скромно. В свободное от писания летом время так же рыбачил удочкой на берегу реки и собирал грибы...

Я даже могу привести образец той исповедуемой Сергеем Александровичем жизни, исповедуемой не только им, и не только его друзьями, но тогда едва ли не большей частью населения страны...

4

Для семейно-друзейного чтения...

И вот мы выплываем.

Всю долгую зиму, там, на чужбине, на далеком и жарком Востоке, мы с женой строили планы, как провести летний отпуск, мечтали о рыбалке, о грибах, о ночлеге в палатке, и все наши мечты вылились в решение купить лодку с мотором и потом отправиться в плаванье по Оби. И вот наши мечты на пороге их осуществления. Мой друг Гришка по моей просьбе заранее разыскал и купил, хотя и подержанный, но прекрасный лодочный мотор, эту великолепную, устойчивую, легкую лодку и, наконец, сегодня обучил меня необходимым навыкам обращения с мотором.

— Это как раз то, что тебе нужно — дернул и поехал, ты ведь в технике полный профан.

То была святая правда, и я еще раз с благодарностью обнял старого друга.

Я подвел лодку к берегу, держа мотор за ручку с романтическим названием «румпель», и от носа лодки разлетались брызги...

Возвращаясь домой, я предполагал, что мои домоладцы уже закончили все сборы. Накануне я провел с ними обстоятельную беседу о том, каким должен быть багаж настоящих путешественников, но в доме я застал невообразимый, прямо-таки первозданный, хаос. Жена и дочь находились среди вороха всевозможных вещей и предметов, среди которых больше всего меня поразил уют.

— Зачем нам там уют? Что там гладить? — бушевал я.

— Что гладить всегда найдется, зачем лишать себя элементарных удобств, мы же едем отдыхать!..

Женская логика недоступна. Спорить с ней не имеет смысла. Поэтому сборы были закончены только к середине ночи. Для отдыха оставались считанные часы — рано-рано утром должна была прийти грузовая машина, чтобы отвезти на берег нас и наше имущество.

Засыпая, я улыбался и видел удивительные сны.

Мы грузились в лодку до полудня.

Но наконец я подвесил мотор и оттолкнулся от трапа лодочной станции. Слегка отгребаясь веслами, мы удалились от берега и отдались на волю течения.

Погруженная почти до края бортов лодка непостижимым образом удерживалась на воде. Пристроившись на крохотном пространстве, между грудой канистр и какими-то тюками, чувствуя под ногой холодный чутунный нос утюга, я с серьезным видом проделал те не очень понятные манипуляции, которым обучил меня, вчера Гришка. Казалось, что женщины смотрят на меня как на волшебника: сейчас папа произнесет магическое заклинание, и джин, выпущенный из бутылки в образе десяти

ретивых коней, помчит нас со скоростью ветра. Осталось последнее — дернуть. Дернуть и в путь!

Последний раз с благодарностью вспоминаю друга, который купил нам такой замечательный мотор и эту изумительно прочную лодку, лукаво подмигиваю спутницам и дергаю.

Но мотор молчит, лодка не дрогнула, она по-прежнему спокойно плывет по течению...

Еще рывок, еще один. Несколько рывков подряд. По-прежнему невозмутимая тишина — мотор не заводится.

Быть может, я что-нибудь напутал в самом начале, мелькает мысль. Неторопливо и методично еще раз переключаю рычажки и нажимаю кнопки. Теперь я совершенно уверен, что все приготовления сделаны правильно. Дергаю еще раз — и опять безрезультатно.

— Ладно, мамочка, ты пока греби потихоньку, чтобы нас не прибило к берегу, а я разберусь, что к чему.

Сажусь, курю, думаю и с ужасом понимаю, что абсолютно не знаю, как приняться за дело. Как разобраться, что к чему, с какой стороны подступиться к таинственному существу? Все мои познания в области изящных искусств и литературы не в состоянии заменить полную техническую безграмотность.

— Пускай он отдохнет немного, — решаю я, наконец, — ведь я столько раз его дергал.

Зина легко соглашается с таким веским доводом и охотно уступает мне место на веслах.

Я гребу полдня.

— Папа, а тебе не кажется, что он уже отдохнул? — с какой-то неприятной улыбочкой вдруг говорит дочь.

Действительно! Увлечшись неспешной греблей и глядя вокруг, совершенно забыл о его существовании. Осторожно перелезая через горы тюков, меняемся с женой

местами, и я возвращаюсь к исследованию. Но мотор не поддается. Сначала я дергаю шнур спокойно, методично, потом ожесточенно, яростно, а он — он верен себе, — он молчит. Наугад меняю положение рычажков и кнопок и дергаю снова и снова... Я потерял счет времени, глаза заливает пот, ноет спина, отваливается рука, а я все дергаю, дергаю, дергаю, до той поры, пока резкий толчок лодки не возвращает меня к действительности.

— Папочка, — говорит мамочка, — мы хотим есть. И вообще пора сделать привал.

Оглядываюсь. Нас прибило к какому-то мысу. С одной стороны стремительно несется Обь, с другой — тихая речушка, судя по направлению течения — протока.

— Привал так привал!

Пока я вожусь с вещами, разыскивая среди самого необходимого корзину с едой, а Зина, за неимением иного занятия, усиленно помогает мне советами, Иришка отправляется обследовать окрестности, захватив с собою спиннинг.

Я не успел еще поставить палатку, а Иришка, побродив немного по берегу, уже возвращается обратно, торжественно неся на кукане двух солидных щук... Надо признаться, что бывает очень обидно, когда тебя, взрослого человека, отца семейства, в вопросах сугубо мужских с легкостью необычайной опережает четырнадцатилетняя девчонка.

Наконец лагерь разбит: палатка натянута, резиновые матрацы надуты, спальные мешки приготовлены, из лодки в поисках необходимого вытащены все ненужные вещи, за исключением утюга, сделан чуть ли не недельный запас топлива. В котелке аппетитно булькает уха (к щукам эта дрянная девчонка ухитрилась добавить еще с десятков окуней).

Что может быть вкуснее свежей ухи (даже не собственного улова), ухи наваристой, прозрачной, с картош-

кой, перчиком, лавровым листом, слегка попахивающей дымком костра... Как приятно после выпить ароматный, заваренный из листьев черной смородины чай с сахаром вприкуску... Что может быть прекрасней тихого сибирского вечера у реки, бездонного неба над головой, заката, тихого бормотанья воды, таинственных теней прибрежного леса...

Мы долго сидим у костра, не торопясь, обсуждая события дня и делая прогнозы на завтра. Судя по маленькой карте, которая у нас есть, мы находимся от города примерно в двадцати, двадцати пяти километрах — не очень далеко, но и не совсем близко. О возвращении назад не может быть и речи, потому что подняться против течения на веслах физически невозможно, а главное, потому что мы этого вовсе не хотим, нам нравится даже такое — безмоторное путешествие. Торопиться некуда. Рано или поздно, но до места мы доберемся, даже если просто отдадимся на волю течения. Правда, последнее рассуждение у каждого из нас, как выяснилось впоследствии, подкреплялось тайной надеждой на то, что, в конце концов, все десять лошадиных сил проснутся от спячки...

Уже совсем стемнело. Усталые и взбудораженные впечатлениями дня мы забираемся в спальные мешки.

На другой день утром я открываю небольшую книжечку с названием «На моторе по речным просторам». Открываю первую страницу, обхватываю голову обеими руками и погружаюсь в изучение. Давно поднялось солнышко, давно готов завтрак, а я... чем больше я изучаю инструкцию, тем больше и больше запутываюсь. С немалым трудом, расцарапав руки, снимаю металлический колпак с головы мотора.

Стараясь точно следовать инструкции, я что-то разбираю и собираю вновь, что-то отвинчиваю и завинчи-

ваю, что-то регулирую, нажимаю и поворачиваю и, наконец, остается последнее — произвести пробу.

Поминутно натываясь на проклятый утюг, выбрасываю на берег остатки багажа, отталкиваю лодку, берусь за шнур, и вдруг... он заводится. Я издаю ликующий победный вопль, мотор ревет, как оглашенный, лодка стремительно мчится вперед. От неожиданности я чуть не врезаюсь в берег, вздымая тучи брызг, едва успеваю изменить курс и мчусь дальше. Я то сбавляю, то прибавляю скорость, а он, как верный раб, беспрекословно повинуется мне. А что если это случайность, надо попробовать еще раз. Мотор выключен, ожидаю несколько минут, дергаю: он снова послушен. Лодка легко, плавно, быстро скользит по воде. Еще проба, еще одна — мотор работает отлично. Сделав какой-то немислимый вираж, я с шиком подлетаю к берегу возле лагеря. Мои женщины уже разбирают палатку.

Через каких-то два часа все готово. Занимаем свои места: жена на веслах — только чтобы отойти от берега, дочь — на носу, я у мотора на корме.

Рывок! — и поехали. Правда, не так быстро, как ездил я один в пустой лодке, но все же поехали.

Сидя у ревущего мотора, я не слышу ничего из того, что кричат мне Зина с Иришкой, но по взглядам и улыбкам догадываюсь, что они довольны и речь их полна комплиментов в мой адрес.

Капризно извивается живописная протока, в душе мир и спокойствие.

Наше блаженство продолжается уже целых пять минут, а на шестой — лодка начинает как-то странно дергаться, идет толчками, мотор урчит, кряхтит и — замолкает. С сожалением вспоминая покинутый лагерь, каждый молча принимается за свое дело: Зина садится за весла, Иришка устраивается загорать, а я — дергать.

Дергал я, дергал и с досады плюнул, плюнул буквально, и попал на мотор. Нет, он от этого не завелся, не за-

работал, но слюна, попав на металл, вдруг зашипела и закипела. Я плеснул воды — действительно кипит! Мотор был раскален, как сковорода! Заглядываю в инструкцию — такого случая в ней не предусмотрено.

С помощью течения и одной человеческой силы мы доплываем со скоростью пяти — шести километров в час к Седовой Заимке, полузаброшенной деревне, чтобы найти там кого-нибудь, разбирающегося в технике, и чтобы, как выяснилось, с помощью бакенщика Толи вдохнуть жизнь в наш дорогой мотор.

— Давно у тебя эта развалина? — Спрашивает Толя, разобрав мотор до груды металлолома.

— Да нет, — с расстановкой говорю я, — всего три дня...

— Купил по случаю? — И, не дожидаясь ответа, мягко смеется.

— Ну, ладно, как в народе говорится, мастер дела не боится. «Все починим, запаяем, подстрогаем, подровняем, приколотим и забьем, заклепаем и зальем...» — произносит он скороговоркой и, чуть смутившись, объясняет. — Эти стишки мой сынишка сильно любит.

Я чуть не ахнул. Стишки эти были из той детской книжки, что написал никто иной, как друг мой Григорий, тот самый, который покупал этот прекрасный мотор. Не желая порочить имя автора веселой детской сказки, я дипломатично умалчиваю о нашем знакомстве и, тем более, о причастности автора к моему путешествию.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Лишь только к вечеру бесформенная масса металла вновь обрела облик лодочного мотора, была опробована и апробирована. Подвесив отремонтированный агрегат к Толиной лодке, мы едем зажигать на реке огни. Ответственные испытания проходят успешно.

А вечером — наваристая стерляжья уха, я извлекаю из личных запасов «зеленого змия». Толя приносит соленых огурчиков, и мы не спеша закрепляем наше знакомство.

Сухо потрескивает костер, чуть слышно шелестят листья деревьев, река спит, — ни звука, ни всплеска... Зина с Ирой тоже давно спят, а мы сидим у костра, курим махорку и ведем степенный мужской разговор, время от времени закусывая соленым огурчиком...

В общем, отремонтировались они и утром поехали дальше уже на моторе... Приведу лишь еще описание их рыбной ловли, в которой всегда активно участвовала и Иришка. Я потому так увлекся, что это те эпизоды детства, какие сказались на Иришкиной жизни больше всего.

...У северного мыса, на опушке леса, на чистом, высоком песчаном берегу стоит наша палатка. Конечно, горит костер, приятно пахнет дымом — мы жжем зеленые ветки, чтобы дыма было побольше — назло комарам.

Справа от нас, за большой отмелью, широко разлилось основное русло Оби. Ночью видны далекие огоньки проходящих теплоходов, иногда ветер доносит шум машины или приглушенные звуки музыки.

Широка и наша протока. Вода здесь глубокая, быстрая, она неумолимо, методично подмывает высокий берег, и время от времени глыбы земли с тяжелым всплеском сваливаются в воду. Деревья стоят у самого края обрыва, свисают черные змеи оголенных корней, обреченные березы, подмытые весенним паводком, покорно склонились над рекой, а иные, уже закончив свой земной путь, купают стволы и ветви в воде, образуя завалы. Чего только ни приносит сюда течение — доски и бревна, кору и щепки, сломанные весла, разбитые

ящички, хворост, попало даже сиденье от грузового автомобиля – вполне приличное, на пружинах. Какой горемыка шофер ухитрился его потерять?

Я притащил сиденье в лагерь, высушил его, и получился отличный диванчик, только почему-то никто не стал пользоваться им, очевидно, из чувства принципиального протеста против городской цивилизации.

Действительно, мы живем, как истые робинзоны. Так хочется отдохнуть от привычного образа жизни, от современных ее форм, что даже строгие линии натянутой палатки, как нам кажется, нарушают гармонию окружающей природы, и мы маскируем ее ветвями тальника, чтобы жить в шалаше. Лодка надежно привязана под берегом и тоже укрыта зеленью.

Осторожно, потихоньку, бочком, стараясь не шуметь, продвигаюсь по стволу упавшего дерева все дальше и дальше от берега.

Ветви дерева купаются в воде и задерживают всякий хлам, приносимый течением, образуя завал. Проверяю глубину – самое подходящее место для лова. Где-то там, внизу, среди ветвей и коряг притаились в засаде речные разбойники.

Стоять, удерживая равновесие, очень трудно: ствол круглый, гладкий, скользкий.левой рукой придерживаюсь за ветку, в правой – самодельная подергушка. Это коротенькая удочка с длинной леской, к концу которой привязана металлическая блесна. Медленно опускаю руку – тяжелая золотистая приманка идет на дно, играя и блестя, словно живая рыбка; затем резкий рывок вверх и снова мягко опускаю блесну на дно. Вот и вся премудрость – вверх и вниз, отсюда и название подергушка.

Невидимый хищник сторожит добычу и, уловив удобный момент, стремительно бросается на жертву. Леска резко натягивается, остается только вытащить

наверх незадачливого окуня или щуку. Вот тут то и наступает самый ответственный момент — взять пойманную рыбу в руки, снять с крючка и не упустить.

Место оказалось добычливым. В сумке, что висит у меня через плечо, полно окуней. Еще раз опускаю блесну и тотчас чувствую сильный рывок. Леска натягивается, как струна, и стремительно уходит куда-то в сторону под ствол дерева. Наверное, щука!

Противник тянет — я поддаюсь ему, потихоньку отпуская леску; но стоит ему чуть остановиться — тяну я. Он — вниз, я — наверх! Такая игра продолжается довольно долго, значит, противник не из породы мелюзги. Наконец он сдается, и я не верю своим глазам: в моих руках огромный окунь, эдакий «лапоть», как любят говорить рыбаки. О таких я только слышал, но никогда не видел.

Остается последнее — снять его с крючка и положить в сумку. Балансируя на скользком стволе, я благополучно снимаю его с крючка и, не удержав равновесия, плюхаюсь в воду. Мне не жаль всего улова, который ушел из сумки, пока я барахтался в воде, но нестерпимо обидно оттого, что упустил окуня-великана. Самый правдивый рассказ, не подкрепленный вещественным доказательством, превращается в рассказ охотничий... Слушать тебя будут охотно, но никто не поверит.

Остро переживая неудачу, весь мокрый, бреду по берегу домой и вижу: Зина и Ира — спиннингуют. Замечаю, как Зина начинает бешено крутить катушку, делает рывок и красивым движением ловко выбрасывает на берег щуку весьма почтенных размеров.

Дальше все происходит с невероятной быстротой, как в старых кинофильмах. Уже на земле щука срывается с крючка, делает несколько судорожных движений и скользит с высокого берега вниз. В тот же момент Иришка отбрасывает спиннинг, кубарем катится за щу-

кой и у самой воды накрывает ее своим животом. Bravo! Реакция, смелость, быстрота! Со стыдом вспоминаю свое купанье.

Да, кроме умения и опыта надо еще обладать рыбацким счастьем. Сколько раз ставил я на ночь закидушки — хотел поймать стерлядь, леща или хотя бы подлещика — и всякий раз, наутро, вытаскивал одних ершей, этих мелких речных хулиганов. Зато дочь как возьмет спиннинг (других способов ловли она не признает), так обязательно вернется с отличным уловом.

Как-то раз наша мама облюбовала место на берегу неподалеку от лагеря и уселась рыбачить простыми удочками. Мы же с дочерью решили половить с лодки. Отъехали довольно далеко, выключили мотор и, спускаясь по течению вдоль берега нашего острова, стали бросать блесны. И хотя мы стояли в одной лодке — она на носу, я на корме, — и хотя спиннинги и блесны у нас были совершенно одинаковые, все же рыбацкое счастье сопутствовало ей одной. Вместе забрасываем блесны, вместе крутим катушки — у нее щука, у меня ничего. И так раз за разом. В конце концов, я так разозлился (ведь сам же учил эту девчонку всем премудростям рыбной ловли), что стал даже прибегать к недозволенным приемам — бросит Иришка блесну под затопленный куст, и я бросаю туда же, блесны ложатся рядом, но она тащит щуку, а я...

И все же протока была так богата рыбой, что за какой-нибудь час мы, то есть, в основном, она, выловили не больше не меньше как... но не стоит называть точную цифру — будет опять похоже на охотничьи рассказы.

Протока была изумительна. Уху мы варили «царскую» — тройную. Сварятся два-три десятка окуней — вынимаем их и в ту же воду кладем новую партию, потом опять вынимаем и опять кладем, и все это сверхобиле рыбного напара приходится на какие-то три-четыре ми-

ски, больше нам не съесть. Чудесен вкус и аромат крепкой наваристой ухи.

Так мы и живем — ловим рыбу (спрашивается, зачем брали с собой консервы), собираем ягоды, купаемся, любимся сибирскими закатами, а вечера коротаем у костра.

Мы ни разу не включали транзистор, мы отдыхали от уличных шумов, неумолчного гомона и сутолоки больших городов, отдыхали, наслаждаясь тишиной и довольствуясь голосами природы, среди которых даже далекий гудок парохода звучал резким диссонансом. Такая жизнь для наших потрепанных городских нервишек была полезнее любых валерьянок и валидолов. Я отдохнул даже от своего заклятого врага, я говорю об утюге. Это единственный предмет, который я ни разу не вынимал из лодки. Но при каждой погрузке-разгрузке он, совершенно nepocтижимым образом, попадался мне то под ноги, то под руки, я постоянно натыкался на него, ударялся об него и, как бы тщательно ни запикивал его в самые укромные и малодоступные уголки, он, как злой гений, преследовал меня на каждом шагу... Здесь же, на острове, я просто забыл о его существовании.

Отъезд откладывался со дня на день и, в конце концов, мы совершенно потеряли представление о времени.

И только через полторы недели мы приплыли в свою деревню...

5

Отца своего Иришка любила до обожания. Лучшего мужчины в мире для нее не существовало. Ее идилическое детство и воспоминания о нем лишь добавляли в ней к Сергею Александровичу любви. Он был этало-

ном для нее во всем. Угадывалось в этом даже что-то фрейдистское.

И с окончанием детства, и во взрослом состоянии она не изменила к нему своего отношения.

Как она переживала, когда он стал носить простые потертые джинсы.

— Ну, вы же такие носите, — отвечал он.

— Ну, то мы, но тебе-то, уважаемому человеку, нельзя в таком виде в людные места ходить.

— Почему, я нахожу эту моду очень удобной...

Как бы там ни было, она стыдилась за него больше чем за себя, ей было просто невыносимо, что на него где-то могут не так посмотреть люди, могут сказать ему что-то обидное, что он может попасть в неловкое положение...

Она боготворила его. Даже в годы ее разгульной юности он оставался для нее образцом по всем параметрам. Мужчиной, у которого можно всегда найти поддержку, к теплу которого можно вернуться в любой миг... И, тем более, оскорбленной, нет, этого слова мало, она чувствовала просто крушение мира в тот момент, я это отчетливо понял, когда она рассказала мне про него, — тем более, оскорбленной она была, когда он ее, уже маленькую, сдал какому-то своему старому знакомому ловеласу. То есть, оставил его с ней наедине. Так что ей пришлось от того вокруг стола бегать.

— Он ведь специально это сделал. Он же прекрасно знал, что этот тип из себя представляет, — чуть ли не плача от возмущения, рассказывала мне она.

— Может, все не так было, может, все случайно вышло...

— Как же случайно, знаешь, что он мне сказал? Он сказал: «Стоило запереться?» Я говорю, да ты что, он же старый пакостный распутник! А он: «Ну и что? Поду-

маешь, пожалела, и все польза была бы, раз это дается у тебя всем совершенно бесплатно...»

Проблема отцов и детей, я так думаю. Даже интересно было за ними понаблюдать...

Тем не менее, через некоторое время, помирившись, они продолжали любить друг друга по-прежнему.

6

Жизнь у нее дала трещину, когда ей исполнилось лишь немногим за двадцать.

Первый передний зуб у нее выпал при родах Котки, вернее, даже когда она еще была беременна им. Может быть, поэтому она своего ребенка так мало любила. Из-за того, что он отнял у нее ее красоту.

Через год-другой у нее уже стоял мост на правую сторону верхних зубов, и лицо стало катастрофически увядать. Бог его знает, что это была за напасть, но лицо у нее, как шагреновая кожа, старело. И если раньше ее жизнь была, как фонтан, как брызги шампанского, то теперь она стала вообще сплошным угаром. Она теряла то, что имела, и старалась использовать теряемое напоследок на полную катушку.

Она даже сделала шаг в мою сторону. Так сказать, провела разведку.

— Ведь жить надо так, чтобы в дом к вам ходили интересные содержательные люди, завидные гости, — сказала как-то мне она.

Неужели она все это время имела на меня все-таки какие-то виды...

Я же воспринял ее высказывание крайне резко, потому что считал тогда, что в этом салонном стремлении к элитарности мало гордости и больше лакейства...

Первый раз у нас с ней что-то не совпало, что-то не понравилось мне в ней. Первый раз в своей любимой я

нашел нечто, меня не устраивающее. Я тогда учился на третьем курсе театрального института, на сценарном отделении, вел какую-то там революционную подвижническую деятельность, весь в упоении делами, в кипучем энтузиазме.

— Мы уже в таком возрасте, когда уже самим пора становиться содержательными людьми, — отрезал тогда я...

Но проверка была произведена, и что-то она там для себя извлекла. Что именно, я уж не знаю, но как бы там ни было, больше подобный вопрос не затрагивался. Она, видимо, где-то там дожинала последние плоды своего успеха, последние впечатления от своей красоты, все более и более становящейся подремонтированной, подштукатуренной и искусственной.

И вот наступил такой момент, когда все вокруг, в том числе и она сама, и родители, и я, осознали, что она уже не хорошенькая...

Запомнилось начало четвертого курса в институте, когда мы с Витькой Каптеревым, моим школьным другом, каждый вечер приходили к Иришке домой, в оставленную на осень родителями для лечения Зинаиды Анатольевны в Ленинграде их трехкомнатную квартиру. И устраивали там «релиз»-коктейль. Котьку родители отправили к родственникам.

У нее тогда был последний друг сердца из молодежной элиты, какой-то, как она пижонски нежно звала, Усатый-Полосатый, неглупый, но, правда, с претенциозными академ-городковскими замашками, программно холостой прожигатель жизни. А по сути своей, жиголо, который, тоже понимая, что Иришка уже не хорошенькая и он с ней ненадолго, в основном, пользовался ее квартирой в центре города, где он работал и куда, поселившемуся у нее, ему не требовалось каждый день добираться из отдаленного академгородка. Пользовался

последними, продаваемыми Иришкой заграничными шмотками, большую часть из которых еще родители снесли в комиссионный магазин, добывая себе этим деньги на лечение Зинаиды Анатольевны. Кстати, по приезде родители устроили Иришке жутчайший скандал из-за того, что в доме уже ничего решительно не осталось... Этот друг ей даже какую-то мебель помог продать...

Деньги тогда у нее летели, просто как в прорву, она пребывала в угаре, не сознавала себя. Я, надо признать, в этом не участвовал, тут надо быть справедливым, мы с Витькой приходили всегда со своим. А своего-то в те годы всеобщего бедного равенства и скромности в запросах нужно было немного: как сейчас помню, несколько 0,7 литровых жестяных банок греческого апельсинового сока, появившегося в тот год почему-то во всех советских магазинах, но очень вкусного, кстати, не в пример теперешним банкам с чем-то невообразимым, и наша элементарная отечественная водка. Две трети сока и одна треть водки. И лед. Готовил коктейль всегда Усатый-Полосатый. Боже мой, что только мы ни делали там!..

Редко мы выбирались куда-нибудь в ресторан или бар, чаще это они делали уже без нас, основным же нашим прибежищем оставалась Иришкина квартира. Нам ее было достаточно. И нам чертовски интересно было вместе. Мы еще днем перезванивались, договариваясь о времени встречи, распределяя покупки, и после работы, после института мы с Витькой встречались где-нибудь у дверей магазина и шли к Иришке домой. Иришка со своим Усатым были уже там.

— Ну что, опять притащили буржуазную нечисть! — привычно зубоскалил Усатый, принимая из наших рук позвякивающую сумку. Кажется, его тоже звали Виктором.

— Анекдот, — сразу включался Витька. — Сегодня на службе рассказали. Приходит муж домой...

— Иришка, не скучала ты без нас? — громко говорил я, раздеваясь, и находившаяся в дальней комнате Иришка, улыбаясь, выходила нам навстречу.

— Здравствуй, Сашенька, — говорила она, и мы обнимались и целовались в губы.

— Опять встреча счастливых любовников, — говорил ее Виктор. — Давно ведь не виделись. Считай со вчерашнего дня.

Мы же продолжали стоять обнявшись, и я чувствовал своим телом ее тело, как чувствует, наверное, брат тело своей сестры.

— Слушай, а давай мы их поженим, — продолжали оба Виктора развивать тему, — закончим, наконец, их длящийся уже много десятилетий платонический роман.

— Нет, сначала их надо венчать, — тут они брались за этот вопрос уже обстоятельно и, даже когда мы размыкали объятия, они еще долго перемывали нам кости и упражнялись в остроумии. Мы усаживались в кресла, Усатый приносил коктейль, соломинки, и просто трепаться вчетвером нам было ужасно хорошо.

Витька Каптерев был постоянно и бесконечно остроумен. Мы добродушно подначивали друг друга, это у нас был такой тон. Виктор ее оказался тоже, в конечном счете, прост в общении, и часто мы втроем, задирая друг друга и время от времени переходя на чью-нибудь сторону и ополчаясь против кого-нибудь одного, совместными усилиями разыгрывали просто настоящую комедию и хохотали до слез. Я тоже нередко находился в ударе, я тогда слыл дарованием как молодой сценарист, был на виду, пользовался успехом в институте и начинал обретать уверенность в себе, превращаясь в кого-то из гадкого утенка, если не в лебедя, то, по крайней мере, уже переставал быть тюфяком, умел

произвести впечатление, пользовался вниманием девушек, научился остроумно говорить, быть находчивым, раскованным, оригинальным.

Иногда с нами бывали еще гости, в основном, девушки этого Усатого-Полосатого, одну из которых я поцеловал, знакомясь, в фойе бара ресторана «Комплекс». Причем, не как-нибудь, а, как я научился уже тогда достаточно искусно, проникнув языком между губ. После чего поклонился, поздравил с 8 Марта и пожал руку.

Да, это мы ходили в ресторан поздравлять Иришку с женским днем и только разделись в гардеробе, чтобы пройти в бар, как девушки, и эта его в том числе, попались нам навстречу. Виктор нас познакомил, и я ее поцеловал. Иришка несколько опешила. Виктор пришел в восторг, а девушка, сказав на мое поздравление «спасибо», как ни в чем не бывало продолжила разговор с ними.

А с другой, миленькой, с рябинками от оспы на лице, мы играли в карты. Мы у Иришки завели детские забавы. Играли в жмурки, представить только: большие великовозрастные завязывают глаза и ловят друг друга, расставив руки, по всем комнатам, я даже разбил какой-то дорогой плафон, за что потом получил нагоняй от Иришкиных родителей, или в лото, яростно и увлеченно, в «Кинга»... Девушка, несмотря на рябинки, была стройная, крепкая и отвязанная, по-моему, продавщица, пухленькая, всюду все торчало, и я все причитал вслух, шутя, почему же мы играем не на раздевание. Все в ответ молчали, и Витька, и Виктор, и Иришка, все по разным причинам. Причитал, причитал и, наконец, сказал, что сегодня я ночую здесь. Хотя я всегда уходил домой ночью, мне идти было не больше пяти минут.

— Оставайся, — сказала Иришка, — я тебе постелю на раскладушке.

— Нет, я сплю на тахте.

— Но и меня обещали тут положить, — сказала девушка.

— Вы мне не мешаете.

После этого народ замолчал уже окончательно и не без любопытства ждал продолжения. И когда все разбрелись по своим местам, Витька домой, Иришка с Усатым в спальню, девушка, погасив свет, на тахту, я прошел к ней и стал раздеваться.

Но я тогда еще был робок. И вся эта напускная напористость и даже развязность, наглость, которые, в меру мной обыгранные и художественно оформленные, производили, в основном, нужное впечатление и необходимое действие на людей, были пока лишь бравадой. А в решительный и интимный момент я все еще не выдерживал роли и ломался. Поэтому и тут я не смог до конца выдержать свою линию, идя как бы напролом, и разделся всего лишь до пояса, остальное оставив как бы на потом, что меня и подвело, в конечном счете, даже девушка ребятам сказала утром уже без меня, что если бы я хоть разделся, может быть, и было бы что-то соблазнительное... Но я скинул только рубашку и стал ее целовать.

И когда я уже добрался до пухленькой, круглой, как два теплых мячика, груди, Усатый не выдержал и открыл дверь комнаты, делая вид, что ему срочно надо пройти в следующую. Что тут поделаешь, это была его девушка все ж. Девушка тотчас вскочила и куда-то в одной рубашке побежала.

Я в досаде вернулся на свою раскладушку в Котькиной комнате, пока они все втроем собрались в темноте соседней, что-то обсуждая, причем, невыносимо долго, видимо, держа оборону. Я лежал, не раздеваясь, на своей раскладушке, крыл почем зря вслух хозяев за отсутствие уважения к правам личности и нарушение террито-

риального суверенитета, а заодно и гостеприимства. И, в конце концов, поднялся и, видя, что оборона не ослабевает, демонстрируя оскорбленность, оделся и ушел домой.

Чтобы на следующий день опять быть там, как ни в чем не бывало.

Кстати, к месту тут заметить, если рассуждать в русле владевших нами тогда идей сексуальной революции, то самые лучшие случаи близости у меня случались тогда, когда я все-таки выдерживал подобную линию напористости до конца и с понравившейся мне девушкой сближался без преамбул, без этих всегдашних приготовлений, без мелодрам, без «а поговорить?..» или, тем более, без скрытой торговли: ты мне, я тебе... Я всегда старался придерживаться чистоты жанра и в данном случае был ярым противник всяческих затверженных межполовых форм общения, этаких игр, жеманства, и если вы что-то сказали друг другу глазами, если понравились, со смыслом при знакомстве посмотрели друг на друга, то лицемерие делать что-то еще, в идеале, не узнавая даже имен, так сладостно сразу упасть, чтобы узнать друг друга по одному этому до самой последней крайности. Потому что нигде человек не познается и не раскрывается, как тут, со всеми мельчайшими особенностями своего характера, воспитанности, образованности, интеллекта, степени эгоизма, доброты и злости, лицемерия и искренности, и, главное, сразу определяется его страстный потенциал, степень его пылкости, что, в общем-то, определяет основу партнера. Вы потом можете уже ничего не говорить друг другу, но вы уже знаете друг друга абсолютно. В кругу людей вы можете спокойно продолжать разговаривать с другими, общаться, пытаться в свою очередь познакомиться и с этими, и с ними найти общий язык, но вы-то знаете друг друга несрав-

нимо больше. Без всяких выяснений отношений и наводящих вопросов. И более общего языка, чем сложился у вас, вы ни с кем здесь уже не найдете, настолько, что даже и помыслить нельзя, что вы тут с кем-то вообще найдете общий язык. Лично вам достаточно обменяться взглядами, и вы уже все понимаете. А с ними — это все бессмыслие и ерунда.

Все это я узнал позже. Учеба, дело, которое я делал, придавали мне силу, я многому учился и многое узнавал, я как раз только входил в жизнь. Если мне предполагалось что-то узнать и прочувствовать, то я постепенно для этого обретал нужную форму. Иришка же ее, напротив, утрачивала. И глядя на меня с определенной грустью, и целуя меня нежно, она это отчетливо чувствовала.

7

Ну и, наконец, период бурной жизни у Иришки закончился полностью. Видимо, список поклонников совсем иссяк, и у Иришки возникла опасность остаться совсем одной. Это было отмечено даже и ее родителями на их семейном совете.

— Ну и что, — сказала Зинаида Анатольевна, — миллионы людей так живут. Одни.

Сказала Зинаида Анатольевна, всегда окруженная поклонением и вниманием то тысяч и тысяч почитателей ее таланта, то ценящих ее талант друзьями, то заглядывающимися на нее мужчинами, то вниманием верного и надежного мужа, занятого единственным — служением ей, и готовая, кстати, как раз в этот момент навсегда, на всю оставшуюся жизнь, улечься в постель.

Тем не менее, забили тревогу. Родительский комплекс срабатывал, и хотелось дочери помочь. Наконец,

исчезли эти красавчики, вечно торчащие, ночующие и обитающие в их доме и мешающие жить, один из которых — что особенно поражало Сергея Александровича — делал даже с помощью Иришки себе маникюр. Пришла пора выдачи дочери замуж. Кто-то из друзей родителей, по-моему, это наш язвительный писатель-юморист, соратник по летнему отдыху, подбросил мысль, а почему не поженить их с Сашкой, посмотрите, как они друг друга любят.

И у родителей открылись глаза. Ведь это любовь. С детства. Боже мой, что же мы раньше не замечали? Зачем далеко ходить?

И я мог в этот момент совершенно легко попасться, я был человек мягкий, а по отношению к Иришке я был просто мягок как воск. Сергей Александрович даже, считая этот вопрос решенным, произвел демонстративную проверку, дав мне распустить «бороду» спиннинговой лески, смертельно запутанной на рыбалке, которую он никак не мог привести в нужное состояние. Добавив, что в Японии так невест проверяют..

Но Иришка меня пожалела. И я до сих пор поражаюсь этому ее поступку, потому что это было не похоже на все, что она делала. Она, вероятно, меня действительно любила и действительно видела в наших отношениях что-то такое, что нельзя опошлить так походя. И, зная себя, трезво оценивая, как никто из всех знакомых мне женщин в мире, не захотела меня собою обременять. Этот был действительно поступок. Ценимый мной, но не понятый до конца ее жизни, вполне возможно, не понятый до конца и ею...

— Зачем ему старая развалина? Так ведь? — с обескураживающей улыбкой сказала она, глядя на меня.

— Ну при чем тут старая, — сразу поторопился смягчить я, в то время как родители изображали немую сцену.

— Он и молодую найдет, — добавила Иришка, и на этом вопрос о нашей женитьбе был ею закрыт.

Чтобы женщина отказалась. Чтобы трезвее меня взглянула на вещи, и в ущерб себе. Не знаю, как все это в нее вмещалось...

Потому что дальше-то было опять с точностью до наоборот. Потому что, отказавшись мною закрыть прореху в своей личной жизни, она не отказалась всячески мое существование в ее жизни для устройства ее жизни практически использовать. Причем, использовала жадно. Хватаясь за каждый момент моего к ней расположения. В спешке, пока и я, как и все, вслед за уходящей красотой, не оставил ее совсем. Она ведь трезво ждала от меня того же, что и все делали, что я уйду и, как все, ее брошу. Она и тут была лишена слезливой сентиментальности и, не упрекая никого, просто ждала.

Ну, а пока я ее не бросил, она решила нашу с ней любовь проэксплуатировать, если не замуж, так хоть получить какой-то прок. Она стала чаще мной прикрываться. Познакомится и сразу тащит пассиву ко мне, чтобы продемонстрировать наши с ней любовно-платонические отношения. А я к тому времени имел уже статус любимца женщин в силу успехов в своей уже по-настоящему начавшейся работе, и это прибавляло мне цену.

— Единственный мужчина, с которым я не переспала в жизни, — эта фраза теперь имела для нее особое значение...

И когда ее бросил какой-то очередной любовник, а я, как всегда, вне зависимости от ее увлечений, не обращающая ни на что внимания, пришел к ним в дом, то Зинаида Анатольевна воскликнула:

— Вот настоящий друг! Иришка, ты хоть понимаешь, что это у тебя настоящий друг? Ты посмотри только, он тебе верен, несмотря ни на что.

И этим определила в своем уме для меня место и за такого держала до самой своей смерти.

Олег у нее появился, когда она работала где-то в институте в Академгородке, и на него она сделала свою последнюю ставку.

Работа у нее была какая-то дефективная, она вообще скатилась уже из круга золотой молодежи на уровень заштатных простых сотрудниц отдела, ее даже и в секретарши никто не мог взять, такой безутешный вид она собой являла. И так вот, подвизаясь в каком-то институте, не знаю даже, какую со своим образованием вообще работу она могла в научно-исследовательском институте выполнять, она где-то там, в его недрах, нашла подобного себе дефективного.

Единственное его достоинство было в том, что он оказался уроженцем Ленинграда. Это считалось из центра, придавало ему вес. Ну, да, еще память о любимом нами с ней в детстве соседе по дачной деревне, язвительном ленинградце-писателе. Ну, и еще Олег окончил университет, выйдя электронщиком. В остальном же он был просто недалекий человек. Совершенно пустой, никчемный, ничего не умеющий, но веселый, отзывчивый и с великолепной памятью. Ему бы только играть в конкурсах знатоков. Обо всем он имел какую-то поверхностную информацию, обо всем был наслышан, и обо всем, что слышал, помнил всю жизнь. На всех языках знал по два-три слова. И им как-то подавалось это, и он даже не сомневался в том, что он уже их знает. Совершенно легкомысленный тип. С серьезным видом мог дать понять, что он знает буддизм, раз в общежитии университета у него был сосед, который занимался йогой. Строго говоря, просто набитый дурак, любящий пофорсить.

Причем, форс и похвальба его сильно отличались от похвальбы Иришкиной, ее время от времени устраиваемых демонстраций своей принадлежности к элите, де-

монстраций и подчеркиваний своих знакомств. Их семейного приема, к которому они прибегали иногда из практических соображений. Например, Сергей Александрович мог поддерживать светский разговор в окружении суден, грязной посуды, объедков, плохо постиранных им простынь, десятка неухоженных и везде гадящих кошек, единственной оставшейся у Зинаиды Анатольевны любви, возле *одра* ее, и для того, чтобы в кругу пришедших людей — даже одного меня, зрителя — доставить Зинаиде Анатольевне удовольствие, и об их совместных заграничных турне, поездках и эпизодах их творческой жизни поговорить. Сам-то он для себя никогда до такого не опускался. Но тут играл роль с определенной целью. И всеми ими в семье это делалось сознательно. Потому что настоящая элита, в общем-то, своей превознесенностью не бахвалится. Олег же был в своем плебействе непосредственен и, хвастаясь и показушничая, в свое хвастовство искренне верил. Хвастаясь, искренне верил в то, о чем говорил. И надевая маску умного, много знающего человека, и на самом деле считал себя таковым... Так, что трудно выходил потом из роли...

Его невлюбила Зинаида Анатольевна.

— Зачем тебе такой дурак нужен?

— Другого нет, — отвечала Иришка.

— Кривоногое ничтожество. Лучше всю жизнь одной быть, чем с таким жить.

— Знаешь, мама, тебе хорошо рассуждать, ты всю жизнь живешь за папой, как у Христа за пазухой!

— Ну и что, миллионы людей живут одни, и ничего...

Но Иришка осталась непреклонна.

Она потом скажет, что никого в жизни так не хотела на себе женить, как Олега, он был для нее последней надеждой, соломинкой для утопающего.

И чтобы покорить своего избранника и осуществить свои планы, Иришкой был привлечен я. И я ее не подвел.

Меня пригласили в ресторан на Олежкин день рождения.

Кроме меня, в торжестве участвовала еще одна девушка, какая-то их сотрудница, с которой у Олега тоже что-то было и у которой на Олега имелись определенные виды. Парень-то он был с шармом, пусть лысый и ноги кривые, но пел и играл на гитаре, был компанейский и умел балагурить и острить...

И я четко прочувствовал, что, хотя девушку эту приглашали для меня, для комплекта, мне ни в коем случае не следовало с ней сходитьяся.

И я изобразил полное равнодушие. Да, по правде, она мне и не понравилась. В то время у меня проблема девушек не стояла. И мне легко было внимание на нее не обратить.

И я этим очень выручил Иришку.

После ресторана мы все с девушкой распрощались, я намерения продолжать знакомство с ней не выказал, но я перед ней даже и не обязан был таковое намерение изображать. Хотя она осталась, конечно, недовольна. Но мы расстались и втроем, я, Олег и Иришка, поехали к ним.

— Жалко, конечно, Оленьку, — сказала Иришка с большим удовлетворением по дороге, — но что сделаешь, если она в мужчинах сексуального чувства не вызывает.

И этим на своей сопернице поставила крест.

Поскольку у родителей Олегу не давала житья Зинаида Анатольевна, они повезли меня туда, где снимали для себя комнату.

Мы поехали куда-то на окраину города в какую-то халупу, халупу до такой степени, что я еще подумал, на-

сколько полна Иришка стремления не остаться одной, что готова на такие испытания и даже трущобы. Вода в ведре из колонки, рукомойник, туалет на улице. Это с ее-то избалованностью такое терпеть, я просто поразился тогда...

Что-то мы там у них выпили, и потом всю ночь, лежа за какой-то дощатой перегородкой, я слушал, как они на своей постели занимались сексом. Иришка стонала, причем, так, как я мечтал, чтобы моя женщина стонала, деля со мной любовь, всю свою жизнь, как каждый мужчина мечтает об этом до самого своего последнего дня. Впрочем, женщины многое умеют изобразить... Олег же, подогретый ревностью и моим виртуальным присутствием, был особо неутомим.

— Ты уже не хочешь? — слышал я иногда его шепот.

— Но ты ведь хочешь... — и она снова начинала стонать...

Да так громко, черт побери, с нарастающей интенсивностью, пока не вскрикивала в конце.

Были еще у нас совместные встречи, пикники в лесу, куда я увозил целую кучу ее подруг и Олега на своей машине. У меня тогда была уже и машина. Куда и Котька ездил с нами порой и по-родственному прыгал по очереди то на мне, то на Олеге, даже фотография есть, где грустный Костя обнимает лысую голову Олега на каком-то пикнике. Такие грустные глаза. В то время как Олегу, в основном, дети были совершенно до лампочки.

Однажды мне даже понравилась девушка из Иришкиных подруг, Нина: то, что она подруга Иришки, опять добавило мне лишь остроты в ощущении.

С Ниной я не промахнулся. Я уже не был робок. Я уже был женат, даже до такой степени, что прошел все, и находился на грани развода и уже прекрасно знал, что мне надо, и что как надо делать.

Когда начинаешь вести супружескую жизнь и регулярно спать с женщиной, с женой, то тогда и все встреченные в мире женщины становятся как будто твоя жена. Так же все ходят в ванную, так же раскрывают для тебя ноги, потом в другом положении, и еще в третьем и так далее. В общем, как привык ты, даже груди у них ласкаешь так же, как у своей жены. И главное, и они ждут таких же ласк, будто у всех так заведено. Все женщины как одна твоя жена, как одна твоя единственная женщина.

Я ее расположил так, потом эдак, как мне было надо, как я привык. Мой дежурный набор. Мой алгоритм. Перед тем как обнять Женщину и уснуть. Она еще спросила в одном из положений, что ты делаешь, без возмущения, просто непонимание, но потом поняла. Все это мы проделали в машине, уехав с Иришкиной вечеринки, одной из совершенно уже простых, не претенциозных, какие у меня были когда-то, устраиваемых теперь ею со своими закадычными подругами, под предлогом, что Нине понадобилось срочно домой, и вернулись назад. Потому что после нам с ней стало скучно.

У нее было тело родившей и вскормившей ребенка женщины. И она была, в общем-то, бесстрашна. Из тех женщин, которым это и не надо, и которые, когда делают это, даже и не знают, зачем это делают. Наверное, потому что завидно, что другие-то что-то от этого получают...

Я всегда недолюбливал бесстрастных женщин, в основном, потому что мне на них везло. Одну с трудом расшевелишь и с большими усилиями сделаешь женщиной, и только начнет что-то понимать и ощущать, как уходит к другому, их потом какая-то нелегкая как с цепи срывает и они забывают даже тебе спасибо сказать. И вдруг опять попадаете такая же, и снова, в ущерб сво-

им радостям, учишь и учишь ее, чтобы потом крохой страсти тебе отплатила.

Нам стало с ней в машине скучно. И мы вернулись назад. На людях хотя бы чувствовалось, что это приключение. Объяснили, что не добрались до дома, побоялись поста ГАИ. Хотя на лицах-то все было написано. Попили чаю, Олежка спал без задних ног в кухне на полу, на матрасе, в бесчувственном состоянии, и нас положили рядом с ним. На чистое спальное место. Я этим сразу воспользовался и с чувством мести, хотя и понимал, что он никогда не проснется в своем беспамятстве, тут же догола раздел Нину.

— Ах, — сказала она, — здесь же Олежка. Как можно?..

И сразу шумно задышала, а когда одна из ее раздвинутых в коленях ног задела слегка ногу Олега, она просто сгорела от стыда. И тут же кончила. Да неоднократно и так бурно. Целуя, лаская и крепко прижимая меня к себе. Называя милым и подставляясь, подставляясь, подставляясь... Что значит порок для бесстрастных людей, им вообще нужна обстановка, а не человек — ощутила какой-то порочный возбуждающий момент, лежа рядом с голой ногой мужчины, в то время как ее берет еще один, и сразу откуда ни возьмись страстность возникла.

В общем, конечно, она была немножко мила, был у нее ребенок и муж, и вдруг ей взбрело в голову, что от мужа надо уходить и искать на стороне связи. Потом она и в самом деле нашла себе другую семью. Но я с ней встретился только еще раз. Было опять скучно, и я расстался. У нее была какая-то длинная узкая щель, далеко и глубоко уходящая назад, и она была бесстрастна.

Зато Иришке очень польстило то, что у нас с Ниной был крайне недолгий роман. Она вся светилась от счастья и все говорила:

— Нина спрашивает все, где ты, куда ты пропал?.. Но я же не могу заставить человека прийти к ней на свидание, если он не хочет.

И больше я Иришку уже не дразнил, не мстил. Не покушался на ее подруг. Я ее только жалел.

Даже когда в очередной раз случайно присутствовал на их с Олегом любовной ночи. И уже тогда, лежа без сна, — я в такие моменты почему-то не спал, у меня вообще был всегда фарт на подобные моменты, — я уже почувствовал, что я составлю их счастье, именно я сделаю им жизнь, наполню ее смыслом, что на ревности ко мне Олег выполнит все, что Иришка потребует, вплоть до регистрации брака, все более будет попадать под ее влияние, что я их свяжу своими существованием, сделаю им программу, что, начав ориентироваться на меня с самого начала и выбрав крестным отцом, они уже до конца будут жить мной — и что на меня ложится, кроме своей семьи, еще одна в жизни ответственность. Мне их надо будет поддерживать, за них думать, их направлять, их скреплять... Они вручили в мои руки свои жизни и, не осознавая этого, очень на меня надеялись... Их жизни уже заканчивались, они даже потом уехали в деревню, в глушь и в элементарный неуют, чтобы хоть на фоне деревни чувствовать свою значимость, а моя жизнь только начиналась, и у меня много было всего впереди, отраженьем чего они будут жить в будущем. Они вообще будут жить только мной. Я буду привозить им в их деревню картину бурного наружного бытия, веяния мира, свои успехи, фильмы, свои неудачи, свои достижения, свое расположение, сладости, деликатесы, потом деньги, когда стану достаточно обеспеченным, в то время как они будут все так же пребывать в жалком и крайне опрошенном состоянии. И они будут немножко завидовать мне, а я буду завидовать их простоте, мечтая о таком же простом образе жизни, считая его за идеал,

и мы будем все втроем связаны нашей общей на троих любовью, которая будет именно на троих, с каждым в отдельности нам станет уже не так интересно, и любовь их ко мне обоим, и моя к ним, сделается самой главной ценностью, которая скрепит их на многие годы.

Через два года жизни с Олегом Иришка признается мне, что удовлетворения достигает лишь, когда сама себя ласкает, и что Олег — не ее тип. Что она на самом деле истеричка и что Олег стал заводить на стороне романы.

А Олег скажет после свадьбы, когда, наконец, Иришка добилась этого, осуществив свое страстное желание уже где-то лет через пять после их совместной жизни:

- Оказывается, у нее еще и зубы искусственные.
- Что ты говоришь? — Изображу я удивление.
- А то ты не знал!
- Первый раз в жизни слышу.

И мы расхохотались.

— Завлекли и обманули, — сказал он. — Как в том анекдоте, когда невеста после свадебного торжества сняла на ночь волосы, а в стакан с водой положила вставную челюсть. Затеваю процесс о расторжении брачного контракта.

— Ну ладно, не до такой уж степени все искусственное...

Но никакой процесс он, конечно, не затеял и остался с ней навсегда, больше по привычке, где-то из общей их любви к свободе и цыганщине, ведь было что-то общее, связывающее их, а еще и из дружбы ко мне, вернее, из уважения, как я уже сказал, к нашей дружбе втроем. В память о наших отношениях. В то же время, продолжая романы на стороне, из-за которых Иришка, крепясь и делая вид, что ничего страшного не происходит, страшно страдала. Все же он был на пять лет моложе ее и у него где-то был даже никогда не виданный им

ребенок. От прежней жены, существовавшей очень далеко, но которой он платил алименты.

Иришка было намерилась скрепить их брак общим ребенком, но тут, видимо, за грехи ее, как она ни старалась изо всех сил, в детях ей было уже отказано.

А Олег, со своей стороны, часто высказывал мне свои жалобы на потерю свободы, что его охомутали, что не дают привольно по-казацки жить. «Стоило тогда и уезжать на волю в деревню?» — говаривал он. Жалобы мне по-мужски совершенно понятные, хотя и в плане перспективы изменения отношений с Иришкой совершенно бессмысленные. Но относился он к своей несвободе с юмором и терпеливое отношение к женской природе и ко всем слабостям Иришки, либо разделял со мной, либо перенимал у меня.

9

Всех удивило их решение уехать жить в деревню. Только я их понимал. И думал, что если бы к тому времени уже не вошел в ту стереотипную модель, которая требовала от меня той же жизни, какую вела Иришка в свое время, я бы поступил, наверное, как и они. Иришка да же и место стремилась выбирать поближе к нашей бывлой дачной деревне. Детские воспоминания вели ее всю жизнь. Несколько деревень они сменили, устраиваясь на работу учителями, она английского языка, он физики, математики и физкультуры, занимали какую-нибудь запущенную учительскую избу, покупали лодку, мотор и в свободное от службы время вели жизнь рыбаков и охотников.

Я приезжал к ним часто. На рыбалку, на охоту, собирать грибы, играть в карты, просто жить в глуши, мне у них было хорошо. То я рубил дрова, то учился косить, ездить на соседской лошади, заготовливал хвою, березо-

вые веники. То помогал им строить дом, когда, постранив по области, они окончательно осели в одной деревне на берегу водохранилища. Мало того, считал даже, что построил им дом, поскольку без меня им не хватило бы волевого усилия. Однажды я приехал в отпуск и заставил ленивого Олега из уже год как заготовленного материала и разобранный на бревна еще одного дома строить новый, и когда начали и уже до крыши довели вместе, им уже нельзя было отступить.

Олег имел и свои хорошие стороны, он был прост, открыт и добр, так добр, как бывают рубахи-парни в деревне, всегда готовые помочь, выбежать вытолкнуть из грязи машину, помочь отремонтировать бензопилу, кого-то подвезти, но так же и компанейски выпить, и, в конце концов, я его полюбил. За его доброту. Да и за то, что я был тем единственным, что составляло все их достояние.

Потом нам даже было радостно встретиться с ним, пожалуй, радостнее, чем с самой Иришкой.

— Как я рад, что ты приехал, — говорил он, и мы обнимались. Когда он перестал изображать из себя полигота и большого умницу, при его все же университетском образовании и знании многих специфических вещей, при его интеллигентности и уважительном отношении к женщине как таковой, я очень его оценил.

У него было много юмора. Он умел красочно обо всем рассказывать, например, о моей собаке Динке, дворняжке, в свое время подобранной мной в Москве на улице под Новый год, дворняжке до мозга костей, симпатичной, живой, милой, но абсолютно беспородной, которую, продержав у себя дома года три, я в связи с переездом на другую квартиру сдал им в деревню на содержание, он говорил так:

— Приехала такая москвичка, — и он изображал ее и гнул пальцы, — вечером за забор вышла к деревенским

барбосам и говорит: «Да я... Да у нас, в Москве... Да мы в столице...»

И в то же время, исповедуя принцип жизни для простых радостей, он все также изменял Иришке, не считая нужным этих радостей избегать, все чаще стал пить уже с утра, и она, чтобы он ее не бросил окончательно, раскручивала меня, то театрально бросаясь на шею при всей деревне, что я уже привык понимать как начало очередного Олежкиного романа, то выставляя всем и каждому нашу дружбу, то танцуя передо мной, что она умела делать когда-то, и умела делать и сейчас с той же улыбкой, с тем же темпераментом и упоением, но с уже совершенно не соответствующей для этого внешностью. И мне приходилось быть для нее главным зрителем, благодатным и всегда терпеливо к ее стараниям снисходящим, выражающим ей свое восхищение и одаривающим поддержкой, как в свое время делал Сергей Александрович... То вспоминала Битлов, что было вообще уже символом нашей молодости...

Они выставляли на крышу своей избушки динамик магнитофона, и из него в огород неслись песни Леннона и Маккартни, «Хэй-Джу», «Ми-шел» — для людей, копающих в огороде картошку. Это вещь удивительная: рок и русская жизнь. Понятно, что это не сельский житель, что из города. Но картошка-то одна. И такая дистанция между любовью к «Еллоу-субмарин» и грязными от земли руками, столько тут томления в прослушивании, столько совершенно другого восприятия песни, неведомого нигде и никому в мире, кроме нашей страны, нигде в мире не воспринимается все это более *загранично, более недостижимо*, чем у нас. Постороннему такое может показаться страданием и несчастьем. А на самом деле это просто русская жизнь... Наша самоуничтожительная мазохистичная русская жизнь... Она всегда была такова, и в этом ее сладость. Ее своеобразный

колорит, аромат, привкус. Точно так же и теперь интеллигент с бородкой летом может жить в разрушающейся обветшалой старой даче, которая совершенно выпадает из современной жизни, и жить органично и отдыхать с достоинством, нисколько не изменив себе, нося все так же свою бороду и не испытывая стыда за свое убогое строение перед обладателями окружающих его роскошных коттеджей и каменных дворцов. Вот это примерно то положение интеллигента в деревне, которое заняли и они.

В один из моих приездов мы с Иришкой предприняли даже путешествие в нашу деревню, на любимое когда-то место, с протоками и старицами, поросшими кувшинками, к памятному по первым детским впечатлениям яру деда Михайла, одни на моторной лодке, оставив Олега дома выше по течению. Туда, где прошло наше детство, и где все знакомо до мельчайших деталей. Где встретили старого, но неизменно язвительного и неизменно преданного нашей деревне нашего любимого юмориста-писателя, который наедине со мной все допытывался, почему Иришка выбрала деревню навсегда и что это у нее теперь за блажь?.. И с огромным любопытством косящуюся на нас из-за нашего общего совместного путешествия его по-артистически незарегистрированную, незаконную, но вечную и неизменную его жену тетю Женечку. Так вот там, ночуя в палатке на яру деда Михайла, Иришка первый раз мне предложила. Не явно, без всяких слов, для этого слов и не надо. Но я четко это почувствовал, когда мы легли вечером рядом. Но я не взял. Опять я не хотел так, или этак, или такую, не помню, какие мотивы опять у меня были, но я не взял.

Интересен механизм, который действовал у меня в такие моменты. Меня просто переполняло чувство

принципа. Невозможность обмануть Олега, скажем, или святую память о детстве, или еще что-то... Всегда в такие случаи находилась причина, чтобы на решительный шаг не пойти. Умение сдерживать, контролировать свои желания, даже в безумии и в последней степени пароксизма держать себя в руках было развито у меня необычайно, и оно, кстати, приносило мне — да и моим любимым — много сладости в молодости, когда благодаря этому умению себя сдерживать я мог бесконечно продлевать процесс.

Иришка не стала настаивать и навязываться, но и не обиделась.

Наша общая любовь к детству, проведенному в нашей деревне, к природе, и появление ее там, где она являлась королевой, было всех других мелочей выше.

10

Какое сказочное время проводили мы втроем. С Иришкой в одной из первых их деревень, Петровке, когда ей первый раз Олег изменил, на глазах у нее став крутить любовь с нянечкой из детсада, а она так страдала, так ревновала, что опять это напоминало со стороны крушение мира — с ней творилось что-то страшное. Что-то там у них вообще творилось такое жуткое, о чем мне даже и не решились рассказать. Вернее, рассказали очень скупо. Но Иришка даже прострелила дверь оставленным мной у них дробовым ружьем, дыру от выстрела я сам видел... Там, в Петровке, по приезде к ним я увел ее в лес. Была осень, облетевшая листва с берез и холодное изумительно синее небо.

— Смотри, — сказал я. — Смотри на это. Разве стоит это всех наших бед и обид...

Под ногами была увядшая листва, и пахло прелью, и я видел, как ей плохо.

— Помнишь, как ты прекратила родительский наезд на меня на предмет женитьбы? Ты всегда была трезвым человеком и мужественна, не давала себе удариться в сопли. Что же ты изменяешь себе сейчас?..

— Я просто чувствую, что рассыпается вся моя жизнь.

— Да посмотри вокруг, стоят ли этого наши жизни? Да и что есть наша жизнь?..

Она подняла глаза вверх.

— Ты прав, Сашенька, конечно. Но мне так плохо.

— Забудь, выкинь из головы. Мы же все одиноки всегда, и единственное, что есть с нами, только вот это, что есть нас вокруг.

Она вздохнула. И посмотрела еще раз на лес и даже улыбнулась.

— Напоминай мне почаще, Сашенька, а то я начинаю всякую ерунду думать...

— Которая ведь есть совершенное ничто по сравнению с возможностью все это видеть. А эту возможность никто ведь у нас не отбирает?

— Конечно, не отбирает. Ты прав, Сашенька, значит, все хорошо.

— Конечно, хорошо.

И я нежно повел ее под руку к реке.

Потом Надька подобным образом не раз помогала ей своими мантрами.

А потом, в деревне Сосновка, мы втроем ездили на моей машине. Уезжали на реку и ночевали там. Делали дальние вылазки, переправлялись через реку на пароме. Путешествовали по проселочным дорогам, ловили рыбу, варили уху, пили иногда даже водку и любовались закатами, пекли картошку в костре. Мне особенно от этого было хорошо.

У них всегда была лодка с мотором. Они всегда были готовы и легки на подъем.

А потом по возвращении домой, пока Иришка готовила обед, мы с Олегом валялись, усталые, на диване и разговаривали о разном отношении к людям. О том, что есть люди, которые берут на себя ответственность, строят планы, борются за их осуществление, создают вещи, богатства, заводы, города, — что особенно сейчас приветствуется, — а есть люди, которые живут, как трава, как птицы, не обещают ничего, не строят планов, выполняют свой урок, что-то положенное, зарабатывая этим себе на жизнь, могут даже и вполне качественно выполнять его, не обязательно халтура тут подразумевается — и больше ни за что не отвечают, больше никакой ответственности на себя не берут, им больше ничего и не нужно. Если бы такой еще не пил, такой бы был самый свободный на земле человек. Обладающий той свободой, о которой мы только мечтаем. И разве определишь, какой тип человека предпочтительнее... Каждый имеет свое право на существование...

— Это про меня, — говорил Олег.

— Как же, про тебя. У тебя, как говорят шоферы, сильно рот замазан...

Мы разговаривали, устало лежа на диване, и Иришка поддакивала нам. С возрастом из нее развилась необычайная Душечка. Она не только сознательно поддакивала, с умыслом, строя какой-то, как всегда, расчет, она на самом деле увлекалась миром мужчины и жизнью его идей.

Играли в преферанс. С обычными: «кури больше — противник дуреет», «смотри карты соседа, свои всегда успеешь», «знал бы прикуп — жил бы в Сочи», «за такие вещи у нас в Питере канделябром». Олег обычно выигрывал.

— Сашеньке добавка.

— А почему это Сашеньке?

— Ну, давай и тебе.

— Знаю я вас, лав-френды молодости. Еще на одном горшке сидя, надумали меня обмануть.

— Да, — улыбалась Иришка своей сморщенной мордашкой и тянулась ко мне, чтобы поцеловаться, и не без некоторого пересиливания себя, но я все же ее целовал.

— Милуйтесь, бой-френды...

А потом он рассказывал мне о своей очередной пассивности в деревне, или о своей ученице в школе, любимой им, про которую торжественно говорил: «Май лав» — и о которой говорил с необычайным восторгом...

А потом он стал алкоголиком. Запойным. Такие добродушные и спиваются. На три дня в две недели. Она окончательно превратилась в истеричку и стервозу, которая не давала ему жить. И уже что было причиной ее стервозности и его алкоголизма, не установишь, очередность не выяснить. Они дополняли друг друга. Я и тут работал опять в ее пользу, принимая ее сторону. Мы хотели его зашивать, но он гордо берег свою казацкую свободу. А сердце было слабо. Я его воспитывал, специально сгущая краски, корил тунеядством, тем, что живет, в силу своей безработности, на шее жены. Думаешь, ты интеллигент, да ты давно пропил всю свою интеллигентность, такой же сделался подзаборный алкаш, как все твои трактористы. Ты же не видишь себя пьяным со стороны, какая ты гадость! На что ты уже способен, и памяти у тебя даже хваленной не осталось. Зачем живешь?!

Случайно — да нет, не случайно, мне приятно было ему показать, — показал фото своей жены. Не в пример теперешним фотографиям жены его. И это я уже сделал напрасно. Через полгода он и умер, и я не успел ему сказать, что был не прав. Что не имел права его судить...

За два года до их смерти я продал по дешевке им одну из своих машин. Но в самый последний момент позадничал, решив еще на ней немного поездить, а они, добираясь в город на попутке, уже чтобы забрать ее у меня, попали в аварию.

Моя жена, умеющая все объяснять с нетрадиционной точки зрения, объяснила это моей энергетикой. Ты очень не хотел им ее давать, вот они и попали в аварию.

А я на самом деле собирал обиды на них тогда, внутренне корил за их потребительское ко мне отношение. Злился, потому что сам был в тот момент в затруднительном положении и не мог купить себе новую машину, и хотел еще на этой поездить...

- Они очень подсоединены к тебе, и это сработало.
- Что же я виноват в их аварии?
- Все мы немножко виноваты во всем.

И я поехал к ним в больницу и сделал все, чтобы их вытащить. Хотя раздробленное колено Олег не смог уже восстановить никогда, до конца оно уже не разгибалось. А у Иришки долго давал о себе знать позвоночник... Оба получили инвалидность.

Но примечательна простота отношения Олега к обрушившимся несчастьям. Тут он был постоянен, надо отдать ему должное, и оставался до конца легкомысленным человеком. У него был врожденный порок сердца, на операции он едва выкарабкался. Но пить не перестал и о ходе последующей операции, когда ему снимали металлические скобы в их районной деревенской больнице, рассказывал в форме анекдота...

«Разрезали они мне ногу, а одна из четырех гаек на шинах оказалась нестандартная, ставил-то шину полгода до этого приезжий из города хирург, и они не могут такого шестигранника найти. Крутились и так, и этак,

не получается. И плоскогубцами пробовали удержать и отверткой — не выходит. Рожковым ключом не подберешься, гайка евростандарта с внутренним шестигранником. — Ладно, — говорят, — зашиваем обратно, в следующей раз, когда инструментом запасемся, сделаем. Я говорю: вы чего, мужики? Давайте что-нибудь придумаем. У вас же наверху зубной кабинет есть, и наверняка наждак, попробуйте сделать шестигранник сами. — И то, говорят, есть. Можно попробовать. — Пошли, что-то там стали делать. Я лежу, жду. Вернулись, давай опять пытаться — грани сворачиваются, ничего не получается. Попробовали отогнуть скобу, это Евсеич посоветовал: держи ногу, попробую оттянуть. Один держит, другой за скобу тянет, мне хоть и обезболивающее сделали, а чувствую, что там ломают что-то, только хруст стоит. Титановая скоба не гнется. Они аж вспотели. — Евсеич, — говорю, — а никто в последнее время импортную технику не покупал? Может, мебель хоть... — Точно, — говорит, — стиральную машину же покупали. — Евсеич, сгоняй по-быстрому, я подожду. Ладно. Уехал он домой... Минут двадцать его не было. Зато нашел. И действительно, открутилась, как по маслу...»

Если бы он не пил, был бы очаровательнейший человек.

А потом он чуть не отрезал на деревообрабатывающем станке Иришке на руке пальцы. Когда пилили дрова. Что за напасть на них... Я представляю его ужас.

Когда она лежала в больнице, он звонил мне по межгороду в совершенно пьяном виде и клял себя за то, что доверил бабе держать доску, клял себя на чем свет стоит.

Связаны мы были. Это точно. У меня болело сердце, если болело у кого-то их них. Я только потом установил связь, что у меня, находящегося в другом городе на расстоянии несколько тысяч километров что-то заболела-

ло, причем, внезапно и совершенно не свойственное мне. Чужая болезнь. Радикулит, например, колено или сердце... Когда Иришка перенесла микроинфаркт, я ей звонил каждый день и убедился в этом с абсолютной точностью...

12

Слишком много я стал произносить посмертных то-стов. Слишком много вдруг стало умирать вокруг меня людей. Как-то резко, обвально. Что даже насторажива-ет. Ведь нам всего полтинник. Что происходит в мире? Слишком часто мне приходится теперь в застольях на-чинать за упокой. Это какой-то ужас. Я-то ведь ощущаю себя еще молодым. У меня сын пяти лет, достаточно мо-лодая жена, работа, определенное уважение людей, деньги. Ну, положим, не молодым, но только настала зрелость!.. Полон сил!.. Столько можно сделать!.. А они мрут... Иришка начала отцветать и увядать еще двадцать пять лет назад.

Сколько друзей и знакомых я уже похоронил из тех, кого знал по двадцать-тридцать лет. Не считая родите-лей: родителей и их друзей уже не осталось совсем — но сколько сверстников! С теми, с кем учился. С кем работал. С кем рядом жил...

— Олег умер за тебя, — сказала мне моя жена после похорон Олега, в очередной раз тренируя свою интуи-цию. — Я не хотела тебе говорить, мне случайно эта мысль пришла. Но потом подумала, что надо сказать. Не знаю отчего, но я к случайным мыслям, как ты зна-ешь, отношусь особенно... Может, и тут она что-нибудь да значит...

Все мы связаны, кто знает, может, она и права... и я живу только потому, что умирают они... А вот теперь Иришка.

13

Совсем голой я ее увидел уже только в конце нашей с ней жизни.

К тому времени я уже несколько десятилетий не мог относиться к ней как к женщине. Привык не брать ее внешность во внимание. Какая бы она у нее ни была. А тут я застал ее спящую.

Я, конечно, замечал, что, увянув лицом очень рано, — Котька, наверное, и не успел захватить то время, чтобы запомнить, даже отметить тот факт, как в молодости была красива его мать, да я и сам не вспоминал об этом вечно и ездил к ним с Олегом в деревню уже лишь по-братски или как друг семьи, с которой дружишь всю жизнь и внешность чужой жены воспринимаешь как нечто, тебя совершенно не касающееся, — тем не менее, увянув лицом, Иришка продолжала владеть красивым телом. И я все же замечал иногда в общих походах на рыбалку или купаться, что в купальнике она выглядит очень молодо, невольно обращал внимание, что тело ее продолжает иметь стройные упругие формы... Понятно, груди было очень мало, как и положено у них, балетных, это у них наследственное, и даже как-то уместно и пропорционально, но ноги, плечи, спина, бедра — все так же были очень хороши. Правда, я отмахивался от этого, как от назойливой мухи, тут же вытеснял из сознания и, когда возвращался с рыбалки, об этом забывал совсем. Хотя некоторое время еще поглядывал мимоходом, но прогонял ненужные мысли.

Но я себе даже и не мог представить, насколько у нее красиво еще и все это, ее большие половые губы, полные, будто сбежавшиеся вместе и специально выпяченные для поцелуя, и ее округлый лобок, и весь низ живота, и черный пушок наверху. И обольстительно молодая кожа, где красная точка расчесанного укуса ко-

марика в теплом нежном паху... О, Котька, это непередаваемо!..

Она спала днем, на спине, вольно раскинувшись на кровати после бани, в один из моих долгих наездов к ним, чуть согнув в колене одну ногу, и начавшему сползать с нее одеялу я не мог не помочь окончательно сползти. Я не смог преодолеть искушения, когда увидел, что ему остался только краешек, который я и открыл.

И меня как током ударило. Это было просто как шок. Как пелена слетела с глаз. И я понял, что я только бегал от этого всю жизнь. Что всю жизнь я сам себя обманывал... У меня просто что-то сдвинулось в мозгу...

Я чуть не упал на нее тут же. Удержало меня только ровное похрапывание Олега, тоже спящего на диване в другой комнате и видного в проеме двери.

И единственное, что я мог себе позволить, это застыть столбом в изножье кровати, впиваясь взглядом вблизи, давя в себе шумное вырывающееся из меня дыхание, и успокаивать бешено, как молот, как мех, колотящееся в груди сердце. И изнывать от желания броситься целовать каждую складочку этого лона. Лона всю жизнь любимой, непереставаемо любимой и вечно ждущей меня, и ни разу мной не тронутой женщины. Чтобы потом нечеловеческим усилием, прикусывая губу, сдерживать вырывающийся из горла стон и погасить бесконтрольность последнего спазма.

Два раза подряд я повторил это. Смешные жалкие крохи близости со всю жизнь любимой тобой женщиной. Тем более, когда ты уже знаешь наверняка, что это та пипка, которая тебя только и ждет всю жизнь, тебя только и примет в себя с радостью и с наслаждением, с содроганием, вберет, поглотит. Застонет ее обладательница. По-настоящему застонет, а не деланно, как делают это миллионы неподходящих друг другу женщин и мужчин, обняв и прижав тебя к себе...

Котька, за что мы любим женщину? За то, что она явилась первой девочкой, которая показала тебе грудь? Как бы невзначай сняв майку и жадно наблюдая за тем, как ты неотрывно уставился, не в силах отвести взгляда, на ее как две верхушки от шара припухлости груди... Или за то, что она явилась первой, которую ты обнял, или первая, на которую ты посмотрел?..

И этого достаточно? Чтобы любить женщину до самой ее смерти?

Ведь Иришка была не лучшим человеком. Котька, сколько раз она предавала и использовала меня. Сколько предавала других людей. Даже любимого отца, которого боготворила, предала: когда брала в свои шестнадцать лет фамилию, она выбрала из практических соображений фамилию своей матери, народной артистки, а не его. Сколько обманула мужчин... А уж что говорить про тебя... Я расскажу тебе, например, Котька, что когда тебе было годика три-четыре, она летом, не имея возможности тебя с кем-то оставить, часто бросала на весь день дома одного, чтобы уехать за город с любовником, может быть, даже и с Олегом, — мужчина для нее всегда был на первом месте, присутствие такового в жизни — это было для нее святое. А тебе был оставлен стакан молока и обед на столе, и ты коротал весь день в одиночестве. А однажды по возвращении ночью она нашла тебя спящего в твоей постельке по уши вымазанного солидоллом, банку которого ты нашел у Сергея Александровича на балконе — на открытом балконе по случаю летнего дня на четвертом этаже! — и им изукрасил и себя, и все вокруг, и она, плача и иногда шлепая тебя, отмывала тебя в ванной, а солидолл, сам знаешь, водой не отмыть...

Родителей забросила, да вообще забросила бы кого угодно, пожертвовала бы кем угодно, только бы без мужчины не быть...

И пусть была умна и трезва, что меня всегда в ней привлекало, но зачем дан ей был весь этот ум, куда он шел, на что был потрачен? На то, чтобы выгородить себе что-то нужное. На то, чтобы, трезво рассуждая, оценить свои достоинства и недостатки и рассчитать нужные ходы, чтобы еще что-то в жизни заполучить.

Эгоистичная женщина. Вся жизнь посвящена тому, чтобы не остаться одной. Ведь и в пьяницу Олега она вцепилась наподобие клеща, и держалась за него, и пила кровь. Иногда, в периоды его запоев, когда теряла возможность управлять им, в отчаянии желала даже, чтобы этот алкаш поскорее умер, но все же понимала, что без него ей вообще не с кем будет жить, и только поэтому терпела все его свободолюбивые вылазки. По сути, любила в жизни, как Зинаида Анатольевна, только собак и кошек, их у нее был полон дом. Людей она только умно эксплуатировала.

И единственной тайной для меня осталась: почему она не использовала и меня? Что она все-таки испытывала ко мне? Почему жалела, она, эгоистичная до мозга костей, почему меня оставила без употребления? Теперь я уже никогда не узнаю этого, потому что не говорят таких вещей из могилы. И точно так же никогда я теперь уже не овладею ее сладостной пипкой. Я не взял ее, ни когда она была красива, ни когда она была некрасива, что следовало бы, чтобы быть уж до конца последовательным... Что это было с моей стороны, святое служение идеалу, идеалу нетронутости, верности, или трусость, боязнь решительных поступков, воздержание из нежелания каких-то сложностей для себя, боязнь перемен?.. Тогда получается, что всеми этими принципами, отговорками я испортил и себе, и ей жизнь, может быть, для нее я такой же единственный, как и она для меня, и мы были предназначены друг дру-

гу? И только отсутствие меня в ее жизни и моей настойчивости и решительности, позволившими хотя бы проверить это на деле, и обрекло ее на всю эту никчемную жизнь, на потерю красоты, на отсутствие нормальной любви к детям, к людям, на жизнь с пьющим человеком, на бездетный брак, на ее скоротечную жизнь... Тогда это вообще уже преступление перед Богом.

Как говорил Иоанн Лествичник, иная жизнь похожа на плотно закрученную год от года древесину на стволе дерева, закрученную вокруг пустоты, вокруг дупла.

Не есть ли и моя жизнь с этим моим принципиальным, платоническим, онанистическим служением женщине такая же вот древесина вокруг пустоты, в которой ничего, абсолютно ничего не содержится, такая же пустота, закрученная вокруг ее пипки...

ПРЕХОВОДНИК
(Зов пола)
Роман

1

Эта женщина, видимо, является любовью всей моей жизни.

Я и сейчас ее люблю, хотя не видел, наверное, уже лет двадцать. Другой такой женщины у меня не было, и, сейчас я в этом уже уверен, не будет никогда. Это, видимо, как раз та моя половина, которую в старых книгах призывали искать среди людей писавшие любовные сентиментальные опусы романтические писатели.

Впрочем, другой женщины, не то что такой, а вообще никакой, у меня не будет и так. По возвращении с этого континента грез, на котором мне осталось пребывать еще двадцать восемь лет и два месяца, пусть это и образцовый континент в штате Аризона, снабженный всеми достижениями цивилизации, в отличие от таких же континентов на территории моей родной, оставленной в прошлом страны, на которых, тем не менее, как, я представляю, точно так же только и делается, что бесконечно грезится о женщинах, только об этом единственном и мыслиться, о том самом главном, чего тебя лишают в жизни волей благословенного правого большинства и чему отданы все твои дни, ночи и мысли — после возвращения отсюда, я думаю, мне уже не будет до женщин вовсе, поскольку мне — если я и доживу — стукнет уже под восемьдесят, и к женщинам я начну относиться спокойно и умозрительно. И я не смогу себя

радовать даже и воспоминаниями — единственное, что остается делать всем в этом заведении, когда люди остаются наедине с собой. Когда каждую свою бывшую женщину ты снова и снова трогаешь в воображении, с каждой знакомишься и обольщаешь вновь, каждую яркую любовную сцену, воображая, обсматриваешь во всех деталях, повторяя понравившееся неоднократно в уме, делаешь их героинями в таких сюжетах, которых ты раньше даже и представить не мог и которые теперь приносят тебе истинное наслаждение...

Так вот, даже среди подобных игр я открываю, что она — единственная из всех женщин в моей жизни еще и в том, что она одна, которую я не помню в близости. Я не могу это представить, как ни стараюсь себя воспламенить на ее счет, не срабатывает: как мы это делали, не могу вообразить совершенно. Абсолютно не помню, что со мной тогда происходило, как я подбирался к экстазу, помню только, что это было так, как будто там оставались и вся моя память, весь мой ум, все мое бытие. Это вбирало всего меня целиком, как «черная дыра», как квазар. Вся жизнь — там. Как обморок. Как забытье. Я помню только мелочи, что когда, например, клал ей руку на живот, всего лишь клал руку на живот, по нему прокатывалась судорога и она уже от одного этого начинала сразу делать совершенно бесконтрольные и совершенно неприличные подмахивающие движения. От чего, жалея, ты скорее старался ее освободить, быстрее дав ей нужное. Нет, помню еще, какое она занимала положение. В самом начале процесса. Она не раздвигала ноги, она лишь вытягивала вдоль моих свою одну, а другую чуть приоткрывала, согнув в колене. Это было как старт. Как исходное положение. Начальная стойка. И больше уже ничего до самого конца. Как я добирался до финиша, одному Богу известно. Ничего не помню... никогда.

Красива ли она была?

Говоря о ее внешности, я бы мог сказать, что на нее западала вся мужская половина нашего, который я закончил на моей родине, тогдашнего советского института. Но сказать так — это совсем не объяснить моей любви к ней, напротив, подсказать неверный вывод, что я любил ее именно потому, что западали на нее многие. Именно поэтому. Как это часто происходит по отношению к предмету поклонения всех.

Нет, о всеобщем восхищении говорить не буду. Тем более что мужская половина западала не нее вполне специфическим образом. Как на определенного рода женщин, мимо которых, не обратив на них внимание, ни один мужчина не может пройти. Даже если у него есть любимая жена, даже если он очень серьезный человек и весь в серьезных делах и заботах, даже если он особых моральных принципов или идеалов — не скосить невольно глаза на такую он не в состоянии. Более развязные даже прищелкивают при виде такой языком, подмигивая соседу глазом. Либо оглянувшись ей вслед, посмотрев издалека, еще и выставляют вверх большой палец. В общем, одно подобное восхищение — уже вполне достаточная характеристика.

И тем более, что она была рыжая. И кожа у нее, как у многих рыжих, была белого, не поддающегося никакому загару, немодного цвета. И представить ее с шоколадным загаром, скажем, под рекламного вида пальмой со струей прозрачной влаги из кокоса было просто невозможно. Для позирования в купальнике вообще: у нее была, видимо, чересчур развита грудь — она ни в какие рекламные рамки не вписывалась.

Но красота ее была в другом. В том, как она запрокидывала на подушку голову, беззащитно обнажая свою тонкую шею, с голубенькой обворожительно нежной жилкой на коже. Она была в это время невероятно прекрасна, изумительно красива, совершенный овал подбородка, сомкнутые веки, вдохновенно вздернутые бро-

ви и отрешенческое потерянное выражение лица. Совершенно божественное одухотворение, ангельское, божественное лицо. Которым хотелось без конца любоваться, гладить и нежно касаться губами. В то время как я в этот же самый момент еще и старался, и все никак не мог, целиком обхватить ее груди...

Именно здесь, в тюрьме, я приобрел способность владеть языком и точность в создании образов. Я думаю, писателя из человека всегда делал и делает именно воображенный блуд. И его основа — отсутствие в данный момент по какой-то либо причине женщин в жизни. То, чем награжден каждый заключенный. Это раздувает божью искру неимоверно. Образ человек начинает видеть воочию, и для этого у него находят и слова, и краски. Иногда я даже уверен, что именно искусственное или естественное заточение — это и есть необходимая обстановка для развития таланта. Воздержание. Абстиненция. Ну и мастурбация, конечно. Когда живешь с этими образами, с этим воображением. Теперь я даже не знаю, захотел бы я иметь, подвернись такая возможность, нормальную, так называемую полноценную, жизнь. Это бы значило пожертвовать талантом. Потому что две подобные вещи, нормальная жизнь с женщинами и пестование таланта, не совмещаются. А осознание своего таланта — это такое упоительное явление, что не раз подумаешь, чем пожертвовать и что из этих двух радостей предпочесть... Потерять космическую демиургическую способность к творчеству, силу создания жизни и вдувание душ в образы. Триста раз подумаешь, стоит ли игра свеч...

Замуж она выскочила очень рано. По-моему, еще в школе, по-моему, еще до поступления в институт. По крайней мере, уже на первом курсе, я помню, мы с ней вдвоем снисходительно смотрели на наивную девчачью жизнь всех остальных девочек-сокурсниц, щебе-

чущих в перерывах у окна о каких-то своих крохотных тайнах и делящихся друг с другом маленькими наивными открытиями. И оба с взрослой покровительственной улыбкой воспринимали их идеалистический бред, взросло уже осознавая, что в жизни на самом деле есть главное. В чем истина, в чем смысл и суть.

Помню, на втором курсе мы в тренировочном педагогическом лагере всей группой готовили что-то наподобие капустника, сцену из греческой античной истории, по теме, назначенной нам по жеребьевке дирекцией. Где я должен был появиться с голыми волосатыми ногами и в тунике. Мне так предопределили девчонки. Это был для них кайф. Страшная степень веселья. Вообще, к капустнику этому мы отнеслись с величайшим энтузиазмом. Мы тогда только начинали осознавать всю силу нашей группы как сообщества обладающих способностями и призванных реализовывать и воплощать эти возможности людей. Мы отдавались совместным тренировкам с наслаждением. Уже на все последующие годы совместного обучения погрузившись в упоение коллективного творчества. У нас были еще одна-две девушки с хорошими сценическими способностями и я, уже тогда с задатками творческой натуры, импровизатора и создателя образов и судеб. Остальные парни из группы, их и было-то, учитывая наш «бабий» факультет «русского языка и литературы», всего двое, и они наивных мелких бестолковых своих сокурсниц вниманием не оделяли, в детских школьных забавах участия не принимали и даже ничего не старались понять в них, вечно пребывая в отгулах, в пропусках лекций и в похождениях в кругу самых экзотичных, ярких девушек нашего института, где-то на уровне старших курсов, с их сложными любовными связями, страстными перипетиями, достижениями, преклонениями, соперничеством и т.д.: головные боли по утрам, средства приведения себя в норму, бурная жизнь... И лишь я один, первый раз тогда испытал

демиургическую радость, возился с этим сырым, мало-разумным, невзрачным, а то и попросту бездарным и отталкивающим девчачьим материалом, по достоинству оценив лишь избыточную кипящую экзистенцию, страстно стремящуюся вырваться наружу, каждой из них. Невзирая на их внешние данные, взяв за принцип, что в каждой можно найти что-то ценное, что хороший хозяин каждой вещи должен найти применение, отбросив придиричивость и брезгливость, превратив их в непредвзятость и невозмутимость копающегося в черноземе садовода и продемонстрировав к каждой свое ровное отношение, загнав вглубь свое либидо, стараясь его не реализовывать и их этим не обременять, я при охотной их поддержке начал возвращать тот сад, создавать и вливаться в тот коллектив, или, лучше сказать, творчески слаженное и неразрывное монолитное целое, под конец учебы которое институтское начальство даже начало использовать в общегородском масштабе. Тогда как сами мы ничего подобного не планировали, об этом не размышляли, к этому не стремились, нам достаточно было нас самих и нашего совместного творчества, этого было слишком достаточно, поскольку от одного только взгляда друг на друга нас уже охватывало наслаждение от воспоминания об очередном создаваемом нами действе.

Уже тогда я по достоинству оценил сублимацию либидо. Когда себе стараешься не позволять переходить в отношениях с женщинами какой-то рубеж, предел, да попросту, не тащить их в постель. Господи, сколько тут появляется сразу тонкого, оригинального, фантастического. Когда ты можешь тащить, но не тащишь. Какой полет мыслей, какое богатство взаимоотношений, причудливость и утонченность взглядов, насыщенность мелочами и деталями, какая радость от встреч... Мы млели от удовольствия по утрам, встречаясь на занятиях, приобнимались и так и хотели с другом хотя бы ря-

дом сесть. Я целовал глубоко в губы каждую из тех, кто в институтское время выходил замуж, на свадьбе, в присутствии жениха, как напутствие, как провожание очередной во внешний, отрезанный уже от нас мир. Мало с кем из группы у меня действительно была постель, хотя под конец учебы перед нашим расставанием они все, как ошалелые, в панике страстно стремились эту постель со мной напоследок разделить, и хотя многие из них, повзрослев, расцвели, превратившись к концу учебы из гадких утят в красивых женственных лебедей, я все же по глупости ли, по пристрастью ли к чистоте жанра, в большинстве случаев постарался этой их настойчивости не уступить и от их предложений уклониться. И даже по окончанию института не увеличил число своих «побед». Тем не менее, близость со всеми ними у меня была такая, что, выходя замуж, они даже не могли долгое время отыскать в семье подобную. Они, и выйдя замуж, продолжали на меня оглядываться и меня любить. Как и я продолжал их всех любить, исходя ко всем им вкупе истинно байроновским, донжуанским: «Один тиран когда-то говорил, имей весь мир одну большую шею, я б эту шею махом разрубил. Мое желание проще и нежнее, поцеловать — наивная мечта — *весь милый женский род в одни уста...*»

Так вот тогда на заре нашей творческой деятельности в тренировочном лагере, когда девчата были еще все желторотые и когда мы только еще начинали с ними наш коллективный марафон, репетируя наши сцены и нашу любовь друг к другу с самозабвением, с дрожью удивления от открывающихся для нас незнакомых ощущений и перспектив и неожиданных и не встречаемых никогда до этого в жизни вещей, вдруг распахнулась дверь палаты, и кто-то из соседнего отряда прокричал:

— Катя Шишаева на выход, к пропускнику, к тебе муж приехал.

И она в одно мгновение собралась и умчалась.

И всем стало лишний раз ясно, что у нее, у Катерины Шишаевой, во всей группе единственной, у кого есть муж.

В репетиции нашей возникла пауза.

— А кто он у нее? — спросила Света Смагина, «Пенелопа».

— Курсант, — ответила Мариша Полынцева, «Медея». — Учится в высшем военном училище летчиков.

— А чего так срочно-то?

— Им днем иногда увольнительные дают. Раз или два в неделю.

— Не мог уж подождать.

— Ну что ты, я бы тоже так мечтала, чтобы меня приезжал муж забирать...

— Ну, это уже их личное дело.

— Что я вам скажу, — проговорила Катюша Мачихина, из кордебалета, заходя с улицы, куда специально выскакивала, чтобы посмотреть Шишаевой вслед. — Там он ее на такси дождался. Она только села, и они куда-то понеслись. Только пыль стоит.

— Как романтично...

— Красиво жить не запретишь!..

И они мечтательно вздохнули и тут загалдели уже все.

— Самые красивые погоны, это у летчиков. У них звездочки по голубому фону.

— А распределяют куда-нибудь в дыру.

— Ну и что, зато там северное сияние, олени, снега...

— Ну, Маруська, ты, честное слово, дебила...

— У них учеба четыре года. Он закончит училище с ней в один год.

— И помчится наша Катюша на перекладных...

— А я бы, девочки, не отказалась...

— Ну ладно, лапоньки, нащобетались? — наконец сказал я. — Может, продолжим? Кто у нас Андромаха? Гектор к тебе приезжает на коне: на тонком прутике. Вся

сложность в том, что, когда ты заскочишь на прутик позади меня, ногами надо выделывать тот же аллюр, чтобы было со мной синхронно...

Вернулась она уже часа через три. Мы все еще продолжали декламировать и распеваться. И она с нетерпением и с прежним удовольствием включилась в сценку.

— Ну что, урвала взрослости? — пошутил я, возвращая ей ее тексты.

И помню, она отвела глаза, засмуцавшись. Редко можно было увидеть ее смущающейся в такой ситуации, это был вообще уникальный случай, ей было проще избразить из себя какую-нибудь отвязную бой-бабу, и естественней, что говорить, такой отвязной и казаться, а то и быть, но тут, видимо, сыграло роль обстоятельство, что она «урвала» этой «взрослости» без меня, не со мной. И ей было неловко. Видимо, процесс коллективного творчества ее тоже пленил. И она тоже попала под обаяние нашей друг к другу любви априори. И тоже была неравнодушна ко мне. Как все мы. И испытала чувство вины... Или могло быть еще одно объяснение: она была застигнута моим вопросом врасплох. И поэтому не отозвалась на игривость. Далеко в глубине ее самой, когда доступ туда происходил внезапно, проступала вся степень серьезности ее отношения к предмету, то, как она была вся подвластна этому. Как жрица, как невольница, зомби или шаман. Настолько *это* было значимее для нее всего...

Как и для меня это было значимее всего на свете...

2

В мире есть две вещи, нуждающиеся в серьезном отношении. Истина и пол. Истина, потому что истина — это, прежде всего, слово, а слово — это все. «В начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог, и от него сделалось все быть, и без него ничего бы не было

быти»... И когда я создаю слово, создаю образ, я отчетливо осознаю, что я создаю бытие, то идеальное бытие, которое является прообразом всего материального, которое является более высшим, чем материальное, является эталоном, матрицей, платоновской монадой, и которое гораздо долговечнее, чем маленькая, уготованная каждому на несколько его десятков лет, тленная, ничтожная, материальная жизнь. Потому-то художников и называли Творцами. Они творят истину, они творят слово, а конкретные людские жизни, даже жизнь самого художника — это всего лишь для изображения истины мутный бессловесный материал. Жизнь каждого — бессмысленна и никчемна, и только облеченная произволом художника в слово она приобретает настоящее бытие и бессмертие. Ну а пол — потому что это основа основ самой жизни. И чем ближе человек находится к познанию тайны пола, чем ближе он находится к этой главной силе мироздания, самой главной энергии, чем больше представлен пол в его жизни, чем больше он занят им, тем ближе он к разгадке тайны из тайн. Тем он смелее, талантливее, активнее, мудрее...

Меня всегда поражала далекость некоторых, а может быть, даже и огромного числа, если не подавляющего, женщин от так называемой половой сферы. Для меня, вечно озабоченного, вечно являющегося заложником своей потребности, женщины, которые, например, хотят от настроения, от каких-то там состояний их гормональной системы или фаз луны, или от того, как ты к ним с утра обратился, или еще из-за какого-то бреда, для меня всегда были как инопланетяне. Такою, например, была моя последняя жена. Которых, конечно, интересно познать, разгадать, но которые радости и удовлетворения тебе не несут. И с ними ты живешь как с инородцами, иноплеменниками, не знающими твоего языка, мало того, и не являющимися людьми вовсе. В них для нас, вечно озабоченных, не хватает непосред-

ственности, пыла, страсти, самой жизни, наконец. Для нас, людей, главное — это всегда партнер или партнерша, наличие его сейчас в твоей жизни, обладание его, партнера, голым телом. Воспоминание о его голом теле, запахе его, фантазии, картины с его положениями, процесс... Но ни в коем случае не вопрос об улучшении планировки квартиры, вопрос о накоплении кредитных льгот, «рекордсах» в правах и о получении грин-карты. Для нас, людей, два голых тела партнеров, и все, что они могут сделать, оставаясь вдвоем, является основной смыслообразующего момента в жизни, на котором строятся и из которого проистекают все базовые категории человеческого существования, мораль, нравственность, религиозные ценности, проблемы собственности, права, чести, преступления, такие краеугольные вещи, как вопрос из вопросов: имею ли я право владеть этим телом, имею ли я право удерживать его, имею ли право отнимать его у другого, точно так же желающего владеть им, как и я? Что такое ревность — зло или благо, и что вообще есть добро и зло? Что такое всепрощение, смирение, жертвенность, и, в конечном счете, главный вопрос: правильно ли я живу? А не эти их: «Нет настроения. Я не хочу. Я сегодня устала!..» Боже мой, это ведь как код, как ключевое слово для проникновения в их цивилизацию... Попытка понять эту их неземную нечеловеческую сущность, страсть к разгадке этой тайны, этого их образа мышления и психологии, этот омут жажды познания, жажды разгадки до конца, обладания до конца и привели меня, на примере любви к собственной жене и вслед за этой любовью, в штат Аризона, к опытам освоить еще и совершенно несвойственный мне образ жизни, к попыткам непривычных, неожиданных для меня занятий, а, в конечном счете, и в местоположение, в котором я сейчас и нахожусь и все это пишу.

И ведь я так и не познал. Мой «инопланетный пример» остался там, за пределами, ограниченными бетон-

ными стенами, в той жизни, в которой он живет уже без меня и — непонятый. Так и не понятый...

А она... это было, как купание в водах материнского лона, как полная слиянность, пропасть, в которую я уходил с головой, все понимающий и понятый до конца. Целиком.

3

Проходишь ночью мимо газона перед домом или мимо парка. И вот они там, скрытые кустами или оградой, где-то прямо на земле, и она в последнем порыве: «Я люблю тебя! Я *тебя люблю!*...» Или в лифте, или на подоконнике в подъезде, она, да и он тоже, оба стремятся это прокричать. Даже когда она к нему спиной, держится за трубу парового отопления, и они и в лицо-то друг друга не видят, и он уйдет после этого не оглянувшись, — все то же. И ничего не изменилось в эти десятилетия якобы опрошения и деградации межполовых отношений и пресловутой половой разнузданности ни в моей бывшей стране, ни в этой «прогрессивной» и передовой: здесь, везде одно и то же, как ни стараются представить в телевизоре секс средством для удовольствия, все равно живая жизнь, все равно страсть, все равно непосредственность, искренность, сила чувства стремятся это страстное, сильное и высшее сделать выше удовольствия, облечь в высокие понятия и заоблачные слова. В то, что они и на самом деле в этот момент испытывают!.. Пока они чисты, эта потребность в них неискоренима и не умирает. И пусть они уже через несколько секунд сами себе удивятся, поймав на сказанном, и пусть он ее бросит уже на второй день, обманет, использует. Пока они не начали говорить это порнографическое: «Oh, yes, yes, yes!» — или не научились произносить «Как хорошо!», можно сказать, что Провидение их еще хранит, настоящее, искреннее в них живет и их людьми характеризует.

Именно людьми, а не инопланетными созданиями, своего своеобразия они не растеряли...

По прошествии семи лет по окончании института, когда у нас у обоих уже были дети, семьи, большой опыт супружеской жизни и когда мы наконец уже готовились к нашему первому, так долго откладываемому и долгожданному падению, когда у нас уже было все оговорено и решено, и это рутинное мероприятие по-хозяйски обставлено и прагматически обдуманно, она спросила между прочим и между делом:

— Как звали твою жену?

— Тоже Катя.

— О, замечательно! — Это было ее любимое слово в то время, новое после семилетней разлуки, слово, произносимое по любому поводу, по поводу погоды, полового акта, смысла жизни. Замечательно! — имея в виду одинаковость имен ее и моей жены: не придется себя хватать за язык, когда момент настанет, — и, отвернувшись, занялась какими-то своими пуговицами, после чего, закрыв глаза и обвив мою шею руками, подставила для поцелуев свои груди.

Груди этой, кстати, я касался еще давно. Еще почти десять лет назад, еще в дни учебы. На каком-то вечере, после застолья и дискотеки, она утащила меня в свободную и с пианино аудиторию на верхнем этаже, от шума, от танцев, от которых офонаревала, с ума сходила вся юная часть наших девушек и до которых лично она была не большая охотница.

— Пойдем, Володенька, пойдем...

И я почувствовал, что она сильно пьяна, по-взрослому пьяна, пьянее всех остальных девчушек, и как только я это почувствовал, во мне сразу проснулся кабан. У меня даже дыхание сбилось.

— Пойдем, — тащила она меня и, войдя, сразу села за пианино. А я сразу закрыл дверь аудитории на стул.

— Я тебе сыграю Моцарта, — стул, висящий на ручке двери, она как бы не заметила, — или Брамса сыграю?..

И она стала играть. Но мне было не до музыки, я даже ничего не слышал.

— А вот это ваши песни, которые мы поем в спектакле...

И она стала петь. Она хотела, чтобы хоть на какой-то момент эти песни были только мои с нею, и она пела их одна. Она была, как все, под обаянием нашей общей на всех с девчонками любви и общего на всех творчества, и хотела, чтобы хоть на одно мгновение это общее было только со мной и с нею.

— А вот еще...

Но я, подойдя к ее стулу сзади, обхватил ее за грудь руками, и она сразу осеклась и замолчала. Вернее, поначалу даже вскрикнула. Тогда я наклонился к ней через плечо и поцеловал в губы. И на какой-то момент она отдалась мне вся. Но только на какой-то один момент. В следующее мгновение она пришла в себя и, ударив пальцами по клавишам, заиграла что-то бравурное и запела еще громче.

— Ты коварен, Володенька, — сказала она. — Ты коварен.

— Ну, еще раз, Катя, один поцелуй, — сказал я.

— Нет, Володенька.

И я поцеловал ее в ямочку между грудями.

— Не ищущай. Не надо.

И забарабанила по клавишам еще сильнее.

И точно так же кто-то забарабанил в дверь.

— Открой, Володенька, это Дима.

— Какой Дима?

— Мой охранник.

— Охранник?

Катя улыбнулась.

— Друг моего мужа. Он осуществляет контроль...

И я вспомнил о тех голубопогонных курсантах, которые сновали на вечер и которые были через Катю девчонками приглашены. Это были курсанты летного училища. Но я также знал, что ее мужа среди них не было, он очень неудачно как раз на эти сутки заступил в наряд.

Я несколько отрезвел и почувствовал себя виноватым. И перед мужем, и перед Катей, что мог ее в чем-то подвести.

— Шишаева, — сказал я поэтому, открывая дверь курсанту с совершенно невозмутимым видом и специально по-школярски называя ее по фамилии, — я за шампанским. Нашу бутылку мы уже допили... Рад познакомиться. Владимир, — и подал курсанту руку.

— К тому же, курсантику потребуется еще один фужер! — Я оставил их вдвоем и спустился вниз за бутылкой.

Но когда я вернулся, дверь была заперта.

«Вот уж эти мне друзья мужей!..» — подумал я.

В ручке торчал, видимо, тот же стул, а Катя пела так же, как могла, громко. Так что даже в коридоре было слышно.

Но, тем не менее, я не сразу ушел, я еще поприслушивался, распалaeмый ревностью, потом еще постоял на лестничной площадке и только тогда уже спустился в актовй зал. Но был очень невнимателен к девочкам и через некоторое время опять поднялся в аудиторию. В ней никого не оказалось. Я походил по этажам, но Катю не нашел. Внизу издаleка увидел курсантика, точно так же ищущего кого-то глазами. И я понял, что Катя сбежала домой без охраны. Одна. Протрезвиться. И подалее от греха.

Она искренне хотела быть верной своему мужу.

4

На следующий день с утра она была ядовита и свирепа. Впервые она говорила мне такие гадости, какие умеют взрослые женщины говорить и делать, чтобы только задеть мужчину. Чтобы уничтожить его, унижить, за что-то отомстить или растоптать.

- Пришел наш пастушок. Нас, козочек, водитель...
- Восемь девок один я...
- Бычок-производитель...

Я сидел с Ирочкой Буряк, самой молодой в нашей группе девчушкой, с очаровательной, просто как у куклы Барби, фигуркой, но с совершенно неподходящей к такой фигуре мордашкой, и к тому же еще и не понимающей, какое сокровище, в виде своего тела, она имеет. Не представляющей, во что оно разовьется и как будут еще это тело мужчины хотеть, впрочем, об этом в применении к ней вообще даже и не могло быть речи, этого она не понимала еще больше. Совершенно не понимала, с чем это едят.

— Такие отвратительные у меня конечности, костлявые, длинные, а какая длинная шея! А плечи! Просто Боже! Позор... Единственное, что я в себе люблю, это руки. Посмотри, какие пальцы. Тонкие, ровные, а как кисть гнется, посмотри — она отставила ее в сторону и покачала, как крылышком, или перышком, ладонью. — А кожа такая тонкая и гладкая, и нежная впадинка с внутренней стороны, и я их душу всегда духами отдельно, смотри, как пахнут... — И она настолько увлеклась, что даже одну руку себе поцеловала.

Но тут же смутилась и начала писать лекцию.

На перерыве я подсел к Кате. Взгляд ее дышал холодом, вызовом и ненавистью.

— Чего тебе надо? — с ледяным презрением произнесла она.

– Ну что ты, Катя. Я же тебе ничего плохого не сделал...

И на нее, ожидающую, видимо, от меня какого-то совершенно другого поведения, это произвело поразительное впечатление. Она запомнила его на всю жизнь.

Она даже замолчала.

– Я тебе ничего не скажу. Все нормально. Не обижайся.

– Милый, я тебя люблю, – сказала она, и это на самом деле была правда.

Но то, что и я ее, в свою очередь, люблю, я еще не знал. Меня все любили, и я ощущал этой любви переизбыток. То, что и я ее люблю, я понял только уже после нашего произошедшего через много лет первого соития.

Тем не менее, тот день объяснения был решительным в наших отношениях. Хотя она еще не раз выдавала подобные свечки. Поскольку она меня любила страстно. И, видимо, кроме мужа, в жизни любила, как я сейчас понимаю, еще только меня, а без страсти она любить не могла, ее любовь все же прорывалась после употребления малейшей толики алкоголя, когда с нее слетали все оковы. Тогда она просто распалась и сразу же от греха убежала домой, за что выдавала мне на следующий день по полной программе. Что касается меня, то мне было гораздо легче, я был занят, озабочен половым развитием одной из наших девчушек, как всегда по судьбе моей инопланетянки до мозга костей, и потому развитием мало успешным, тем не менее, занят был этим глубоко и особенно ни на чем с Катей не настаивал, и мало обращал на ее сцены внимания, хотя помнил с теплотой о том факте, что мы здесь с ней лишь двое взрослые, и развязку наших отношений отнесил всегда на потом, на когда-нибудь. Хотя для профилактики каждый раз после особо нежных контактов, складывающихся с девочками после какой-нибудь

совместной поездки за город, в театр, или куда-то еще, после очередного подтверждения особого расположения их ко мне, спрашивал ее для проверки: «Ну, когда»? — И она отвечала: «Завтра». Но завтра, как обычно, передумывала.

Зимой на третьем году учебы мы ездили кататься на лыжах на дачу одного из наших однокашников, Аркаши, ездили почти всей нашей группой, по крайней мере, из мужского состава присутствовали мы все трое. Ребята к третьему году учебы, вдруг осознав, что все девочки группируются вокруг меня, что они составляют, можно сказать, мой единоличный гарем, ревниво решили поправить ситуацию, недооценив лишь то, что в одночасье ситуацию не переломить, что для этого тоже нужен труд, и кропотливый труд, и что даже от петуха или султана гарем требует гораздо больше нервных затрат, забот и энергии, чем на первый взгляд кажется. Дачка, в те времена в советской стране так называли летние домики на садовых участках, располагалась в часе езды на электричке и представляла собой маленький холодный щитовой дом с железной печуркой, которую, чтобы как-то дом согреть, надо было топить постоянно. Мы уехали туда с утра, шли все гурьбой на лыжах от станции по холмам и по взгоркам, по целине, протапывая сами себе лыжню километров восемь или десять, и дойдя, долго топили печь, потом что-то готовили, пили вино, мы, мужики, естественно, водку, пели, катались с берега реки на санках, я несколько раз прокатился на пару с девчонками, в том числе и с Катей, как в том рассказе Чехова, хотя мне в отличие от чеховского героя даже и не надо было ничего шептать по дороге ей на ухо, достаточно было обхватить покрепче, чтобы не выпадывала раньше времени, и уже этого было достаточно. Хотя внизу у речки в разрытом снегу все равно все превращалось в кучу малу.

Потом опять все что-то пили, сидя в доме вокруг раскаленной до красна печки, разлив это что-то в пластмассовые стаканчики. Ребята читали стихи, Мандельштама, Цветаеву, Пастернака, из «Доктора Живаго»... У раскрытой дверцы печки, в которой билось пламя: «И падали два башмачка со стуком на пол. / И воск слезами с ночника на платье капал...». Девочки сидели завороченные. Для них, девчушек с факультета «русский язык и литература», это было так поэтично. Тогда в моей стране все сходили с ума по поэзии, как сейчас сходят с ума по подиуму, и везде практиковались литературные кафе. И та же Ирочка Буряк однажды на мой вопрос, что такое литературное кафе (от нее же поступило предложение сделать на факультетском новогоднем вечере литературное кафе), ответила: «Ну, как это что?.. Сделаем чай, купим торт, ну, и погорим о поэзии...» Так что для них все это было, как елей. Ребята еще говорили остроумные тосты, Саша ставил на патефон старые пластинки. И я отчетливо чувствовал, как девчонки отдаляются от меня, некоторые даже оглядывались на меня с сочувствием. Я стихов не читал, тостов не произносил, пластинок не ставил. И вполне ребята могли бы добиться успеха и потеснить меня в моей монополии, тем более что я, хоть и ревновал, кабан во мне совсем не хотел ни с кем ничем делиться, но в опоре на мужской момент в группе все равно нуждался, и против их возвращения в наш коллектив, особо не протестовал бы. Если бы они закрепили начатое. Но их хватило ненадолго, программу они свою выполнили, сделали то, что умели, надо отдать должное, впечатление на девушек произвели, и сочли, видимо, что на этом их миссия закончена. Да и выпили они излишне много, и когда мы возвращались на станцию тем же путем через поля и взгорки, они стали отставать, падать, вошли во вкус этого занятия и начали сталкивать друг друга в снег с лыжни и о девчонках за своим весе-

льем совсем забыли. В то время как те в сгущавшихся сумерках спешно бежали на лыжах на станцию, стараясь добраться туда до окончательной темноты и к очередному поезду. А ребята, в конце концов, вообще заигрались. И мне пришлось испуганных девчонок сопровождать на станцию одному. Березы чернели своими ветвями, снег сделался темно-синим, лыжню стало плохо видно, начала мести поземка, вокруг не было ни души, лишь две черные точки наших ребят далеко в сумеречном поле, тащащихся позади, и на остановках девчонки жались друг к другу. Но зато уж как снова любили меня!..

— Зато он... Зато он... — все повторяли они про меня и лезли обниматься.

На станции они в отместку даже не стали дожидаться ребят и загрузились в первую подошедшую электричку. Я сделал вялую попытку заставить девочек ребят подождать — кабан, вернее сказать, изюбрь во мне торжествовал, — но девочки не согласились ни в какую, лишь только помахали им, находящимся на подходе к станции, из тамбура руками. В вагоне они плотно сидели на нескольких скамейках вокруг меня и смотрели на меня с обожанием. Щеки у них порозовели от мороза, глаза блестели, все они были возбуждены, и когда мы подъезжали уже к городу, она сказала:

— Володенька, завтра! Обещаю!

Я даже в первый момент и не понял, кто это сказал. Катя сидела на скамейке напротив меня, но в углу у окна, и получалось, что от меня сбоку. Мне даже пришлось к ней повернуться.

— Девчонки, вы ничего не понимаете со своими стишечками, с вашими Мандельштамами. Он настоящий мужик!..

Девчонки посмотрели на меня все разом, и в глазах у них было открытие какой-то большой тайны. Какой-то неведомой сферы. И наряду с восхищением сквози-

ло чуть ли не раболепие, по крайней мере, преклонение, это уж бесспорно.

— Володенька, завтра. Я как единственная взрослая здесь просто обязана тебя отблагодарить...

— Да ладно тебе, опять обманешь, — вдруг смутился я.

— Девчонки будут свидетельницами. Слышите, девчонки. Клянусь.

— Ты как Александр Матросов, — привел я в пример советского героя Второй мировой войны.

И, конечно же, опять обманула.

— Я раздумала, — с вызовом сказал мне утром на перерыве между парами, когда я лишь проходил мимо ее стола и даже на нее не смотрел, и чтобы она еще больше не раскипятилась, поскорее подсел к ней и успокоил:

— Не бесись, я и так знал, что ничего не будет, что ты все равно продинамишь. И ничего не ждал. Я же тебя знаю, как свои пять пальцев. Знаю всю твою подноготную. За то и люблю. Но своего я все равно дождусь, — я ей говорил в утешение, стараясь заболтать готовящуюся мне сцену, но как на самом деле, в какой степени сильно я буду этого своего ждать, буду умолять, буду ловить с ее стола все крохи, я еще не предполагал...

Она помягчала.

Впрочем, в эти сцены свои она зла не вкладывала. Она любила меня любого, любила преданно, даже когда я паясничал, мстил ей в свою очередь тем, что писал ей при всех, знающих, конечно, что у нее где-то в училище есть живой муж и что замужней женщине такие вещи не к лицу, на доске записки...

«Сегодня ночью дверь открой,

Родителей презря,

Тогда я, кыса, буду твой.

А ты — моя».

Размашисто, на всю доску, до начала семинара, переврав маршаковского Роберта Бернса, так что девчон-

кам приходилось перед началом занятий доску срочно вытирать.

Она тем временем сидела в своем дальнем углу и только улыбалась.

У них вообще была заведена манера писать друг другу на занятиях, и мне в том числе, записки. Когда нейтральные, когда шутливые, когда злые. «Андреев, ты потому злишься, что скоро к нам в группу придет учиться Макшин, а так как ты сильно проигрываешь ему внешне, вся любовь девочек перейдет к нему», — например, вот, от самой нашей неугомонной язвы, Светки Сысоевой, которая своей любовью к плебейским иллюстрированным журналам с фотографиями знаменитых личностей и кинозвезд и их восторженными, будто подсмотренными сквозь замочную скважину, жизнеописаниями меня всегда заводила. Так что я не раз распалился:

— Ваша порода, Светка, живет только чужими жизнями, чужими постелями. Своей жизни вы не представляете, не видите ее, и так и жизнь пройдет, и вы ничего и не узнаете о ней, ничего в ней не поймете...

За что и получил ответ. Тем не менее, и к этой я на перерыве подошел извиниться:

— Светка, чувствую, что тебя сильно обидел. Прости, не со зла. Я ведь если и возмущаюсь чем-то, то это только вашей девчачьей природой, которую все равно любишь, ведь никуда не денешься от нее. А совсем я не возмущаюсь тобой лично.

И этим самую страшную язву, быструю на словцо и расправу, самую злобную и остроумную нашу замурышку и подколодную змеюшку, делал только лишь тем, что к ней подошел объяснить, заодно вместе и с ее подругами-подзмеюшницами, — в каждом коллективе такие всегда есть, — тут же в уголке кучкующимися и тоже слушающими меня, делал своими не то что не врагами, а искренними и любящими приверженками.

Так это про то, как я делал своей верной одалиской змеюшку-замухрышку. А уж для нее-то, пусть еще не до конца осознанно, в какой степени, но для желанной представительницы моего «гарема», желанной еще и каждым встречным-поперечным, я тем более находил слова.

«Кыса!..» Она глядела на мое послание на доске с заднего стола только улыбаясь, и девчонки улыбались, но я видел, как, в отличие от девчонок, ее взгляд на словах «твой» и «моя» становился темен, видел, как она возбуждается лишь от одних этих, на первый взгляд, невинных слов. Воображение! Что делает воображение!.. Умей управлять воображением людей, воображением читателей, слушателей, воображением любимых — и ты повелитель, ты вершитель судеб. Ты можешь сделать все.

А что касается «гарема», то самую главную тренировку, самую главную работу я проводил не в упражнениях по «повелению» или управлению, не в упоении своим торжеством, а в упражнениях на принадлежность гарему самого себя. Понимая, что самое печальное в жизни — это прожить жизнь не индивидуальную, дарованную тебе Богом, а жизнь чужую, тебе навязанную, попав в рабство каких-то сторонних стереотипов и уже готовых форм и идей, я стойко стремился не попасть под обаяние завидной, красивой, хорошо устроенной, ухоженной и многожеланной, как в рекламных журналах Светки Сысоевой, звездной жизни. Которая агрессивно всегда и всюду лезет на нас со всех сторон. И поэтому жертвовать своим собственным, который тебе уже послан, «гаремом» ради какого-нибудь многожеланного, ради многими желанного, но не своего, я не соглашался. Понимая, что я не красавец, — надо признаться, далеко не красавец, — и это не слова мнительного человека, а трезвая оценка: было уже время во всем разобраться, — и что есть, то есть, я всегда страдал от

того обстоятельства, что не мог привлечь к себе женщину своей внешностью непосредственно, для этого требовалось, чтобы меня узнали ближе, оценили мой характер, мои способности, какие-то мои достижения или даже мое юмористическое отношение к своей внешности, остроумие, экспромт, в общем, всякую трафаретную ерунду, но такой, какой я есть, как говорится, по одежке, я никому никогда не было нужен, — так что, понимая, что мой «гарем», если уж откровенно, это по моей Сеньке шапка, другого уже ничего не будет, и хочешь полнокровной насыщенной жизни, смирись с тем, что тебе уже дано, и прижми хвост. Только тогда жизнь тебе все и дарует, только тогда и посвятит в свои тайны, только тогда и откроет тебе не призрачное счастье, а самое что ни на есть настоящее, даст познать все в полной мере, только возьми это, то, что тебе уже дано. Не гонись за миражами, не распляйся. На одном сосредоточься!.. И подобной тренировкой себя я выработывал выдержку и готовность сносить все мне ниспосланное и, жертвуя своим самолюбием, эффектами, своими возможностями в вынужденной последовательности сохранять приверженность чему-то одному, я закалял, как следствие, свою демиургическую силу. Скажем, когда мы бывали всей группой на людях. Скажем, в том же театре. Были среди девчонок и такие, с которыми вряд ли кто когда в жизни ходил не то что в театр, но и в кино, даже на танцы. Были еще такие замызганные и затрапезные, Бог знает из какой деревни, дурнушки до невероятности, жившие в общежитии, но именно такие из группы всегда в театре и льнули ко мне, окружали меня. И я заставлял себя считать это своей жизнью. Хотя все прыгало во мне от нетерпения, рвалось к завидному, к красивому, к полезным знакомствам, к салонным разговорам, к непреступно обворожительным девушкам, к лоску, к другой жизни. Но я отворачивался от всего этого ради своих, и как ни стес-

нялся их внешности и замызганности, как мне ни было с ними тоскливо, неинтересно, иногда даже невыносимо, все же ими не жертвовал и в предательстве себя обвинить не мог. Им нужна была моя преданность. И я ее им демонстрировал. Упуская свои шансы, служил им. Служил идее. Но зато уж и получал любовь от них полную. Любовь поголовную. А как следствие, и то, что девчонки со временем теряли свою замызганность, затрапезность, благодарно расцветали и делались в дальнейшем еще и красивейшими женщинами.

Волшебные игры создателя, демиурга.

Та же вечная язва комментировала в группе мои отношения.

— Андреев, тебе надо входить в историю, ты же будешь скоро в рекламных журналах как знаменитость, твои ведь увлечения будут обсуждаться потом. А ты связался с какой-то нашей Чурковой...

— Светка, это и есть история! — в большей степени уже для самого себя принципиально кипятился я.

5

На последнем курсе института она забеременела. Все было по плану. По счастливому плану семьи. Долгожданный, давно задуманный ребенок. Заканчивалась учеба, и они с мужем ехали на работу в часть, куда его направят, и, получалось, что уже и с ребенком. Любимый верный муж, роман еще со школьной скамьи, профессия мужа — военный летчик истребительной авиации, это тогда было и престижно, и романтично, и хорошо обеспечивало жизнь, в перспективе работа в школе военного городка, все было, как в сказке, — девочки просто скулили и тихо завидовали, глядя со стороны. Катя же, беременная, старалась никому на глаза не попадаться. Она себя стеснялась. Госэкзамены она сдавала с огромным животом.

— Девчонки, я вам скажу, это ужас, — рассказывала она на консультациях, забившись за стол. — Я дома разденусь, встану перед зеркалом и плачу.

— Никогда не заводите детей, — говорила она, изображая из себя изверга. Но девчонки вздыхали и ей не верили.

На меня она смотрела только издалека и с печалью. Рожала Катя уже после распределения. Как и где это у нее произошло, я уже не знал. Последнее время она совсем меня избегала. За суетой и множеством выпускных дел всего раз мне удалось на сдаче какого-то экзамена поговорить с ней по душам и разговором показать, что я не испытываю к ней никакого предубеждения, ни гадливости, ни отвращения, потому что угадывалось, что она уверена: все должны были испытывать в ее положении такие чувства к ней, — а тем более, еще и понимала, что этим ребенком она отрезает меня от себя уже навсегда. Она, разумеется, была рада со мной поговорить и ощутить мою поддержку, но, конечно же, в свою очередь мне не поверила. И продолжала смотреть на меня с грустью. Так я и запомнил ее грустные глаза и не видел ее семь лет. После института мы все разбрелись по своим путям, я с головой ушел в свои творческие игры, женился, у меня тоже родился ребенок, приобрел опыт семейной жизни, прошел все фазы отношений с женой, от влюбленности до чувства пресыщенности, скуки и приступов отвращения, изучил отношения и с другими на первый взгляд любимыми женщинами. И с Катей встретился уже через большой промежуток времени.

1

Свойством своей природы Катя Пустовая — такая в девичестве у нее была фамилия, — природой была задумана как блядь. Другого русского слова я просто не могу подобрать, это самое точное.

— Господи, все на меня так смотрят, говорила она. — У меня же все на лице написано, — жаловалась она в институте, — даже в школе мальчишек внимание я привлекала всегда только определенным образом. Рядом с другой бы кто прошел мимо, но мимо меня ни одного спокойно не пронесет!..

Да и на самом деле одни глаза у нее, как раньше говорили, бесстыжие, особенно когда она их прищуривала, как бы смотря вдаль, были бледно-голубые, прозрачны до бесцветности, смелы и наглы до неимоверности. Так что дух захватывало, когда к ней, бывало, подойдешь.

Ей их приходилось прятать.

Как прятать многое в себе еще.

И так бы, может быть, она и осталась верной заветам семьи, родителей верной мужу, морали и законам человеческого общежития, но кому что на роду написано: и вода камень точит, и всякий свое найдет.

Свое она нашла на пятом году жизни в военном городке летной части, расположенной глубоко в провинции в Восточной Сибири, неподалеку от китайской границы и входящей в состав Забайкальского военного округа.

С мужем они жили в кирпичной двухэтажке, одном из четырех одинаковых домов общежитского типа, расположенных на территории военного городка, в которых для проживающих в них семьями были предусмотрены места общего пользования. «Муж сказал, будет комфорт. Входим — барак. Несколько семей. Кухни общие, коридоры общие, столовые тоже. Ебальники, правда, разные...» К тому времени, как мы с ней встретились опять, она была на язык крайне остра.

В городке было скучно, примитивно, однообразно, но самое главное, что в сознании военнослужащих того времени то ли кем-то внедрялась, то ли она самопроизвольно возникала у военных всех стран, ввиду тогдашней политической обстановки, мысль, что война все равно будет. Что война неизбежна. Причем, по тогдашним условиям первой готовности, она должна была быть неизбежно атомной. Именно в армейской среде, не в гражданской, не среди мирных людей, а именно среди людей по своей профессиональной принадлежности максимально близких к каким-то там глобальным государственным тайнам и рычагами военной машины и держалось это апокалипсическое миропредставление, сея обреченность, безысходность и депрессию в души военнослужащих и надламывая и надрывая их психику.

Совсем не хочу сказать, что ввиду скуки и тогдашней политической обстановки, нестабильности в мире и чувства обреченности в связи с мыслью о неизбежности атомной войны, а так же примитивности армейской жизни в военном городке Катя и сделалась шлюхой. Нет, напротив, пять лет она была образцовой женой, верной армейской помощницей мужу. Она и работала в школе поселка, и все делала по дому, готовила, стирала, воспитывала дочь, ждала с полетов мужа. Правда, после каких-то там тяжелых родов, завершивших и так-то мучительную и горестную для ее такого, если уж честно сказать, беспутного характера,

эпопею беременности, в каких она родила девочку, она навсегда зареклась беременеть еще раз и прибегла к разнообразным способам и противозачаточным средствам, а то и к абортam, чтобы деторождения избежать, вследствие чего стала обостренно чувственной, настойчивой и неумной в любви, и, как она любила шутить, если раньше муж требовал от нее супружеских обязанностей, ссылаясь на запись в загсе, подчас даже надоедая, скажем, надоедая условно, то теперь она, дождавшись возвращения его с работы, накормив в общей столовой, отправив дочку гулять, старалась побыстрее улучшить момент, чтобы затащить его в отдельный, индивидуальный «е...ик», и уже самой предъявить ему требования: «Расписывался?.. Тогда вперед!..»

Но осуществляла она это только с ним, любимым и единственным, не без трепета и упоения, не без нежных признаний и искренних любовных слов. С шепотом, замиранием, дрожью нетерпения, потом мучительным стоном и криком, наконец, во время которого она готова была вобрать его в себя всего, любимого и желанного, превратившись с ним в одно целое, в одно общее дыхание, в одно содрогание, в одну точку...

Но однажды ее изнасиловал водитель попутной машины, подвозящей ее из поселка до военного городка. Они поначалу с ним мирно и активно беседовали, а потом вдруг машина куда-то понеслась, замелькали дома, сосны, лиственницы, дорога стала петлять по лесу, превратилась в проселок, а потом в разбитый асфальт.

- Вы куда? — спросила она.
- Так надо, — ответил он.
- Я выпрыгну.
- Прыгай.

Она даже на самом деле попримеривалась к тому, чтобы прыгнуть, открыв на ходу дверь. Но за стеклом мелькали деревья, и на самоубийство она не отчаялась.

А потом машина остановилась под разлапистой елью, и мужик ее изнасиловал. Он потом все повторял: «Первый раз встречаю женщину, которая бы так сопротивлялась!» Он ощупывал надорванный воротник рубашки и, прижав подбородок к груди, осматривал, сколько не хватает пуговиц. На поцарапанном лице, где были яркие красные полосы, запеклась кровь. И она вдруг поняла, что ведь это все одно и то же. Везде одно и то же. Везде одна любовь.

«Дура, и зачем на самом деле так царапалась?» — подумала она.

И вот после этого-то она и сорвалась, как будто с цепи... А совсем не от скуки армейского городка, от ощущения безысходности жизни и напряженной политической обстановки.

Напротив, напряженная политическая обстановка, безысходность существования, обреченность и армейская скука в большей степени затронули ее мужа. Он у нее пил. Пить он начал уже на втором году службы в действующей части. И опять же совсем не от подозрений по поводу ее вольного поведения, не от ревности, не от ее неверности, не из-за каких-то намеков со стороны. Со стороны-то как раз было полное дружелюбие, продолжавшаяся все годы полная дружеская поддержка, понятие святого товарищества, заздравные тосты, совместные радостные застолья коллег. На которые, кстати, она смотрела всегда с чувством отвращения. На те же моменты общих столов. «Вот они сидят, пьют с ним, обнимаются, чокаются, а он и не знает, что все они здесь сидящие, абсолютно все, с его женой спали», — ставя закуски, с омерзением думала она.

«И чего я держалась столько лет?! Стоило ли? Вот уж действительно дура так дура...»

А муж пил. Вначале службы он пил бесшабашно, потом стал пить мрачно, а на шестой год службы стал запиваться. От полетов его отстранили. Перевели в тех-

ники. Дома у него всегда было либо пьяное, либо похмельное выражение лица.

Она же к тому времени со всем армейским городком наставляла ему рога. Правда, до уровня солдат не опускалась, но весь офицерский состав части знал, какой формы у нее лобок, когда она без трусов, какие складки у нее появляются на животе, когда она садится, и какой ойкающий, перехватывающий дыхание, на несколько секунд лишаящий ее всяческого сообщения, движения, даже сознания, вскрик она издает в конце, чтобы после него обмякнуть, стать горячей там, внутри, и, обвив партнера руками, превратиться в сплошную ласку.

Она отдавалась новому своему открытию вся. С упоением. Осознав полностью, что наконец она представляет из самой себя на самом деле. Она поняла, какой тут может быть простор, какой талант, какое умение и что она создана именно для этого. И сколько многообразия, сумасшедших вариантов... «Любите ли вы Брамса?» — да, да, и под музыку Брамса... Или говоря в этот момент с подружкой по телефону... Или стоя в подъезде. Или под душем. На постели жены любовника или на своей с мужем. С полной откровенностью, не стесняясь ничего, все открыто, при полном свете, все на обозрение, нараспашку. И как фантазия у нее заработает, никто не мог представить. Она была непредсказуема. Царапала партнерам спину, оставляла страшные синяки любовных укусов на плечах. И, Боже мой, если приоткрыть этот ящик, в какую бездну тебя это повергает. Там dna действительно нет, там хочется еще и еще. Сильнее и сильнее, мрачнее и мрачнее, жестче и жестче, с унижением уже даже к собственному телу, чтобы пахло потом, чтобы ударяло в ноздри кобелем, был, как орангутанг, волосатогруд и волосатоног, и был большой, огромный, мощный, чтобы едва вошел в рот.

Как супруги решают подобную проблему? Когда начинают спать с посторонними людьми... Чужими мужьями, чужими женами. Когда с самого детства, восьмого или девятого класса, с самого полового созревания, у них это было только вдвоем. Когда на других даже не засматривались. Не могли представить, что с кем-то еще у них это может быть. И даже если увлекались кем-то, то все равно даже пугались мысли о близости с этими другими. И чем сильнее увлекались, даже влюблялись, тем больше страха испытывали оттого, что с этим новым близость такого рода тоже может быть. Это было для них двоих неприкосновенной ценностью. Как это много, как много в этом содержится, в подобной нераздельной связанности, когда все вдвоем. Это определяет и всю вашу жизнь, и поведение, и привычки, и мировоззрение. И вашу самодостаточность, автономность. Порой, вот, обратишь где-нибудь на вокзале внимание на молодую пару, пару молодых супругов, какую-то далеко неброскую, и некрасивую даже пару, и не особенно хорошо одетую, откуда-то из провинции, далеко незавидную супружескую чету. Но, тем не менее, видишь, что между ним, сидящим в этот момент на корточках в ногах стоящей возле какой-то их поклажи жены, между ним и между ее ногами, одетыми еще и в какие-то немодные простенькие брюки, заключается для них целый мир! И вдруг все это рушится. Привычки рушатся, общие словечки, общий дом, дети, общая жизнь, мировоззрение, весь мир. Главная основа вашей общности, на чем держится все ваше супружество, делиться с кем-то другим.

Напрасно думать, что мучается только тот, кому изменяют, кто осознает себя «обманутым», преданным, брошенным, как ни печальна участь его, но едва ли не больше мучается тот, кто изменяет сам. В невозможности состыковать это со своим прежним опытом, простой отношений и простой устоявшейся размеренной

жизнью, он вынужден пересматривать в своем мирозерцании абсолютно все. И поведение, и порядок жизни, и мировоззрение... И от невозможной силы горя, от слабости своей перед подобным горем он подчас начинает даже винить своего супруга, по крайней мере, в большой степени и его тоже, в том, что в измене виноват именно он. Потому что он этакий или такой-то! Так проще. Иначе это просто невозможно вынести...

Начинает подозревать точно в таких же поступках и его. Не верит ему. Начинает выслеживать. Отзывается на каждую сплетню.

Хотя понимает, что это все он же сам и придумал, чтобы обмануть себя.

Но в ночной тиши, в покое, когда наедине сам с собой, весь ужас от тобой содеянного проступает в совершенной отчетливости: насколько ты испортил всю вашу жизнь! Именно ты, и никто другой, и не можешь ничем себя утешить. И совершенно неважно в данном случае, знает супруг об этом или не знает, и добровольно ты это сделал или это сделали с тобой насильно. Это роли уже не играет. Когда это уже произошло! Ты осознаешь, что вся ваша жизнь пошла прахом.

В редкие минуты просветления она пыталась еще что-то наладить, что-то вернуть, долгие периоды ему не изменяла, обласкивала, пыталась отлучить от водки. Чтобы не пил. Она ходила даже к командованию, к замполиту, пыталась убедить командиров, чтобы освободить мужа от пьянства, отправить его куда-нибудь в другую часть, да хоть, на точку, где они будут совершенно одни, ведь у них ребенок!.. Ведь он спивается!.. Но его не отправили, точку доверить ему уже не могли и вырвать из пьянства, такого нередкого и привычного, что уж там говорить, что в армейской среде, что и за ее пределами явления, это командиры трезво вполне понимали, было уже не под силу. Он был обречен.

А потом она опять, как в наркотик, ныряла в свое.

2

Мы встретились с ней на том этапе, когда она уже собралась мужа своего бросить. Она уехала от него вместе с дочерью к родителям в свой город. Уехала, не в силах смотреть уже на то, во что превращается ее бывший любимый муж в зоне предвоенного времени и не веря уже в его бесчисленные заверения пить бросить, которые он давал в избытке.

Она жила у родителей две недели, прежде чем мне позвонила.

А надо заметить, что я в этот момент тоже был озадачен бракоразводным процессом, изгонял из своей памяти все положительные стороны и милые черты своей жены, с которой все-таки прожил семь лет, которую все-таки любил, к которой привык, которая тоже сделалась родною, такую, что знал ее уже до самой последней черточки, но уйти от которой все же решился из соображений, что дальнейшая жизнь с ней уже невозможна, с тем, чтобы прекратить тот ужас, в который превратилась в последние годы, несмотря на нашу общность, общее прошлое, общего ребенка, наша жизнь. Я и любил ее, и страдал, кто знает, может быть, оттого, что она была такая же, как все попадавшиеся на моем пути, инопланетянка. И не в силах перевести ее в свою веру, в свое мирозерцание, в свой язык, после того, как она однажды еще и сделала заявление, посчитав себя для него, видимо, уже вполне взрослой, что весь этот ее, так нравящийся мне, максимализм молодости, выражавшийся, скажем, в словах: «жизнь нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», который меня и умилил, и подкупил в самом начале наших отношений с ней, с юной и решительной, умилил именно своим максимализмом, и без которого жизнь с инопланетянкой теряла какой-либо смысл совсем, что этот максимализм, оказалось,

был просто притворством, потому что так надо было, она это поняла теперь, потому что так просто в школе для сочинений требовали. Чем уже окончательно лишила меня даже надежды на наше не то что телесное, но и духовное взаимопонимание и в будущем. На то, что один общий понятный для обоих язык мы с ней когда-нибудь сможем выработать.

Я не жил в семье уже три месяца. Поэтому, когда позвонила Катя, я был страшно рад. Женщины после ухода из семьи у меня не было, женщину я не завел, я всегда в таких ситуациях еще и избегал вещей, примитивизировавших идеальную сторону какого-либо моего поступка или касающегося меня явления. Чем и доводил ситуацию до абсурда. Или уже до апофеоза. Что не совсем одно и то же, конечно. Тем не менее, заменить одну женщину другой для меня тогда было высшей степени неприемлемо. Пошло. Элементарно. Трафаретно. Для этого я был слишком горд. Я не хотел ронять свою прошлую любовь просто заменой тела, сведением проблемы лишь к постели. А по модному выражению, к траханью. Признать такое я был, по правде сказать, внутренне не готов всегда. Поэтому я и старался изжить любовь ценой собственной крови, преодолеть ее, не уронив свое бывшее чувство, старался вырвать его с корнем. И пусть на самом-то деле я понимал, что именно элементарное траханье и есть самое главное, на чем держатся все эти любви, все эти прорывы, прозрения, полеты, экстазы, озарения. Что это основа. Что все пол. Везде лишь только пол. Но я также знал, что мир есть такой, каким ты его делаешь. Вне зависимости от того, каким делают его другие, как это что-то делается у других, как это что-то делается в мире, какие низости существуют в жизни, все дело, какой окраской наделяешь его ты. Если ты хочешь, чтобы мир был красив, будь красив, если хочешь красивых поступков, совершай их сам в первую очередь. И тог-

да они, даже в единственном экземпляре тобой созданные, в мире будут. Точно так же, если ты решился однажды сочетать любовь с полом, если ты задал себе это однажды, иметь пол только с любимой, то при условии последовательности и определенной настойчивости, пол у тебя и превратится в любовь, и в мире пол и будет любовь, по-настоящему пол и будет только любовь.

Мир есть такой, каким ты его делаешь. Все начинается с тебя, ты демиург, ты его творец.

Я уже почти забыл о существовании Кати, а тут она неожиданным образом всплыла, узнав, видимо, от наших девчонок о моем с женой разрыве. И можно представить радость моего тела, когда на горизонте возникла моя прежняя законсервированная недозавершенная недолюбленная любовь.

- Ты где? — спросил я
- Все там же.
- То есть, где «там же»?
- У родителей, где я могу быть.
- Приехала в отпуск?
- Что-то в этом роде.
- И давно?
- Недели две.
- Я сейчас буду...

Поскольку от дома моих родителей, где я в этот момент жил, это было неподалеку, я прилетел уже минут через пятнадцать.

У нее сидела ее старая подруга. Они пили вино. Катя выглядела чуть пополнившейся, округлившейся, но, тем не менее, все такой же восхитительно привлекательной и красивой.

— Ты представляешь, — встретила она меня словами, — сегодня прошла по центру, по всему проспекту

два раза, туда и обратно, и хоть бы кто клюнул! Не мужики, а мухи!

— Что ты говоришь! — в тон ответил ей я.

— Не город стал, а какое то недоразумение.

— Да, я тебя понимаю.

— Ведь две недели без мужика, а они все какие-то нетопыри, кастраты...

Она пошла в кухню за фужером для меня, и я, посмотрев ей вслед, отметил, что это на самом деле недоразумение. Чтобы на нее, и никто не отреагировал... Особенно когда она идет, положив локоток на висящую на плече сумочку, это просто какой-то нонсенс!..

— Чего это она, Саша, изводится? — спросил я давно знакомую мне ее подругу.

— Она от мужа ушла.

— От мужа?

— Да.

— Они ведь так любили друг друга!

— С тех пор много воды утекло. Он пьет.

— Ну и что?

— Он сильно пьет. Алкоголик.

— И что, безнадежно?

— Говорит, что пробовала все.

— Тогда это проблема...

— Ты покруглела и похорошела, — сказал я, когда Катя вернулась.

— Какое похорошела. Никто не реагирует. Город каплунов... Я сейчас похудела еще, а знаешь, какая толстая была. На диете сидела, вес сгоняла...

— А ножки такие же оставались? Тогда это не страшно.

— И они толстые делались. Отекали как-то.

— Зато сейчас все хорошо. Ладно, пошли ко мне.

— Саша, ты оставайся, дожدهшься Соню. Покормишь ее, ладно?

— Это кто, Соня?

— Моя дочь, — сказала Катя.

— Дочь? — удивился я. — Как-то непривычно в применении к Шишаевой — и дочь.

Я даже хохотнул. Но она не обиделась. Видимо, тоже считая существование ребенка для себя обстоятельством несколько двусмысленным. Мы, глядя друг на друга, оба рассмеялись...

Как только за нами закрылась дверь, мы обнялись и поцеловались. И, Боже мой, как много всего было в моих руках!

— Пусти, а то я сейчас на лестнице кончу, — постаралась отстраниться она.

Я тяжело перевел дыхание.

— У тебя тоже родители на даче? — она стала спускаться вниз.

— Да, лето ведь. Я иногда думаю, почему у нас с тобой в институте ничего не было?

— Да потому что был дурак.

— Дурак? Я дурак?

— Ну, конечно, ты. Дурак набитый.

— Вот ведь когда узнаешь о себе много нового... А волосы у тебя такие и остались. Густые — сплошная медь.

— Не говори ерунды. В беременность повывлезли все.

— Еще много осталось, не на одну беременность хватит.

— Вот это уже не надо. Вот этим сыты по горло, — бойко сказала она. — Давай зайдем в магазин, купим водки.

— Не надо водки, у меня есть шампанское.

— Шампанское, так шампанское. Гусары шампанское не пьют...

— Ладно, я тебя только умоляю, когда у нас что-нибудь будет, только не разыгрывай из себя шлюху. А то у меня ничего не получится.

- Хорошо, не буду...
- У меня такое воспитание. Сама понимаешь, школа, комсомол...
- Понимаю.
- Ничего?
- Потянет... Теплые какие вечера у нас в городе. Я уже забыла, что у нас так хорошо... Давно не живешь с женой?
- Достаточно.
- У тебя тоже дочь?
- Шесть лет.
- А ты не изменился совсем...

Мы сидели у меня дома в кресле и целовались. И что удивительно, я не помню совершенно своих ощущений. Это как раз из тех моментов, когда в моей памяти на ее счет совершенно пусто. Ведь это было впервые, когда в моем распоряжении полностью была ее грудь. Но я не могу ее голую вспомнить. Либо это мое какое-то подсознательное табу, что-то мое подсознание от меня скрывает, хочет скрыть, какую-то тайну, может, что-то сверхъестественное. Либо она, ее грудь, для меня была так желанна, так вожаделенна, что когда я наконец ее получил, я мгновенно впал в забытье. В кому. В любом случае, я не могу сейчас ее грудь представить. Как ни напрягаюсь, ничего не могу извлечь из прошлого. Не получается. Я помню ее очертания, форму, когда она идет, ее вальжную изумительную тяжесть, но в одежде, в платье, помню еще с институтской поры. Но я же ее столько раз потом ласкал, держал в ладонях, целовал. И я не могу даже восстановить в памяти, какого у нее были соски цвета... Полное наваждение! Каждый раз это было на уровне амнезии...

Или, может быть, лучше сказать, *там* форма уже не имела значения. *Там* это уже не запоминалось, это уже было лишнее.

— Ты хотел налить шампанского? — вдруг сказала она.

— Да, да, — я очнулся, пересиливая себя, оторвался от нее и пошел в кухню.

Когда я вернулся с бутылкой и стаканами, одежда ее была в уже в полном порядке.

Мы выпили молча.

— Ты знаешь, проводи меня домой.

— Ты что?

— Володенька, давай завтра.

— Почему завтра?

— Не спрашивай, давай завтра, я прошу.

Назавтра я позвонил ей по телефону.

— Мне показалось странным, чего это ты вчера сбежала? Я всю ночь не спал и жалел, что тебя отпустил.

— Я тоже удивилась, чего ты меня отпустил. Женщина пришла к мужчине, а он ее домой отправил...

— Ну, знаешь! Я же понятия не имею, может, у вас там какие-то женские штучки. Может, тебе нельзя было...

— Пошла бы я к мужчине, если бы мне было нельзя!..

— Как всегда, прокрутила динамо. В своем репертуаре. Не можешь без своих штучек? Когда же сегодня?

— Володенька, вывези меня на природу. У нас тут так хорошо, а я от нашего лета уже отвыкла. Я тебя буду там так любить!

— Сделаю, моя королева! Мало того, даже достану машину.

И я помчался к своим тогдашним друзьям, чтобы застать их у гаражей сразу после работы.

— Мужики, мне срочно нужна машина, — сказал я, — моя все еще в ремонте по случаю ее благополучной сборки из кусочков. Вопрос жизни, дайте кто-нибудь.

С друзьями мне, в общем-то, всегда везло.

— Кого-то скадрил? — спросил Славка.

В принципе, урвать красоты, овладеть хоть раз в жизни недостижимым, глубоко затаенное желание обладания совершенством свойственно всем мужчинам

любой породы. Тут они понимают и сочувствуют друг другу, как ни в чем другом.

— Не то слово! Не дадите, я застрелюсь.

— Это что-то новенькое, — сказал Женька. — Покажи!..

— Потом, потом, а сегодня нужна машина.

— Но у тебя нет доверенности, опять ездить по моим правам? — сказал Витька, уже поняв, что машину пожертвуют именно его, как самого отзывчивого. — Ты хотя бы пьяный не езд.

— Витюша, я тебе клянусь. И потом, когда я пьяный ездил? Один раз на рыбалку только машину и брал...

— Я бы тебе дал, — сказал Славка, — но мне тещу везти на кладбище.

— Ничего, завтра твоя очередь. Повезешь нас троих с ее ребенком на пикник. А сегодня мы с Витей договоримся.

Из дома в машину ко мне она подседа в халате.

— Видишь, я даже халат надела, чтобы удобнее было.

И до самого леса я уже ничего не мог говорить.

Я запомнил только, что были ранние сумерки и в машине зеленые лампочки подсветки приемника. И то, что какое-то еще белье ее я засунул в багажник передней панели.

И полная амнезия. Лишь через некоторое, хотя и довольно короткое, время ее голос, тоже, кстати, вынырнувшей откуда-то издалека:

— Извини, я уже все.

— Да?.. Ну, ничего. Подождем, — сдерживая себя, сказал я, отстраняясь и глядя на нее сверху вниз.

— Две недели не было никого, — виновато постаралась оправдаться она. — Можно понять. Прости.

— Ничего, приспособимся со временем.

— Думаешь?..

— А что это у тебя на животе за шрам?

— Ох, не напоминай про страшное. Это у меня у беременной кожа на животе лопнула.

— Что ты говоришь! И что?

— Стягивали на скобки... Но не будем про эти ужасы... Зато у меня врач, женщина, принимавшая у меня роды, попалась понимающая. «За такие мучения, — говорит, — я тебе так зашью, что будешь, как новая, лучше, чем у девочки».

— Это я уже отметил.

— Да?

И я сделал какое-то движение, от которого она только улыбнулась, закрыла глаза и опять унырнула куда-то в свое. И я первый раз увидел ее обворожительное божественное ангельское выражение лица. После которого не хотелось уже смотреть ни на что и ни на кого более.

На этот раз у нас получилось уже одновременно.

Потом мы повторили это еще раз у меня дома, а на другой день я думал:

«Господи! Боже мой! Боже мой! Это, *такое*, уже никаким онанизмом не заменить!»

3

А надо сказать, что я как раз в тот период жизни пришел к выводу исходя из опыта своей супружеской жизни и всех своих любовных походов, что, в принципе, та вещь, которая происходит у нас с женщинами, в сопровождении вечных проблем с ними, при существовании всех этих непонятных для нас их тайн, с их ужимками, с их очень особенными нервными организациями, загадочными фигурами: одна бревно, другая плаксивая идеалистическая дура, третья требовательная эгоистка, у четвертой бешенство матки и так далее, причем, ведь, тем не менее, со всеми одинаково, как будто это одна и та же твоя вечная жена, — все это вполне

ради свободы, ради освобождения себя от огромного числа проблем может быть легко заменено вышеупомянутым соображением, каким-нибудь почкованием или онанизмом. Слишком уж велика плата за те крохи радости, какие женщины нам могут дать. Так не без юмора и не без доли мазохизма думал я, пока не сделал открытия, что, наконец, вот такого, такого как с Катей, *такого*, встреченного мною первый раз в жизни, ничем не заменить! *Такое* ничем не компенсируется. *Такое* — это так много, что за него будешь жертвовать всей своей жизнью, и платить любую плату.

Видимо, и я по своей натуре и по пристрастности к чистоте жанра тоже всегда любил шлюх. Всегда тяготел к ним. Именно они единственные разделяли мое понимание тайны из тайн, именно они единственные в мире понимали, что они принадлежат полу. Все остальные в мире думают, что они принадлежат себе. И хотя я, в общем-то, по своей профессиональной принадлежности к творческим людям и вхождению в более культурные сферы, старался ценить в женщинах еще что-то, кроме половых признаков, и по большей части вращался среди женщин другой породы, отличных от шлюх, все равно внутренне-то я всегда осознавал, что те, по крайней мере, хотя бы не врут. Они откровенны, они не двуличны, в отличие от женщин так называемой нами культурной среды, на которых мы и женимся и именно которых и делаем матерями своих детей (а потом удивляемся, откуда берутся инопланетяне?) и которые считают, что они выше пола, этой низости, этой элементарности, которые думают, что могут распоряжаться полом, могут включать его для своего удовольствия, для заведения детей, для создания с выбранным мужчиной семьи, для того, чтобы на кого-то произвести впечатление и обрести в свою собственность, а могут его и выключать (и главное, ведь существуют и такие, какие выключать могут!), которые, теща свою горды-

ню, считают, что главное — это духовное единение, родство или эстетическое, художественное оформление, культура, духовный имидж, культурный багаж. Что они это атавистическое варварское прошлое переросли, и с ним у них очень мало общего.

С сексом. С полом.

Как будто может в жизни, кроме пола, еще что-то быть!..

А с Катей после всего мы поехали еще и в нашу группу. На встречу наших девчонок, собиравшихся как раз на квартире одной из них. И это было опять мое вожделенное, после многих лет отсутствия и, правда, уже на другом уровне, возвращение в мой гарем. В то место, в тот круг женщин, которых я для себя в жизни выпестовал и который был моим, пусть я своими правами так никогда и не воспользовался. Поскольку вечер был пятничный, было сказано, что приезжать можно когда угодно. И хотя мы и заявили поздно, оказалось, что и не опоздали ничуть.

— О, да ты уже в халате! — приветствовали они Катю.

— Да, мы с Вовой только что после бала... А вообще-то, мы с Андреевым решили законтачить.

— Тоже неплохо. Вы и в институте неровно дышали друг к другу, — между поочередными обниманиями с некоторой завистью заключили они.

А так как это была первая встреча Кати с девчонками со времени окончания института, она и была, собственно, назначена всеми ради нее, отсутствующей в городе с выпуска целых семь лет, я оставил их обсуждать эту и другие нужные для них темы, а сам постарался улизнуть к столу.

— Халат удобнее, не надо стягивать через голову...

— Ладно, вы тут делитесь вашей содержательной информацией, а я вижу, что у вас там уже закусывают, — сказал я.

– Ирка, есть у тебя какое-нибудь платье, – попросила Катя, и часть девчонок гурьбой проследовали куда-то по коридору, а я с остальными прошел в зал с накрытым столом. Где сидели еще остававшиеся наши девчонки, если, конечно, можно было называть так уже почти тридцатилетних дам, занятые разговором с единственным мужчиной, с которым у меня никогда не было сопернических отношений в связи с разностью в возрастах, с нашим любимым преподавателем в институте, от которого девчонки были всегда без ума. Милый, умный, воспитанный, насквозь интеллигентный входящий в пожилой возраст мужчина, приглашаемый на все собираемые раз в два три года встречи, с которым всегда было приятно поговорить.

Я поздоровался с ним и с девчонками особо, отметил их изменения в лицах, в выражении глаз и в фигурах и опять с радостью ощутил свое возвращение в сферу любви. В ту утерянную сферу, где я такое долгое время пребывал, где всех любил и где меня все любили. Потому что все то, что было зарождено в институте между нами и годами не востребовалось, тем не менее, так и осталось, невзирая на их замужества, семьи, детей. После трех месяцев мучений и страданий, стоивших мне много крови и связанных с моим разрывом многолетнего супружества, всегда при наших отношениях с множеством лиц вне семьи предполагающего все же наличия в мире только двух людей, среди множества – всего двух единственных, тебя и ее, – после долгих лет ориентации только на двоих, после кровавого отделения, отрывания себя от единственной, ночных слез по утрате, при воспоминании о милых чертах и задушевных разговорах, о столь близком теле, общей на двоих жизни, после очередного осознания себя все равно одиноким, брошенным опять в одиночество мира даже и при существующей жене с пониманием, что ты всегда, оказывается, одиноким и был,

оставался им, — я вдруг опять ощутил еще и наряду с существованием в другой комнате, к тому же, еще и твоей новой женщины, с которой ты только что был близок, ощутил то, пусть искусственное, неглубокое, пусть во многом обманчивое, легкомысленное, эрзацеобразное, но такое сладостное, дарующее облегчение, возвращение в прежнюю нашу общность, в ту духовную полигамную всеобщую любовь, которая существует только в студенческие годы. Которая и остается в тех же студенческих годах. Ощутил знакомое купанье в волнах множественности и неодинокости. В источающихся со всех сторон дружественности, заботливости и тепле.

Какое наслаждение было при нахождении где-то там, в другой комнате, женщины, с которой ты только что, всего-то полчаса назад был одно целое, причем, настолько неразрывное целое, что даже еще не до конца осмысленное тобой, осмысление чего отнесено тобой просто еще напоследок, ты с этим еще только предполагал разобраться, в присутствии этой женщины, сейчас еще и рассказывающей, видимо, как раз об этом девчонкам, не без того, конечно, — какое наслаждение было при ней, неподалеку от нее, находиться еще и в поле любви всех остальных девчонок и делать вид, что я не знаю, что у них там происходит, и как бы не чувствовать этих направленных на меня стрел участия, страсти и любви.

И пусть я никогда не сподобился, несмотря ни на что, попасть на страницы рекламных журналов Светки Сысоевой, как хорошо, с другой стороны, что не попал!.. Пусть к тому времени еще не «урвал» неприступной красоты, любви кинозвезды или еще какой-то женщины видной и известной. Но я опыт звездности и славы к тому времени, тем не менее, все равно уже постиг! Прощел! И все потому, что начал с самого начала проживать жизнь свою, а не заимствованную отку-

да-то. Не подсмотренную в мужских или женских журналах, а свою, какая мне пришла, собственную. Я уже понимал, что из себя эта пресловутая звездная завидная и такая недостижимая недоступная любовь значит, что чувствуют все эти поп-звезды и все эти знаменитости в близости, как они любят, как они себя ощущают и как они в семьях живут, понимал, что *звездам никогда не больно!*.. Они всегда могут кого-то на кого-то в своей жизни сменить. Для них нет возможности ощутить себя в жизни одинокими, чтобы одним этим уже окунуться в нормальную человеческую любовь и жизнь. И точно так же они не могут до конца разделить непонятое им одиночество с кем-то единственным другим. Что является основой любви миллионов. Они также не ведают, что такое настоящая обывательская семейная жизнь и настоящая семейная любовь из себя значат. У них все очень поверхностно, их связи недорого стоят, их понимания серьезности нормальных, какими живет человечество, отношений умозрительны, лишены содержания и основы. Я совсем не хочу сказать, что это хуже или лучше, но это другой мир, существующий совершенно независимо. В другом измерении. Звезды могут ревновать, могут страстно желать, влюбляться, жениться, жалеть и ненавидеть. Но когда рушится что-то в их жизни, из разрыва не течет кровь, дальше одnodневных слез у них горе не идет, потому что они всегда окружены облегчающей поддержкой всеобщей людской любви, не оставляющей их нигде в покое. Мало того, они, даже не помышляя об этом, во многом уже и не принадлежат себе, они настолько запрограммированы всеобщим людским поклонением, что другими, одинокими, и не могут быть. И тоже, если разобратся, живут во многом чужой жизнью, не своей, а им навязанной. Они, как антенны, могут существовать только в поле вибраций, исходящих от почитающих их, влюбленных в них толп.

И только одна в моей жизни женщина, одна встреченная на моем пути, моя половина, не ведала ни о какой звездности, одурелой страсти фанатов и эстетике недостижимого. Это была она. Она даже не знала, что кому-то можно в чем-то завидовать. В ней было настолько много своего, что со своим бы было разобраться. Она все имела, чтобы быть полностью самодостаточной. Все то, что возникает в соприкосновении с мужским телом, и, надо признаться, с любым мужским телом. О, дай Бог, было исчерпать свое! Все шло от нее самой. Она не обращала внимания на внешнюю сторону вещей и явлений вовсе, никогда не искала самолюбивого удовлетворения в обладании недостижимым совершенством, это было для нее абсолютно непонятно, не делала попыток добиться пресловутого духовного родства, духовного понимания или чего-то там еще фантазмагорического, она обращалась сразу к сути. Мы с ней только касались друг друга какими-то малыми внутренними содержаниями, каким-то малым пониманием (а на самом деле — самым огромным!) и по этому малому узнали бы друг друга даже в темноте. Этот был наш пароль. Это были как ключ и скважина. Это было наше обоим понимание тайны из тайн. Недаром именно вот только два часа назад она спросила меня, как звали мою жену, а, получив ответ, заметила: «Замечательное совпадение. Можно даже пожениться. Не надо будет себя переучивать и, когда потребуется, наступать на горло собственной песне...»

4

Я сидел с девчонками, пока Катя на кухне делилась своим опытом семейно-армейской жизни. А поскольку она первая из всех вошла в их обетованный бальзаковский возраст, она была и тут впереди всех, и девчонки слушали ее, открыв рты.

— Ну вот... — сказала она, прервавшись, когда я вошел в кухню взять себе стакан, — ну вот... Как говорит-ся, — и за щеку... — И замолчала, изобразив наглость распутства на лице. Глаза у нее опять были прищурены, прозрачны и светлы до бесцветности.

— Чего ты такое тут опять говоришь, — сказал я. — Вечно опошлят даже такие святые вещи, — сказал я, стараясь сбить разговор и разрядить обстановку, и добавил:

— Девчонки, может быть, пойдем за стол?..

Я тут пишу об этих наших с ней днях любви так подробно, потому что на самом деле их было так мало, роман наш был очень короток, Провидение вообще постоянно предохраняет нас от особенно сильных чувств. Оно нас их лишает, оно не дает нам долго на них задержаться, заикнуться, дарит нам лишь возможность однажды их испытать, утопив нас в них, расплавив, дав для нашего осознания точку отсчета и повод ждать повторения этого нечто всю остальную жизнь. Оставляет в нас лишь понимание уровня интенсивности этого очередного нечто, чтобы потом, храня наши жизни от сгорания целиком и непосильного перенапряжения с одной стороны, а с другой, имея целью в нашем принудительном индивидуальном познании мира какую-то свою задачу и цель, делает их для нас больше недоступными. Повторений нет. Интенсивность только в памяти. Да такому повторений и не может быть!..

Наш роман был так короток, но тем выпуклее он выделяется на всем остальном холсте моей жизни, являющийся самой яркой точкой на нем, и все мгновения, каждая деталь наших отношений короткого периода близости, все события тех дней мне до крайности памятны, имеют запах поэзии, печали и что-то от привкуса старого выдержанного вина.. Он не был насыщен какими-то острыми сюжетными линиями и коллизиями

или особенно яркими деталями, персонажами, великими событиями, не был мрачно трагичен или облечен ореолом какого-то особого мученичества или драматизма, хотя каждое сильное чувство всегда драматично по своей сути, но так упоительно вспоминать о тех днях. Об иных годах даже абсолютно ничего не вспомнишь, как ни ломаешь голову, ни напрягаешься, ни вымучиваешь из себя воспоминания: что же было все-таки в таком-то или таком-то году? Но не можешь. А всего-то месяц, и каждый день, каждый шаг, каждое движение — как на ладони, как будто происходило вчера или даже сегодня.

Мы сидим за столом далеко друг от друга, на противоположных концах, что только больше наэлектризовывает наши помнящие друг о друге тела, и, не поднимающие даже друг на друга глаз и активно разговаривающие с соседками, постоянно чувствуем идущие друг от друга и невидимые даже для нас самих волны. Лишь изредка пересечемся взглядами и опять уведем глаза в сторону, а в груди станет даже жарко. Между нами стол с рядами закусок, по виду которых я отмечаю, что девчонки стали совсем взрослыми. Они научились готовить. Тут был и хрестоматийно торжественный для тех лет крабовый салат, украшенный сверху зеленью, и принесенное с собой Наташкой Прилуцкой кристально-прозрачное, как аквариум, заливное, в котором на разных уровнях застыли соблазнительные и аккуратные мясные кусочки, и форшмак, и сделанный Иркочкой Пустоваловой салат-оливье, и нарезанная красивыми ломтиками ветчина, и взрезанная светящаяся дырочками наружу головка сыра, и изящная вереница винных бутылок, и потом на скорую руку приготовленная, но вполне сносная свинина с картофельным пюре. И цветы, принесенные нашим галантным преподавателем, во главе стола в хрустальной вазе. И даже сделанный специально злобной сплетницей Светкой Сысоевой к чаю ореховый торт.

На следующий день мы едем с ней на природу. В моей оставленной, видимо, тоже по воле злого рока, а может быть, и Провидения, кто знает, стране, слова «выезд на природу» — это совсем не здешнее *go smwhere for weekend*, или *outdoor*, или *seaside*¹ и так далее в плане уикендовских рекреационных мероприятий. Это даже не «пикник», хотя по форме, как завтрак на траве, такое и могло выглядеть чем-то похожим. В моей погибающей сейчас и неизвестно имеющей ли хоть какой-то шанс на выживание, до боли милой, особенно для меня в данный момент здесь, стране слова «на природу» значили нечто большее, нечто особенное. И пусть это были те же кульки с провизией, или те же барбекю, вернее, шашлыки, и то же вино, а в той транскрипции — водка, но там обязательно был еще костер, обязательно колышки для кострища и обязательно наломанные самими где-то в кустах или чаще леса, притащенные к костру дрова, а не, как здесь водится, приготовленные и сложенные в стопочки около мусорных баков вытопанных уикендовских площадок готовые угли и поленья, были еще долгие томительные стояния на берегу реки или бесконечные созерцания дали уходящего в ничто горизонта, и если, что ни говори, тут все эти мероприятия мыслятся все же как отдых, там они в глубине души всегда осознавались еще и как *возвращение*...

Мы едем на природу. Славка, подогнавший машину вовремя, держал себя очень предупредительно со мной и с Катей в тот день. Женька, — кстати, после начавшегося много позже «великого переселения народов» нашей страны осевший где-то в Австралии и специально пришедший тогда, чтобы *посмотреть* на Катю, — проследил, как она идет ко мне навстречу через дорогу, глядя своими прищуренными глазами по сторонам, но ни в коем случае не на меня, и, оценив ее походку, откину-

¹ Поехать куда-то на уикенд, из дома, на берег моря.

тые назад плечи, будто бы для того, чтобы уравновесить тяжесть груди, и то, как она выглядит сзади, показал мне издалека рукой восхищенный жест, вернее даже, двумя руками, и, не настаивая на знакомстве, сразу исчез, успокоившись на своем одобрении моего выбора и удовлетворив любопытство. А Славка, чувствуя, что я ему доверился, вел себя с Катей и с ее дочерью очень обходительно. Он держался в тени, старался угодить, без тени мысли об ущербе в отношении своей гордости. Молча взирал, как мы с Катей вдвоем пили водку, спокойно наблюдая, как мы надираемся, и было видно, что он ради меня и моего счастья приносит себя в жертву. У нас была расстелена скатерка из Славкиного запасника, поставлены стаканы, стояли какая-то зелень, консервы, колбаса, сыр, причем, делая бутерброды с «сайрой в масле», Катя почему-то обязательно сливала масло из банки на землю, каждый раз вспоминая о каком-то своем прежнем опыте:

— О, только не это!

Это было опять ее дежурное выражение. Как и «замечательно», или еще одно: «Мне это хорошо запечатлелось!». «Это тебе не запечатлелось?» Для меня, вечно пребывающего в восхищении словотворчеством родного народа, это было интересно вдвойне. Или вот о ее муже и о жизни с ним: «Ну, нет. Нет чувства уже. Нет. И на складе нет».

«Придет с работы муж, с ним ведь спать надо. Думаешь, легко мне было?..»

Она мягко корит меня за слишком тесное нахождение с ней на траве и все время незаметно старается от меня отодвинуться, косясь на свою девчужку. Насупленную, молчаливую, замкнутую, ни на что не обращающую внимания и какую-то даже, можно сказать, запуганную мышку-нарушку. Которую она время от времени вдруг бросается ласкать, а то и обнимет и долго держит

у себя на коленях, глядя в огонь и прижав свою голову к ее щекою. Что, честно сказать, каждый раз меня поражало. Я все никак не мог до конца представить, что это ее ребенок, и что она мать, и что она может вот так целовать и ласкать еще кого-то, кроме мужчины. Хотя она могла удивлять абсолютно во всем и бесконечно...

— Ну, подожди. Потом. Позже. Сонька увидит...

— Понял, понял, — старался успокоить себя я.

— Сегодня приезжает моя подруга. Тогда будет полегче. Посвободнее.

— Подруга?

— Да. Лучшая моя подруга, из нашего гарнизона. Едет с дочерью, ровесницей моей Соньки. Мы с ней прошли огонь и воду...

— Это я представляю...

— Семь лет вместе. Перед отъездом моим договаривались, что она в отпуске приедет погостить.

— Экая досада!.. Надо встречать?

— Встречать не надо, это неважно. Я другое хотела попросить. То, что она приедет, очень удобно для нас, ты не расстраивайся, она не помешает, тут ты можешь быть спокоен, за нее, наоборот, во многом даже можно спрятаться, спихнуть заботы, выручали друг друга не раз. Но, с другой стороны, чтобы мы могли с тобой свободно встречаться, надо чтобы и у нее тоже кто-нибудь был.

— Ну вот, не было печали...

— Она моя подруга. Я же не могу ее просто так дома бросить.

— Сразу куча проблем. Ты предлагаешь ей кого-нибудь подыскать?

— Да, я же знаю этот город каплунов, а то иначе как же мы ее с собой куда потащим? Она же будет обузой.

— Ты для нас стараешься или для нее?

— Для всего советского народа!

— Ну, понятно. Она замужем?

— Мы обе служим.

— Тоже честная офицерская жена?

— Конечно.

— Знакомая армейская картина. Тут нужен Шура... Славик! — окликнул я отошедшего к машине настроить приемник Славку. — А где наш ефрейтор?

— На картошке, сегодня должен приехать, — крикнул мне он.

— Это хорошо. Тогда надо звонить. Шура у нас в долгой ссоре с женой и собирается разводиться, — объяснил я Кате. — Поэтому сейчас, как танк, все подминает на пути... на все идет, как таран. На него можно понадеяться... Подруга хоть хорошенькая?

— Обижаеться...

Но разве по сравнению с ней могла быть кто-то хорошенькой еще?..

Так что с ее стороны это было большим преувеличением.

5

А вечером с ее подругой и Шурой мы уже были на Красном яру.

Красный Яр являлся местом самых отчаянных романтиков нашего тогдашнего родного с ней города. Не знаю, как обстоит дело сейчас, но тогда это было ближайшее к городу достаточно тихое место с высоким и обрывистым берегом реки, в сосновом бору с открывающимся сверху видом заречной поймы и перспективы, где вечером ничем не замутненный во всей полноте разворачивался безумно красивый в моей стране летний закат. Есть в России период в какой-то из летних месяцев, чаще это совпадает с периодом отпусков, когда стоят неделями тихие томительно долгие вечера с изумительными нескончаемыми закатами, теплыми бесконечными сумерками, когда бесконечно долго,

а считай, всю ночь, почти до самого рассвета, не делается темно, и когда женщины и девушки в вечернем теплом и нежном сумраке ходят в платьях на голое тело, светятся своими фигурами и все абсолютно ласковы и преисполнены стремления любить. В это время на города опускается любовь, исчезают агрессия и пьяные стычки. Даже хулиганы и таксисты становятся спокойны и ловят себя на доброжелательном отношении к людям. В барах не слышно драк, на улице резких голосов, дорожно-транспортных происшествий становится много меньше. Прохожие чаще обращаются друг к другу миролюбиво, люди помогают старшим, а женщины все решительно делаются красивыми.

И если какой-то шалопай в этот момент снимет девушку, то, будь он даже совершенно толстокож и не чувствуй никаких тонкостей и красот темнеющего до синевы неба, он совершенно неожиданно для себя везет ее не домой, не в душную квартиру, а на природу, в лес, в парк, чтобы среди таких же спрятавшихся за деревьями автомобилей («Мужики, извините, продерните вправо, не могу никак проехать вон на ту тропинку»), откинуть спинку кресла, раздеть ее и взять ее не дома в постели, а ближе к земле.

Мы же с Катей были в эту ночь на земле практически буквально, отделенные от нее только одеялом и полом поставленной мною палатки.

Когда мы с Шурой уже полностью закончили все свои приготовления к ночи, он в машине, я в палатке на яру, выпили все взятое на четверых вино, потом чай, и даже загасили костер, и проводили закат, мы забрались с ней в мою двухместную, для нее созданную домпалатку, и растворились в мягком свете нескончаемой вечерней зари. И более чудной ночи в жизни у меня уже не было. С тех пор нет, и с ней уже не было тоже. После этой ночи судьба стала меня от нее медленно, но верно уводить.

Она была вся нежность, вся страсть, все забытье и наслаждение. Она была, как вся окружающая природа, непосредственна, как природа, жадна, алчна, абсолютно непонятна, непостижима и прекрасна. Она плакала, стонала, целовала меня всего, чуть ли не до крови сжимая зубами мои губы, царапалась, чтобы не закричать, кусала себе руку, извивалась, опять впивалась ногтями мне в спину, волосы и затылок.

— Я не могу тебе дать всего, что могу другим, — говорила она, задыхаясь. — Слишком я хорошо тебя знаю.

— Господи, — говорил я. — Мне достаточно! Мне и так фантастично! Уже только видеть, как ты это делаешь!..

— Брось. С тобой сложно, как с мужем. Я удивляюсь, — злилась и досадовала она, — как это я вообще с тобой еще кончаю... (Весьма приятное для партнера сообщение).

А кончила в то же время только что три раза подряд.

Я не мог наглядеться на ее лицо, на то, как она это делает. Как она была в этот момент красива, не знаю, почему нет ничего уже более пьянящего, влекущего, чем эта красота. Почему именно эмоция другого человека так захватывает, поражает, так увлекает за собой? Настолько, что я нырнул вслед за ней и растворялся. В том, в чем была она, там, где и она находилась. Я просто замирал, забывал про собственное тело, исчезал, терялся, это было выше наслаждения, это было что-то иное, я даже не знаю, как это назвать, наслаждение оставалось где-то там, где я мог ее еще видеть... а видеть ее — это было уже величайшее наслаждение и так.

Ехали домой мы в утро. Это так ей всегда в голову ударило. Приходила какая-то мысль. Вдруг сорваться и куда-то понестись. После чего ее уже никакими силами удержать было невозможно.

— Нет, спать мы тут не будем. Нет, нет, мы уже поспали. Причем, несколько раз. Нет, нет, нет, — снова

с выражением распутства на лице ходила она по нашему лагерю, уже полностью собравшаяся и одетая, и будоражила всех, вплоть до команды нефтеналивной баржи, в занимающемся свете нового дня сделавшейся видимой далеко напротив нашего яра на рейде.

Она подходит к Шуриной машине и опирается лбом о заднее стекло его «универсала», где Шура с ее подругой, раскинув во всю длину заднее сидение, возятся под Шуриным походно-рыбацким одеялом, как раз головами к окну. Из-под одеяла они видны по плечи.

— Надо же, они еще и целуются, — говорит она. — Вот дают. Смотрите, что она делает! Что делает!.. Ладно, кончайте быстрее!.. Кончайте уж. Поехали!..

Я подошел и обнял ее сзади, тоже заглядывая в кабину и плотно прижимаясь к ее спине.

— О, и так тоже хорошо! — сказала она.

И тут я сделал ошибку. Мне бы тоже, может быть, следовало включиться в этот ее легкомысленный тон, в фривольную игру, несмотря на всю свою идеалистическую «возвышенность», я совершенно не находил в этом абсолютно ничего предосудительного или безобразного, напротив, мне бы это даже могло понравиться, и действительно сделать это «хорошо» тут же, пока я прижимался к ней сзади, а она смотрела вниз на целующихся и раскачивающуюся друг на друге и пытающуюся достигнуть в какой-то там очередной раз экстаза нашу пару, да еще прямо на виду всей реки, на зависть находящимся на ночной вахте матросам, да еще, может быть, закончить совместно с нашими напарниками, лежащими прямо перед глазами за стеклом, в нашем обозрении, всем в одно время, достаточно мне было только задрать ей подол. После чего она бы, вполне вероятно, во многом успокоилась в своем отношении ко мне, приравняв меня к «другим», и перестала бы надрываться, оглядываясь и сдерживая себя, и ей бы стало легче. Но я почему-то, как в первый раз ее прихода ко

мне домой, когда она сбежала, как и всякий раз в наших отношениях с ней в жизни, в очередной раз не стоял, сам же и струсил, не уверенный, что она это позволит, сам закомплексовал и подол ей задрать не решился. И не помог этим преодолеть стеснительность и комплексы и ей самой. В то время, как природа, настоящая природа, ценит прежде всего непосредственность, а в случае сопротивления с одной стороны, то и силу, даже насилие. И каждая женщина хочет, если она действительно женщина, чтобы ее брали немножко через ее упорство, немножко силком. И получалось, что она не обрела должного положенного удовлетворения. Я это сумел почувствовать. Всего-то мелочь, но это была все же, наверное, моя большая ошибка, после которой в ее чувственном отношении ко мне стала происходить суровая перемена. Она стала жестче. Раздражительнее, капризнее, мрачнее. Она была всякая, она была и умопомрачительна, и еще не раз меня до исступления любила, впиваясь губами в мой ставший уже застаревшим рубец от шрама, полученный при аварии, на верхней губе, впадала в неистовство, но эта заноза осталась уже навсегда.

Домой мы едем молча. Встает солнце, мы сидим с ней на заднем сидении и целуемся. Шура смотрит на нас в зеркало заднего вида. Постоянно, как только взглянешь в зеркало: смотрит — спокойно, мирно, не стесняясь.

— А я на вас смотрю...

Потом, когда уедет Катя, я буду так его любить. Мне будет приятно его видеть. Мы с ним были вместе в одном *приключении*... Мне всегда будет приятно к нему прийти и о чем-нибудь поговорить...

Перед въездом в город останавливаемся у шлагбаума железнодорожного переезда. Поезда нет, ниоткуда ничего не слышно, почему шлагбаум закрыли, никто не

знает. Минута, другая, десять минут. Время идет, сзади, несмотря на раннее утро, за нами скопилась масса машин. Стоим и молчим. Идет за шлагбаумом мужик с тяпкой.

Шура говорит:

– Вот сейчас мужик с тяпкой пройдет – и откроют.

Девчонки как-то робко посмеялись, неожиданная была острота, не на дежурную тему, типа вечных «встал» или «прилег», или:

– Девочки!

– Вот уж что нам не грозит, так это!..

Потом засмеялись погромче, потом еще громче, потом так расхохотались, что даже в стоящих за нами машинах людям стало смешно. Мы просто чуть не выпадывали из кабины. И всем после бессонной ночи стало радостно и легко.

Честное слово, после отъезда Кати я так буду Шуру любить...

Дружба – великое дело. Для Кати ее подруга, свидетельница ее жизни, тоже была крайне важна. Их дружба я никак не мог оспорить, да и не собирался, но она много попортила мне крови. Хотя бы тем, что мне пришлось с приездом ее согласовывать каждый свой шаг, кроме Кати, еще и с ней. Они были неразлучны. Мне приходилось возить их вместе. Развлекать вместе. Чуть ли не в постели вместе. Если бы я только чуть обмолвился. И наверняка было бы опять для Кати проще, опять пришло бы на уровень, как с «другими», весело, делить одного мужчину, получается с выдумкой, нетрафаретно, легко. Да это и на самом деле имело место в конце, когда Катя меня полностью уж вышколила.

А пока я еще находился в самом начале «школы». Из меня старались выбить слишком серьезное отношение к телу. У меня был свой собственный путь, свой собственный взгляд на вещи, мужской, в чем-то даже по-ста-

рообрядному рыцарский, но и тот, другой взгляд, я опять должен это признать, имел полное право на существование. И ничуть он не был ни хуже, ни лучше. Он был просто другой... И потом ведь меня никогда не насиловали...

Но тогда я оставался все еще, как всегда, серьезен. Даже когда подруга встречала меня у них дома в отсутствие Кати в одном халатике, даже когда она подставляла губы и я целовался с ней, как с ее подругой, по-приятельски, облизывая ее верхнюю пухлую губу, даже и тогда я ласково и мягко все же ее отвергал... Я был стоек.

Так что, всю постельную нашу с Катей жизнь подруга ее своим приездом испортила начисто.

Мне приходилось выискивать способ, чтоб и подругу в ее одиночестве не обидеть.

Из-за нее я вынужден был сделать им обоим целую программу развлекательных мероприятий. Я устраивал им мальчишники. Вернее, приглашал их обеих на мальчишники, два раза собирая мужиков своих у себя дома на коньяк. Причем, в первый раз, как на спектакль, слетелись любопытные, абсолютно все. Так что потом Григория Скальницкого мне пришлось даже выпроваживать, просить Славку, чтобы он, когда все уже начали расходиться, и его с собой, в конце концов, уволок, оторвав от моей девушки, с которой тот закрылся у отца в комнате и упорно пытался ее склеить. За что Катя стала мне читать нотацию.

— Вот ты тут посуду моешь, — сказала она мне, заходя в кухню, наконец появившись из отцовской комнаты, — а что там твои друзья делают, не знаешь...

— Катя, я все знаю. Но ты же вольна в выборе, я не имею права тебя ни к чему приневолить...

Она не ответила. И хотя она продолжала внутренне возмущаться поведением кое-кого из моих друзей, тем

не менее, моим ответом она осталась, в общем-то, довольна. Какой-то там зачет я сдал.

Ушла она удовлетворенная.

— Ну, мой посуду, мой, посудомой наш...

Я в отместку потом отрекомендовал их выход на следующем мальчишнике фразой: «Жены господ офицеров!» Когда они вдвоем бойко вошли, а все мужики их уже ждали. Чем повеселил Катю, хотя подругу ее это несколько обидело. Потом мне Катя уже передала, что та была задета. Она юмора не поняла.

Тем не менее, и в первый, и второй раз, после ухода гостей, она потрахалась с еще одним Шурой, при отсутствии первого, с Шурой-коротышкой, который в первый же день увлек ее в освобожденную после ухода Григория Скальницкого комнату. И пока Шура, спасибо ему, завершал наше спланированное мероприятие рассчитанным мной маневром, Катя сидела в моей комнате с угрюмой миной на лице. Теперь, насколько я понимал, опять все было не так, опять не в жилу. Пусть подруга ее была удовлетворена и довольна, и я свою программу выполнил, но получалось теперь, что довольна-то была подруга, а не она, Катя, а у Кати не было свободы, ей приходилось уже быть мне верной, вот ведь еще напасть, а у той второй любовник за два дня, в общем, сплошные праздники жизни, а она, Катя, опять попала в какой-то омут постоянства, и, похоже, еще и Григория Скальницкого бортанула. А зачем? Как-то совсем недовольной она сделалась. Совершенно расстроенной. Она была так раздосадована, что не сделала этого даже и со мною.

Ну, разве для меня это было удобно?..

— Все, пошли домой, — сказала Катя, дождавшись наконец подругу из ванной комнаты, где они с Шурой тоже долго возились. «Чего они там делают?» — все говорила она. Хотя оттуда доносились вполне специфические звуки.

— Все, пошли домой. А вы оставайтесь, — сказала она нам с Коротышкой, — делитесь опытом.

И они ушли одни в ночь. Так что нам пришлось их догонять и провожать до дома. Хотя и у дома они от нас отделились, сославшись на то, что дома родители, дети и что уже совсем ночь.

И у меня в отношениях с ней начался долгий этап по моему насильственному отлучению.

А то мне приходилось бесконечно катать их на полученной наконец из ремонта машине. Опять увозить куда-то за город, пока их дети либо спали, либо были где-то у Катиных родителей на даче. Мы ездили по самым красивым местам, по каким только я знал. Застревали на проселках, девчонки меня выпихивали. Мы кого-то подвозили, с кем-то знакомились, находили на свою голову приключения, потом возвращались к ним домой... И опять меня отвергали. На этот раз уже из-за того, что у подруги никого не было. Мужики мои специально от своих жен к ее подружке не побежали, не так уж она была неотразима, а по сравнению с Катей она вообще была просто тень. Тоже, конечно молодая, двадцатисемилетняя, и кровь с молоком, и большая высоко стоящая грудь, и даже смазливая. Но по сравнению с Катей, как день и ночь. Стоило посмотреть хотя бы, как эти подруги рядом идут. Как Катя себя несет. Как кувшин с водой, как расширяющуюся кверху и стоящую на тонкой подставочке рюмку. Узкая талия, бедра, всё расширяющееся только вверх, и всё, что надо торчком. А эта... коренастая, тяжелая, во всех отношениях большеобъемная... «Любимого тела должно быть много», — как любила пошутить Катя. Правда, про полнеющее свое тело. Про себя. Но это в гораздо большей степени подходило к той...

Так что особенно на нее мои мужики не клевали, и она оставалась одна. В чем повинен, оказывался, ко-

нечно же, я, и меня, как в наказание, опять отлучали от тела. И мне приходилось упрасивать и домогаться.

— Он меня затрахал! — заявляла наконец Катя своей подруге, имея в виду, видимо, что-то свое, но на что подруга, конечно, откликнулась самым противоположным возбуждающим образом.

— Вот везет! Меня бы так!

А Катя из солидарности снова не могла ее оставить одну, и опять меня отправляла домой после ужина...

Она ходила с подругой по гостям и пила водку. Именно так сурово. Заливала свое горе по-отечественному. Свою семейную драму она решала по-армейски. А поскольку старых школьных подруг у нее в городе было много, она ходил по гостям беспрестанно. На непрерывающиеся поминки своей счастливой семейной жизни. Иногда они брали со мной меня, иногда она вообще ходила куда-то даже и без подруги, иногда они бродили только вдвоем... Не знаю, когда она и спала. Все дни и ночи в угаре.

— Пришла я домой рано. Только светало...

А утром ей надо уже кормить детей. И она уже на ногах. А вечером ее опять нет. Я безуспешно названиваю по телефону. В доме появляются какие-то мужики. Появляются, исчезают. Мне никто ничего не объясняет. Даже пожилые мужчины. То ли друзья родителей, то ли родственники, то ли еще кто...

Я ревную, выслеживаю.

В то же время кто-то мне иногда звонит домой ночью, но не разговаривает и кладет трубку.

А потом у них телефон перестает отвечать...

И наконец Катя звонит:

— Приезжай за мной, я отправила Люську с детьми на дачу.

Я прискакиваю уже через минуту и хватаю ее просто в охапку. И, казалось бы, никого нет дома и можно бы-

ло бы этим воспользоваться. Я и так ею был уже весь измучен, весь как изюбрь в период гона без пришедшей на зов ланки, как образно представлено одним русским писателем, извалявшийся от мук в грязи и забрызганный собственной похотью.

Но после долгого поцелуя она все же меня отстраняла.

— Нет, нет, поехали, тут плохо.

А что, казалось бы, плохого?..

Но оказывается, плохо, не то время. Еще не место.

И мы опять ехали куда-то кататься. Пили вино в каком-то придорожном кафе, и все мужчины на нее смотрели. Я это видел. И она это видела. И как только выходили из кафе, провожаемые взглядом всех, сразу говорила мне:

— Давай быстро в лес, скорее.

И когда я быстро заруливал куда-нибудь на лесную дорожку, сама торопилась, откидывая спинку сиденья и расстегивая юбку.

И, Боже мой, тут я уже не помню ровным счетом ничего!..

Господи, как сладостна это непонятная, недоступная полному постижению женская суть. Женская импульсивность. Непредсказуемость, своенравность, стервозность. Эта их вечная загадка: «хотеть». Если мы хотим от избытка, от того, что хотим, то женщина хочет, когда что-то ей внутри это подскажет. Кто-то внутри ей нашепчет. Не знаю уж, что и кто именно, но что-то ударит в голову. И она действительно поймет, что да, нужно...

И ей тоже необходимы были какие-то обстоятельства, условия, но не такие, какие требуются для тех, что любят говорить «устала», а условия, помогающие, наоборот, только найти повод, чтобы вдохновиться. О, это так для них важно: чтобы пробудить, обмануть свое собственное тело, ленивое, неповоротливое. Даже самая

страстная женщина, в чем и загадка, — не может, если того не желает, себя заставить, мало того, как Катя говорила, она, например, даже никогда и не сделает мужчины хорошо, если, скажем, ей в этот момент самой нелзя и у самой хорошо не получится. Никогда не будет делать. И это даже почитала за доблесть, возводила в заслугу, в принцип. В достоинство. Мужчина и женщина — совершенно разные миры!.. И я неправильно немного рассказал о том, как ее изнасиловали. Я описал это несколько упрощенно. По-мужски. Даже где-то легкомысленно. На самом-то деле после изнасилования она две недели не могла ни есть, ни пить. Ни говорить, ни заниматься каким-то делом. Две недели носила свитер, чтобы скрыть синяки от мужа. А потом подумала, слава Богу, что хоть не на обезьяну был похож. И решила, что в следующий раз лучше не сопротивляться.

— Сразу завела любовника, — рассказывала она, — и никаких эмоций... Завела другого — опять то же самое.

На муже тогда остановилась. На некоторое время...

Ей тоже нужен был толчок, какое-то замыкание, какая-то искра, в чем она была не вольна. Нужна была природа, намек, импульс. Душа женщины — всегда потемки. Мужчина — как пионер, он всегда постарается быть готовым, в любой обстановке, в любой ситуации, почтет это даже за мужскую гордость. Выполнит из чувства долга. Даже нафантазирует себе, закроет глаза на недостатки, на какой-нибудь прыщик на плече, выгонит все лишнее из памяти, нашпорит себя. Не то женщина. У нее все загадочно, и она зависит от такого количества неизвестных! Что там, какие шарики за ролики должны зайти?.. Абсолютная тайна.

И опять, уже у меня дома в постели, извинялась, что получилось у нее слишком быстро.

— А не надо было мне коленку наглаживать...

А я уж и забыл о том. Что гладил-то. Что еще днем в дороге, останавливаясь на перекрестках у светофо-

ров, ласково и ненавязчиво гладил ей ногу, пока она продолжала в окно смотреть...

Вот уж действительно не знаешь, где найдешь, где потеряешь, и что и как в них отзовется.

6

Не найдя возбуждающего момента в отношениях со мной, к какому она меня толкала, по принципу, что она может другим дать, она нащупала возбуждающий момент в том, чтобы совершать поступки. Раз нельзя это сделать легко и весело, то тогда пусть это будет по-иному... Это тоже было для меня совершенным открытием...

Глубоко внутри себя, а может быть, даже и не глубоко, а как раз открыто и на самой поверхности, она была добрым порядочным и хорошо воспитанным в духе помощи другим людям правильным человеком. Еще и согретая жизнью в коммуне военного городка в глуши на окраине родины, на защите ее рубежей, где взаимопомощь и доверие — основа нормального существования и нередкое явление. В глубине у нее было как раз то, что тогдашняя инопланетянка моя, ставшая уж слишком для этого взрослой, называла глупостями и школьничеством.

Однажды мы с Катей ехали вдвоем ночью из загорода и спешили, чтобы добраться ко мне домой. И тут на обочине в свете фар я увидел около машины поднятую руку какого-то мужчины.

— Вот, черт! — сказал я. — Что-то у него случилось в машине.

И хотя одни за другими пучки от света фар проносились мимо, поскольку эта трасса была просто забита машинами, я все же решил остановиться.

— Извини, — сказал я Кате. — Я хотя бы спрошу, что ему нужно.

Я съехал на обочину и сдал назад.

— Сейчас, я буквально минуту.

У мужика пробило колесо, запаски не было, и он мучился, не в силах разбортовать покрышку.

— Запасная камера есть?

— Есть.

— Тогда тащи колесо, я тебе наеду сбоку и она в миг снимется, — и я залез обратно в кабину.

— Еще пару минут, — сказал я Кате. — Сейчас поедem. Не волнуйся.

Катя открыла дверь, вылезла из машины и присоединилась к жене мужчины, стоявшей в темноте где-то сзади. Муж прикатил колесо и положил впереди в свете подфарников. Я, за годы водительства научившись подобной операции, ловко наехал на покрышку одним своим передним колесом и проехался по резине рядом с самой кромкой обода, еще и аккуратно повернув рулевое колесо, что бы накат был по окружности и более продолжительным. С легким чмоканьем покрышка отслоилась и осела.

— Спасибо, — сказал водила.

— Остальное сумеешь?

— Сумею.

— Монтировка, все остальное есть?

— Все есть.

— Ну, пока.

Все это заняло буквально пять минут. Довольный собой и своей ловкостью, я открыл дверку и позвал Катю. Она стояла сзади машины.

— Садись скорее, — нетерпеливо сказал я, и когда она уселась, быстро вписался в вереницу машин и помчался дальше в город.

Катя сидела молча.

— Незавидное дело, когда нет запаски. Порой часами мучаешься, чтобы сбить покрышку, — сказал я, думая

немного оправдаться за эту задержку. — Когда нет кувалды или второй машины в помощь, это все — труба.

Катя все продолжала молчать.

— Можно вообще заночевать в таком случае на обочине, — решил я еще более усложнить его ситуацию, для большей аргументации выставив его положение совсем уж в безнадежном свете.

— Ну, чего ты дуешься. Я же потратил всего пять минут!..

— Ты хоть видел, что у него жена беременная?

— Беременная? Не обратил внимания, — поразился я неуместности ее вопроса. — А что?

— Чего ты так радуешься? Бросил мужика с беременной бабой и уехал.

Я даже опешил.

— Какие-то вы тут ненормальные. Противно иногда даже с вами жить.

Я не знал, что на это и ответить.

— Ну, вообще-то я все сделал, что требовалось, — постарался оправдаться я теперь уже совершенно в противоположном.

— Все?

— Ну как тебе сказать... Тут ты несведущий человек, остальное ему сделать, в общем-то, будет уже нетрудно.

— Понятно, я несведущий человек, но что такое беременная баба ночью — это я хорошо могу сообразить.

— Катя, честное слово, я думал, ты корить меня будешь совсем за другое. Можешь мне поверить, остальное он сделает уже за десять минут. У него все есть, я спросил. Дальше все просто.

— Действительно, что ли?

— Клянусь, — взял я грех на душу, лишь бы только ее успокоить.

— Ну ладно, может быть, ты и прав, — и она потеплела.

Такая вот неожиданная корректировка образа.

При всей ее циничности, ерничестве, насмешливости, с какой могла, например, сказать об отце, тоже, кстати, летчике:

— Улетит утром в рейс, вечером опять дома, откуда-нибудь из Ташкента уже прилетел. Вечером не успеешь за ним дверь закрыть, смотришь, утром опять стучится — никакой жизни! Друзей своих уже всех закопал на кладбище, мать все ждет, когда и сам там окажется, — и очень неоднозначная внутри...

И, кстати, и сама же ведь замуж вышла тоже за летчика! И уехала с ним куда-то в Тьмутаракань, и пока муж не спился, она его, как и отца, столько лет преданно любила... И кто его знает, может, продолжает любить до сих пор...

А вот опять ездили на машине, причем, только что после ночи, проведенной у меня дома, после двух бутылок выпитого вина. Как всегда, ее нелегкая куда-то погнала. Утром, на восходе солнца. В сторону Красного яра. И нас остановил уже за городом то ли милиционер, то ли дружинник, стоявший с палкой регулировщика в засаде за деревьями и отлавливавший, видимо, ночных гуляк. То есть как раз нашего с ней брата. Или сестру.

— Ну, все, — сказал я, заруливая на обочину. — Сейчас мне будут крутить руки.

Катя сразу напряглась.

— Ни техосмотра, ни госпошлины, доверенность просрочена, — сказал я.

Я подал в окно права и техпаспорт. Молодой парень, с усиками, стриженный, долго изучал документы, но ничего либо не понял, либо не заметил.

— А вы случаем не выпивали? — спросил он, протягивая мне документы.

— Нет, не пил, — соврал я.

— Это я пила, а он не пил, — сказала Катя со своего сидения, и милиционер специально нагнул, чтобы посмотреть на нее в окошко.

— Я пила. Сухое вино, — повторила она и села на сиденье прямо. Она умела иногда произвести впечатление.

— А теперь в лес едем, — добавила она.

Милиционер улыбнулся.

— Ладно, поезжайте. Смотрите, не заблудитесь, — и он вручил мне бумаги.

Опасность нас сблизила, а, миновав, заставила даже почувствовать лихорадочное оживление. Но буквально через двести метров от милиционера мы увидели съехавшего в кювет водителя на «Жигуленке». Он был слегка под мухой. Машина лежала на боку и он безуспешно пытался из нее выбраться. Как он не попался на глаза милиционеру, уму было непостижимо. Оказалось, что он тут торчит уже часа два. Ничего не оставалось, как остановиться.

— Трос, веревка есть?

— Нету ни хрена, — ответил он из глубины машины!

— Что ж ты так, — я открыл свой багажник и искал что-нибудь подходящее. Нашел обрывок парашютного фала. Прицепил к его машине сзади и хоть не с первого раза, но смог мужика перевернуть и вытащить на полотно дороги.

— Спасибо тебе огромное, — сказал мужик, появляясь у моей дверки. — Ни один не остановился. А ведь ночь! Не поверишь: не ты бы, не знаю, сколько бы тут пришлось торчать.

— Ладно, будь осторожен.

— Дать тебе денег?

— Да брось ты, сзади гаишник стоит, смотри.

И мы отъехали.

— Сверни куда-нибудь с дороги, — сказала Катя опять. — Скорее. Куда угодно.

— Тут пойдет?

— Где угодно, — и когда я остановился, еще не дождавись, пока я выключу зажигание, уже закрыла глаза.

— Господи, как я тебя люблю, — сказал я, стоя перед ее открытой дверкой на траве на коленях и помогая ей надеть трусы. И целуя ей живот. И шрам ее, и глубокие складки. И в то же время думая, что никогда не предполагал, что поступок может быть воспринят именно как тот самый повод, что он может быть сексуально окрашен, что он может вызывать в них, в женщинах, любовь и возбуждение. Что добро может сопрягаться с эротикой. Женщина — удивительное существо. В отличие от нас, всегда строящих из себя специалистов в механике любви и умеющих разбираться в эrogenных зонах...

— Поехали дальше? Мы с тобой, как бой-скауты, везде ищем себе приключения, чтобы совершать похвальные дела. Ты не находишь? Может быть, все-таки до яра доберемся?..

Опять стала в отношениях со мной возвращаться к ласке, к нежности.

— С тобой, как с мужем, такая скука, честное слово. Но в тоне печаль.

Мне и приятно, и обидно. И приходится извиняться опять за то, что после вчерашних наших утех я опять мимоходом ее обидел, отказавшись от дополнительных наслаждений.

— Мне это не надо.

— Не надо?

— Не обязательно. Скажем так.

— Ну, и ладно.

— Ну, и пожалуйста.

Так что на следующий день все еще перед злой снова приходилось извиняться:

— Извини, что вчера не дал тебе удовлетворения...

— Худого не помним. Я уже забыла, — отходила она.

И в очередной раз по-домашнему была мягка.

— Знаешь, ты ведь меня любишь, — сказал я, — а сегодня вдруг понял, что ведь ты меня и в институте люби-

ла по-настоящему. Это было не просто увлечение, как люди увлекаются друг другом, а ты любила серьезно, на всю жизнь, и сейчас любишь, и я у тебя являюсь единственной любовью в жизни, кроме мужа. Ведь так?

— Возможно.

— Но о том, что ты такая же любовь и для меня, я до этого лета не знал. Удивительно. Мне надо было для этого с тобой переспать. Трогательно, правда? А может, нам пожениться?.. Я еще подумал про тебя, что если ты не сможешь, или не захочешь любить своего мужа, то большое ведь, кроме меня, тебе любить в жизни будет уже некого. Понимаешь, о чем я говорю?

— Да, я уже думала об этом... Жалко, что тебя не было два года назад...

— А что же изменилось?

— О, изменилось все...

1

У разведенного свято место пусто не бывает. И уже через три недели я созрел окончательно. Я засыпал с мыслью о ней, просыпался ночью то от ревности, то от ужасов, то от нестерпимого желания, днем у меня не клеилась работа, и я не мог ничего с собой поделывать. Больше получаса я ни на чем не мог сосредоточиться, внимания у меня не доставало. Я понимал всю ценность моих с ней отношений и поэтому, позвонив, сказал:

— Знаешь я созрел. Помнишь, ты говорила, что мне даже и имя переучивать не пришлось бы. Может быть, на самом деле пожениться? Честно сказать, после первой жены я думал, что никогда уже не захочу второй раз этого мучения, но сейчас в своем убеждении стал слишком сомневаться, может быть, попробовать? А вдруг все будет хорошо?

— Зачем тебе такая шлюха?

— Почему, любопытная могла бы получиться пара. Шлюха и строгих правил аскетичный кабинетный работник, очень даже оригинально.

— Ну, какой ты аскет, я это уже поняла. Из тебя еще можно сделать человека.

— Я ведь говорю серьезно. Мы ведь с тобой знаем, что главное-то не в том, как мы выглядеть будем в глазах других людей. И ведь в глубине души ты хочешь, чтобы мы поженились.

— Я тебе буду мешать. И потом, жалко, что ты не был моим первым любовником. Все бы, может быть, было по-другому два года назад...

И после того, как я еще настаивал некоторое время, она ответила:

— Ладно, я подумаю.

Но на следующий день к ней с дачи вернулась подруга, и настроение у нее было уже не в тон.

— Надумала? — Спросил я утром.

— Нет, — ответила она.

Ее подруга тоже хотела, чтобы ее провожали, дожидались дома, без конца звонили по телефону, залезали на дерево, чтобы в окно на уровне второго этажа посмотреть, что делается, и в форточку зажигалкой запустить, получать телеграммы, после того как на телефонные звонки перестают отвечать. И, как и Катя, после долгого измывательства надо мной и избегания меня тоже вытащить из почтового ящика бандероль без вразумительного обратного адреса, но обязательно с каким-нибудь ядовитым намеком вложенной книгой, типа: «Двадцать способов вышивания крестиком». И, наконец, чтобы хоть дверь дегтем намазали...

Всего это хотела подруга, и поэтому во многом Катя была снова другая.

— Ты знаешь, какой у меня последний любовник был? — вместо разъяснения своего ответа на вопрос сказала она. — Мы с ним даже не разговаривали. Молча сходились, делали, что надо, и расходились опять каждый по своим делам. Без единого слова.

— Но мне так неинтересно.

— Вот поэтому ты всегда и будешь гореть на этом.

— А почему ты думаешь, что мне надо по-другому? Я же тебя, как тебе надо, жить не учу.

— Все мне всегда в любви начинают объясняются, жениться предлагают.

Я и это стерпел.

– Начинают видеть во мне то, чего нет...

– Я вижу то, что мне надо. И мне этого достаточно.

А потом, ты сама не знаешь, что в тебе есть!

– Ой, я тебя умоляю, не таракти.

И, в общем, замуж за меня она не пошла. Ни в тот момент, ни через месяц, ни годами позже.

2

В конце ее отпуска, после того как она скрывалась от меня еще несколько дней, я пришел к ней уже поздно вечером без звонка и без приглашения. Открыла мне подруга. Катерина спала. Мы попили с подружкой чаю в кухне, а потом она проводила меня в ее комнату.

– Она сказал про тебя, что ты ее затрахал. Я умиляюсь. Мне бы такое, – вспомнила она еще раз.

– Ну, как же я буду, она же совсем не хочет.

– Иди, я знаю, чего она хочет.

И когда я вошел и замер над спящим телом, все еще не зная, как поступить, она еще и раздела меня и заставила лечь на Катерину. И только тогда уже успокоилась. Перед уходом еще даже помогла мне рукой, а потом несколько раз надавила мне на ягодицы ладонью.

Проснувшись Катерина попыталась меня сбросить и грубо уперлась мне в подбородок ладонями. Но я схватил ее за запястья и, с силой заведя ее руки за голову, зажал рот поцелуем. Она сдалась с удовольствием. Подчиняясь силе. Бедра ее стали двигаться, дыхание прервалось.

Получилось у нас, как и всегда в то время, совершенно фантастически. В конце она схватила себя зубами за руку, чтобы не закричать.

– Научился, милый? А теперь иди, Володенька, – сказала она ласково. – А то Сонька в другой комнате проснется...

А на следующий день я уже был с ними обеими.

А еще через день она уже образовывала меня по полной программе. Но когда добилась того, что хотела, «образовала» меня, как ей было надо, то расходила себя так, что потеряла сознание сама. В буквальном смысле. Вдруг в конце этого «краткого курса» на мгновение лишилась чувств, пока я благодарно и чуть ли не со слезами ласкал ее лицо ладонями. А когда очнулась, очень странно посмотрела на меня. А потом заключила меня в кольцо своих рук.

И после этого я выдернул ее в поездку. Выдернул из-под крыла подруги, и она стала домашняя вновь.

Шел дождь. Мы ехали по дороге, работали стеклоочистители. Повсюду только лужи и потоки дождя, везде, кроме теплой кабины машины.

— Вот так бы ехать и ехать. И никогда бы не возвращаться... Хотела бы?

— Ты знаешь сейчас — да... — ответила она.

— Знаешь, Володя, — добавила она чуть позже, — ведь я, бывало, мужу по несколько месяцев не изменяла.

— Хорошо тогда тебе было?

— Володенька, женщины которым под тридцать, ничего просто так уже не делают. Они практичны и очень себе на уме. Менять мужа — это опять привыкать к человеку. А тут уже знаешь, где надо поплакать, где устроить сцену, где приласкать, погладить...

— Консервативный народ женщины.

— И потом хорошо, когда есть много денег...

— Я не замечал, чтобы они тебе были очень нужны?..

— Ну не скажи. Много денег иметь хорошо. Скажешь, например, таксисту притормозить на мосту и стоишь, и смотришь на воду...

— Не проси никогда меня выходить за тебя замуж. Я тебя не стою...

Через два дня они уехали в часть.

3

— Ты рад, что мы позвонили? — услышал я ее голос в трубке.

— Конечно, — ответил я.

— Мы же не могли не попрощаться...

— Мне так много надо было тебе еще сказать.

— Мы тебя любим, — сказала она.

Я почувствовал, что ладонь, держащая трубку, у меня стала влажной.

— Ты же хотела не уезжать.

— Так надо. Обстоятельства требуют.

— Ты помнишь, при нашей первой встрече в начале лета, когда мы рассуждали о наших отношениях с тобой в институте, мы оба пришли к выводу, что в институте я был дурак.

— Как давно это было, не помню.

— Прекрати, а то я ничего не скажу.

— Помню, помню, говори.

— Что все зависело от меня, а я ничего не предпринял...

— Да, помню. Глупый был.

— Так вот я подумал сегодня, что если мы с тобой когда-нибудь встретимся еще и будем обсуждать уже теперешние наши отношения, то придем к выводу, что в этот раз глупой оказалась уже ты...

— Ха-ха! Очень трогательно, Володенька. Может быть, ты и прав. Но разве ради этого стоит относиться к чему-то серьезно?

— Я должен тебе сказать, что я тебе ужасно благодарен.

— Брось ты. Не за что.

— Ты мне много дала за это время. Я столько узнал с тобой.

— Я просто женщина, Володенька. На моем месте так поступил бы каждый. Или каждая... Как там правильно надо сказать?..

— Нет, не каждая, Катя. Далеко нет. Ты для меня женщина на всю жизнь...

— Не переживай. Я скоро приеду.

— Нет, оттуда ты не приедешь.

— Приеду. Я там не смогу.

— Но у тебя бодрый тон.

— Как всегда. Снаружи. И даже улыбаюсь...

Она вернулась. Через несколько месяцев она приехала уже навсегда. Но не вернулся к ней я. Ни через месяц, ни через несколько месяцев, ни через двадцать лет.

4

Год спустя после нашего расставания я узнал, что она ушла от своего мужа окончательно. Но по возвращении к родителям ни она мне не позвонила, ни я к ней не пришел. Правда, при ее возвращении меня не было в городе, но я не позвонил ей и когда вернулся. Хотя о ее приезде мне рассказали сразу. Я побоялся звонить...

Есть какое-то шестое чувство, которое и руководит нашими поступками. Может быть, это и следовало бы назвать судьбою. Ведь я мог к ней прийти, всегда потом мог к ней прийти, это не составило бы для меня никакого труда, я знал, что она неподалеку, мог бы хотя бы объявиться, да хоть бы продолжить, пусть на любом легкомысленном уровне, наш роман, увлечься памятью о ее теле... Но по каким-то малозначащим и невразумительным причинам я от этого отказался. Всегда отказывался. Мне постоянно срочно надо было куда-то ехать, какие-то деловые встречи, какая-то проблема или беда... Скорее всего, это было просто бегство от того наваждения, которое опять могло у меня с ней быть. Я побоялся ему снова отдаться.

Всю жизнь так вот стремишься к счастью, всю жизнь ждешь, но когда его обретаешь, то пугаешься того об-

стоятельства, что оно тебя нашло. Говорят, от счастья не убегают. Как же! Убегают, и еще как. И хотя уже тогда я трезво отдавал себе отчет в том, что это именно моя женщина, моя половина, второе «я» по природе. Что это дано мне только раз в жизни, и иного уже не будет. Я не обманывался тут ни на йоту, понимая, что ударяться в поиски еще какой-то жар-птицы абсолютно бесполезно. Немыслимо. Больше уже не будет ничего. Лучше для меня, ближе для меня, понятнее для меня и человечнее человека в мире нет и быть не предвидится. Это мой обетованный берег, моя пристань. Но, видимо, именно потому, что это и был мой обетованный берег, я своим счастьем и не воспользовался. Я даже рисковать не стал возобновлять просто разговоры по телефону. Второй раз я мог бы уже не выдержать. И в счастье бы упал...

Судьбой не дано было этому произойти.

Ведь что бы представляла собой наша с ней жизнь? Как сказал Гоголь в своей трогательной повести про самых близких и любящих друг друга людях на свете, про своих старосветских помещиков: «Как же скучно жить на свете, господа!» Вот, в эту воронку счастья, которая вобрала бы в себя всю мою жизнь, все мироздание и всего меня целиком, не дав ни малейшей возможности опомниться, не оставив ни единого места ни для чего больше, в том числе и на мое демиургическое творчество, я подсознательно и боялся всегда сорваться. О своем предназначении и о том, что мне предстоит, хотя я это и не осознавал по-настоящему, я все равно помнил. Я думаю, помнила и знала об этом и она.

И все же из мыслей моих она полностью не исчезала. Никогда. Я уезжал из дома, из города, странствовал где-то по свету, по подолгу жил в других городах, но по возвращении в родительский дом всегда наводил о ней справки. Но к ней самой никогда не шел, хотя иногда меня так и подмывало у нее появиться. Я держался как

ремень, обосновывая свою сдержанность опять какой-нибудь малостью, тем, что я был, например, в очередной раз женат, а значит, надо было соблюдать верность. И так далее и тому подобное... Иногда сдержат себя мне стоило невероятных усилий. Особенно когда опять, как когда-то, кто-то звонил мне поздним вечером домой и молча клал трубку.

Лет через пять я, наконец, уступив искушению, но, тем не менее, не зная еще, что скажу, все же набрал ее старый номер. Она сама взяла трубку.

— Катюшка, — сказал я, стараясь произнести это весело. — Здравствуй, любовь моя!

И когда это произнес, у меня даже перехватило горло.

— Здравствую, Володя! — буднично ответила она, будто мы расстались только днем раньше.

Голос у меня срывался, отказывал, и смеясь мне было говорить легче.

— Как у тебя, красавица, дела? — опять весело выдавил из себя я.

И что она могла на такое ответить?

— Нормально, — ответила она.

Я не мог спрашивать ни про мужа, ни про то, как на самом деле у нее обстоит жизнь, с кем живет, и живет ли, этой информации я уже боялся: она могла меня подвигнуть к каким-то действиям...

— Сонька в пятом классе?

— Да, уже большая.

— Ты где работаешь?

— В школе. Где я могу еще работать...

— В какой?

— В сто сорок седьмой, неподалеку от родительского дома.

— Живешь все там же?

— Ну, ты же сюда звонишь?..

— Ах да... Я тебя люблю. Ты ведь знаешь об этом?

— Да, я знаю.

— И буду тебя еще долго любить, может быть, всю жизнь, потому что больше мне любить в мире некого. То же самое я когда-то говорил про тебя. Ты ведь любишь меня тоже.

— Да, если вам охота, то это и есть охота, — сказала она, уже в свою очередь тоже начиная говорить веселым тоном. — Никогда не откажем.

— И нам остается только улыбаться. Я ведь не приду.

— Это объяснимо. Я и говорю, обслужим в лучшем виде.

— Ты не потолстела?

— Обижаешь. Я бы с тобой не разговаривала. Храню себя для тебя.

— Прекрати, а то я расплачусь.

— Лучшим подарком мне будет мысль, что я твоя путеводная звезда...

5

Потом, в последующей жизни, Провидение дало мне еще несколько инопланетных существ. И, готовя мне мою судьбу, уже не оставляло возможности подолгу с женщиной быть вместе, не давало к ним излишне привязаться. Оно хотело взять меня тепленького. Провидение меня постепенно лишало не просто моей половины, но постепенно готовило меня лишиться женщины вовсе. Даже когда я много раз входил туда, в этот цех писателей и художников, цех своих, единственных в мире людей, кто может по достоинству, до самой последней мелочи оценить все тобой созданное, а также все твои задатки и способности, между которыми легкость отношений вообще необычайная, вообще желанна, берется за правило, то и там я, как в свое время при своем гареме, продолжал быть затворником и количеством связей себя не нагружал. В этом я мало изменился.

Самое сладостное — это желать. Не владеть, совсем нет. Только желать. И чуть-чуть страдать и раскаиваться от отсутствия желаемого. Столько тут сразу божественного, непередаваемого, фантастического. Так хочется жить и боготворить жизнь, и превозносить женщину, ту, что любишь.

Я был женат еще два раза. Первый раз на честолюбке, хватанувшей в молодости художественной звездной жизни и решившей, наконец, начать жить жизнью нормальной, природной. Она так это и называла, «растительной» жизнью. Чтобы была семья, дом, постель каждый день. А я для этой цели, — чтобы каждый день, — подходил всецело. Да еще и со своим видом создателя... И хотя она уже побывала замужем, успела в юности побывать, и даже имела пятилетнюю хорошенькую дочку, живущую, правда, пока у родителей в другом городе, пока она не определится и не заведет настоящий степенный дом... мы вместе с ней в то время осваивали столицу нашей родины, Москву. Она — как остаточное от своей балетной славы и звездности приобретение, а я — как средство обнародования своих демиургических творений. И хотя она была уже не девочка и уже все супружеское, и даже несупружеское, умела, нахваталась на этих своих зарубежных гастролях из достаточно редких тогда у нас и малодоступных порнографических фильмов, ставших повсеместно распространенными у нас уже позже... Ох, кстати, как они, все эти теперешние образованные девчушки в мире желают опытными быть!.. Заимствованный опыт заменил им даже в свое время модные у наших девчушек иллюстрированные журналы. Опыт перевесил. Сейчас девочки именно по нему сходят с ума, и этот чужой опыт опять заменяет для них их собственную индивидуальную им дарованную в единственном экземпляре жизнь... Но, тем не менее, несмотря на испытанную семейную жизнь и теперешнее ее стремле-

ние к «растительности», у жены ее прошлая честолюбивая, звездная пора, одержимость стремлением к успеху, и лишь одним стремлением к успеху, с десяти лет от роду, когда она поступила в лучшую балетную школу в стране, когда больше ни виделось ничего, ничего и не было, когда мерещились только достижения, успехи, первые партии, слава, признание, а остальное все воспринималось как пустое, или даже не воспринималось вообще, — все это не прошло бесследно, та жизнь ее все-таки сгубила, испортила. Как раз постельто у нее и не получалась. Я вообще заметил, если женщина одержима или была одержима в жизни честолюбивыми устремлениями, карьерой, деланьем дела, великими свершениями (а может быть, это только следствие, а причина всех этих честолюбивых стремлений опять все в том же одном, что они трепанги какие-нибудь, рыбы, медузы, инопланетяне!), то для нормальной половой жизни, она уже потеряна. Все это не женское, это все власть, сила, достижения... Женщина должна быть другой. Она должна быть женщиной. И хотя вторая жена моя старалась, она никогда не «уставала», никогда не отказывалась, всегда охотно соглашалась, ее даже и уговаривать не надо было, напротив, это ее интересовало крайне, разжигало любопытство, увлекало, возбуждалась она сразу и занимала любые позы, двигалась, стонала, и даже кричала, когда надо, когда понимала, что так, видимо, все же нужно, уместно кричать. Но самого главного у нее все равно не было. То, ради чего она решила уйти от звездной жизни, обретя негу в тихой заводи, не осуществлялось. Все было уже поздно. Мало того, в те несколько раз в нашей с ней жизни, когда у нее и получилось, по-настоящему получилось, она как раз и не кричала, не стонала, а наоборот, терялась, и я ее всякий раз ловил на испуге. Каждый раз ей по непривычности казалось, что мы что-то сделали не так.

Я уже подумывал о том, что, может быть, я какой-нибудь ущербный, что для нее не подхожу, какой-то такой урод, не могу принести ей удовлетворения...

— Нет ты меня достанешь. Достанешь, все равно достанешь, — со страстью говорила она.

Но когда я доставал, каким-нибудь неожиданным образом все же доставал, опять пугалась, затаивалась и меня же обвиняла в каком-нибудь пороке.

— Кого это ты из меня делаешь? — с укором, хотя и ласково, проговаривалась она. И больше на этой хитрости ее поймать было уже невозможно. Она от нее отказывалась. А если не отказывалась, то хорошо себя контролировала в этот момент, не давая себе расслабиться.

Я думаю, что как раз неумение расслабляться, вечное напряжение, выдержка, всюду и во всем, в каждую минуту, в каждую секунду, в каждый миг, и желание, чтобы это к тебе пришло именно каким-то трафаретным образом, где-то опять же подсмотренным, как у других, то есть опять как у других, а не своим собственным образом и в своей собственной жизни, да еще наработанная за годы юности способность к сверхусилиям, усилиям, и еще раз усилиям, свойственная всем социально заданным, целеустремленным и честолюбивым людям, стремящимся к конкретно поставленной впереди большой цели, и не дают им так вот желаемо, нормально, природно, «растительно» жить.

За годы супружества со своей первой женой я привык уже к отсутствию у женщин удовлетворения, экстаза, нерегулярного, скажем, необязательного экстаза, так будет вернее сказать. И поэтому терпеливо сносил подобное и во второй жене. Но собственное неудовлетворение, и даже недовольство собой, испытывал. И хотя мне ничего не возбранялось и все дозволялось и даже поощрялось все, и я с ней в фантазиях ушел в такие дебри, что порой потом приходилось возвращаться,

тем не менее, все-таки с ней было пресно, искусственно, скучно. Ну, когда партнер твой не заражен до конца твоей эмоцией, что с него тогда взять?.. Единственное, что привлекало, что было до безумия интересно, что меня всегда привязывало к ним, это познание. Понять их, их познавать, понимать, ну почему они такие, почему они так отличается от меня, почему они все так отличаются от нас, людей, в чем загадка? Природа этой тайны меня к ней влекла неизменно...

Это тот тип женщин, который особенно распознается по высказываниям в старом возрасте, по их воспоминаниям, где они выдают свои тайны произвольно. Когда рассуждают о своей былой привлекательности. Одна скажет, что она очень за жизнь погуляла, скажет: ох, уж и погуляла я!.. Или что у нее было столько любовников! Или столько радости она с мужчинами обрела!.. Или какой муж у нее любовник был!.. Эта же скажет: сколько из-за меня передралось мужчин! Скольким я вскружила голову! Мужчины просто падали по сторонам! Все так и глядели на меня — и уже по одним этим единственным репликам определяется, что она ценила в прежней жизни больше всего.

Я ее сдал какому-то появившемуся у нее любовнику. За которого она потом тоже вышла замуж и родила от него своего второго ребенка. Может быть, хоть он, наконец, чем-то «достал» ее?..

Получил я, наконец, в жизни в любовницы и красавицу. То есть, из тех красавиц, к которым не просто липнут люди, а к которым боятся подойти. Причем, носящую еще и очень заметную фамилию. Торжество самолюбия. Этакая Натали... Я думаю, как все же со своей «Натали» в свое время намучился Пушкин!.. Потому что инопланетянки, если особенно они еще и берут власть в свои руки, становятся хозяйками положения, а они обязательно становятся такими, тем

более, в наш эмансипированный век, если только их требуется добиваться, заслуживать, покорять. Они потом в русло покорных никак войти не могут, это для них невозможно, немыслимо в принципе, и от этого и у тебя, да и у них самих складывается просто совершенно сумасшедшая издерганная невозможная жизнь... Ее я заполучил, использовав свою демиургическую способность убеждать и действовать на воображение. Из некрасивого и неброского я стал просто великолепным. Я ей внушил, да и всем вокруг в тот период времени, что я просто записной красавец, что со мной иметь отношения не только можно, как с имеющим талант и входящим в цех модного авангарда человеком, но еще и очень лестно, как с красивым мужчиной. Тот круг, к которому принадлежала она, брал от жизни только совершенных. Я и ходил и вел себя тогда так, что женщины оборачивались мне вслед, а потом обсуждали меня друг с другом. С одной стороны, такое может показаться удивительным, но с другой, это, в общем-то, не так сложно сделать, есть определенные приемы, и люди страшно поддаются внушению, они слабы, они пасуют перед силой, силой они очаровываются, главное, это себя заявить, и ты из них можешь вить веревки, вязать узлы, самое важное, как и сколько ты на себя напустишь. Они и мыслят и оценивают все вокруг не самостоятельно, а по какому-то внушению извне, а еще суммируя мнения других. Которые ты в свою очередь тоже задал! Именно ты всем и задал. Собственная картина мира у большинства, в основном, вторична, людьми самостоятельно она не создается. А таких, которые могли бы крикнуть: «А король-то голый!» — таких просто вообще единицы. И все абсолютно, и даже эти редкие единицы, если для них это не является вопросом жизни и если они не ставят целью по какой-то причине все в мире подвергать оценке, зачастую

выбирают ведомый путь, по крайней мере, во второстепенных вопросах, не касающихся их близко, они пользуются мнением общепризнанным. Для экономии. Для сохранения, видимо, внутренних ресурсов. Зачем кричать на каждом углу о своих открытиях, когда люди ходят голыми королями практически всюду и всегда. Пришлось бы кричать не переставая...

Но мне это стоило, конечно, многого. Мне это столько больших усилий, постоянного напряжения, контроля за собой, взятых на себя и поддерживаемых обязательств, выдуманных сценариев и правил поведения. Порой даже участия в таких плебейско-светских бессмысленных и никчемных по моим всегдашним меркам мероприятиях, да и по меркам всех здравомыслящих людей, в каких ты не участвовал бы сроду. Господи, чего я только не набрался за свою жизнь совершенно мне ненужного, лишнего, но все же полезного в качестве опыта. В конечном счете, во всем своя польза. Все не без смысла. Есть что анализировать, что сравнивать, что вспомнить.

Касаясь же постельных наших отношений, нельзя сказать, что моя красавица была бесчувственна, нет, напротив, она умела извлекать из постели максимум удовольствия, абсолютно все удовольствие, какое только постель может дать. В этой области, в этой сфере, в этом смысле ей опыта было не занимать, она тут знала все. Была докой. Причем, как кухня и квартира у нее были оборудованы по последнему слову бытовой науки и техники, всеми новейшими средствами, которые максимально создают удобства и комфорт, начиная от посудомоечных машин, микроволновых печей, говорящих стиральных машин и кончая теплыми полами и автономным климатом в квартире, и роскошью в оборудовании спален, что как раз и характеризует в теперешнее время людей, осознающих себя хозяевами жизни, и как сама она умела всеми эти-

ми бытовыми техническими средствами, невзирая ни на какие новшества и трудности в освоении, в совершенстве пользоваться, точно так же и от постели она умела брать все и о пользовании ею имела самое полнейшее, самое наискуснейшее представление. Она никогда специально не демонстрировала себя, не старалась показаться в эффектном или сексуальном виде, не носила завлекающей эротической одежды, не кокетничала, не старалась спровоцировать тебя какими-нибудь кружавчиками на белье или пажиками для чулок, свисающими с пояса, или особо глубоким наклоном, когда поднимаешь с пола лифчик, не делала каких-то других случайных движений, чтобы тебя возбудить, она прекрасно знала, что у нее всего достаточно, чтобы заставить тебя хотеть и так, чтобы тебя возбудить, лишнего ей не требовалось, ей для этого надо было всего-навсего раздеться. И, признаться, в этом я ни разу ее не подвел, я реагировал безотказно, она была конечно, безумно красива, а голая красивая женщина безумно красива вдвойне. Мы с ней часами проводили время в постели, причем, время на это зачастую у нее было отведено обязательно, выделено в течение дня заранее и никогда не отменялось из-за каких-то случайных пустяков, она не считала нужным никогда и ни по какой причине отказывать себе в этом удовольствии, тем более, что это удовольствие было для нее одним из самых главных, и поэтому на обязательность наличия его в ее жизни не должно было влиять ничто. Мы с ней обрели много радости в постели, но каждый раз складывалось так, что я получался неким явлением, существующим наряду с другими удовольствиями, как одно из ряда удовольствий ее жизни, наряду с тостером и автоматической кофеваркой, со всеми устройствами и средствами, которые приносят ей в жизни наибольшие удовольствия и комфорт. И что для нее являлось смыслом и целью, ее сверхидеей, и делало ее,

несмотря на всю ее чувственность, опыт и пылкость, в достаточной мере инопланетянкой все равно. Она меня бросила, когда я устал изображать из себя кра-савца. Где-то через год, когда я перестал внушать всем, что я неотразим. И перестал придерживаться поведе-ния, которое должно быть свойственно фаустовско-му гению. Другими словами, устал напрягаться. Когда вдруг захотелось наконец «звон свой спрятать в мяг-кое, женское»... То есть, захотелось естественности, в которой столько мне было отказано во всех этих су-масшедших играх, мероприятиях, и в которой осо-бенно нуждаешься в половой близости, в которой ты все равно поневоле рано или поздно открываешься, дешифруешься, рассекречиваешься. Когда ты по на-туре еще и нежен, искренен, ласков и слаб. Да, да, слаб. Слаб перед силой пола. Это есть, конечно, сла-бость – подверженность полу. Если ты находишься под его влиянием, под его милым игом, в конце кон-цов, эта слабость, этот «прокол», чувствуется. И ты сразу превращаешься в маленького захудалого урод-ца. В какого-нибудь Квазимодо. Или крошку Цахес. Вершителям судеб, руководителям, тиранам и так да-лее: если они хотят тиранствовать, именно здесь они должны быть стойки. Если они хотят иметь власть, именно пол, не в смысле половую жизнь, а свое отно-шение к полу, как к полной искренности, как к слиян-ности, как Божеской данности, как упоению, как во-площению любви, как экстазу, озарению, они в себе должны решительно запретить.

Я устал напрягаться и вновь, как Елена Прекрасная, обернулся в свою лягушачью шкурку. После чего меня выпнули с треском...

А потом ведь надоедает постоянно играть чужую роль...

6

С последней женой я совпал на авантюристичности.

Конечно, тридцать лет в Аризонской пустыне за простые преступления не дают. Мы тогда с ней сошлись на проделывании над собой экспериментов. И как следствие легкомысленном отношении к людям.. Она, правда, по своей гордости, что было, то было, из текста строчки не выкинешь, а я по своему равнодушию, кроме пола и истины, ко всему остальному в мире.

Правда, третью мою жену отличало еще то качество, что она умела легкомысленно относиться и к себе самой, и к своей собственной жизни. В ней это было очаровательное и подкупающее свойство. Господи, как мы с ней, помнится, расточительно тратили все накопленное, эти общепринятые великие ценности, а именно: положение, заработанное о себе мнение, нажитые связи, возможность вхождения, например, в этот славный цех художников и поэтов, который на деле-то, если разобраться, оказывается всегда обыкновенным склочным клубом по интересам, вместилищем мелочных дрязг, ревностей, подсиживаний, завистей и обид. Как упоительно было бросить свои реноме, годами собираемые по крохам выгоды, серьезные денежные перспективы. Всего лишь в каком-нибудь увлечении праноямами или, скажем, экстремальными условиями жизни. Просто увлечением голоданием, прыжками с парашютом, отшельничеством или позой священного лотоса. Или умением выживать зимой на широте тундры, работая на метеостанции радистами. Я тогда не ставил свою жизнь ни в грош вообще, сделался чем-то наподобие бродяги, и отсутствие постоянства и определенности меня совершенно не беспокоило. Я смеялся и соратников по цеху, и все сложившиеся отношения с властью предержащими. Все обвалившиеся сразу перспективы и неудачи посчитал ерундой. Руко-

писи не горят! Настоящие Творения не стареют! А если горят и стареют, значит, такова жизнь, мы все подвластны Богу. И это как уже Он распорядится... Если Богу что-то угодно, то это, тобою созданное, все равно будет жить. Так я решил для себя эту главную проблему и целиком вручил свою судьбу Провидению. И на этом успокоился.

Мы стали с женой выезжать за границу. С открывшейся возможностью в связи с переменами в нашей стране свободно ездить за рубеж, мы, заинтересованные, а по существу заинтересованный именно я, новой для меня глобальной загадочностью: *не-аристотелевской логикой*, вдруг возникшей на моем пути, выехали в Индию, потом в Малайзию, Тайланд, Китай. Долгое время жили на Филиппинах. По линии English-link побывали в разных странах, по большей части развивающихся странах, зарабатывая себе на жизнь работой на курсах иностранных языков с детьми в школах как носители языка. Кстати сказать, жена моя была профессиональным переводчиком.

Мы словно окунулись в другую цивилизацию. Новый склад жизни, другой климат, другое мировоззрение, даже отношение к половой любви. Умение без претензий, скромно и умеренно жить. Я еще даже обратил внимание, что в странах третьего мира, люди, пусть они в теперешнее время во многом порастеряли свои корни и свое духовное своеобразие и далеко уже не похожи на своих славных древних предков с их загадочными культурами и умением космически, как не под силу уже нашим современникам, мыслить, и их, как и всех на земле, тоже коснулся молох массовой культуры, все же гораздо больше испытывают достоинства и уважения к себе, чем мои соотечественники моей в прошлом родной страны, так изо всех сил стремящейся быть похожей на Запад, в которой люди вечно преисполнены комплексом неполноценнос-

ти, а при сравнении себя с людьми других «развитых» стран, всегда ощущают чувство ущербности.

Разве, например, наденет кто-то в нашей стране на себя майку с надписью «Banana republic»¹? А вот в настоящей банановой республике в вызове кому-то, или чему-то, или всему окружающему миру на земле, молодые люди, да и не молодые тоже, такие надписи с гордостью на груди носить могут. И это говорит о многом. В частности, о том, что жизнь и мир не ограничиваются, не закливаются на западных промышленно развитых странах, что мудрость — это не прерогатива классически образованных в европейских университетах людей. И что правом на истину развитые страны вообще вряд ли обладают. Люди в банановых республиках могут вполне интеллектуально и мудро жить. Даже сейчас. И кто знает, может быть, их образа жизни и их мировоззрения, основанных на идущих из древности, величайших истинах, к которым они подсознательно все же испытывают огромный пиетет, как раз и не достает западным странам с их сверхсовременными высокими технологиями и верой исключительно в технический прогресс. С каким самообладанием и в какой гармонии с окружающей природой и миром люди тут часто живут!..

Мы сменили с десяток стран, и жена моя сломалась на Америке. Куда меня потащила судьба переехать, чтобы подтвердить свою очередную идею о равенстве психологии людей и производимой ими техники. Я тогда намерился досконально освоить компьютер. Это тогда достаточно новое, не существовавшее в мои молодые годы и успевшее очаровать уже абсолютно всех на свете явление. И освоить его не как любитель или пользователь, а пройти его насквозь. Как программист, хакер или разработчик. Мало того как демиург ведь я творец. Мне недостаточно было понимания того, что компью-

¹ Банановая республика

тер неизбежно покорит все человечество, меня это не удовлетворяло, мне нужно было узнать о нем все. А для этого надо было оказаться ближе к первоисточнику, любое порождение людей тесно связано с их психологией. Мне нужно было понять их менталитет. И надо сказать, что продукт Майкрософт корпорейшн я освоил в совершенстве. Пусть мне пришлось поселиться в самой суетной стране и потратить на это несколько лет жизни, но это дьявольское порождение я победил. До той степени, что даже взломал защиту Пентагоновского сервера. Ведь я демиург, я творец. Я с самого начала задался целью: либо компьютер тебя побеждает, зомбирует тебя и следом автоматически превращает тебя в свою периферию, как множество людей на земле, либо ты, скрутив ему шею, заставляешь себе служить и превращаешь в свое продолжение. И таким образом я вошел в сеть Пентагоновского информационного центра.

И хотя для меня-то все это было просто состязание, для жены, вжившейся за несколько лет пребывания в соблазны этой отдельно взятой в мире страны, кстати сказать, тоже величайшей афере нашего времени, и абсолютно ошалевшей от ее богатств и возможностей, отнеслась к моему достижению гораздо практичнее. Ей понадобились деньги. На ее авантюристическое развитие бизнеса. На вращание в эту обетованную землю всех авантюристов. А так как я к тому времени совсем уже легко относился ко всем достижениям, устройствам и законностям современной цивилизации, я не особенно упорствовал в том, чтобы не посчитать данные Пентагоновского компьютера продуктом тоже своего рода интеллектуальной собственности.

И жена стала данными торговать. Вернее, она нашла мне какие-то связи, Мата Хари, честное слово, чего только в ней не таилось, на самом деле их нашла, самостоятельно выйдя на каких-то нужных людей, на какие-

то кланы и сообщества и переведа потом на меня контакты. И мы стали данными спекулировать. Я качал информацию несколько лет, жена на эти деньги, вращая в тамошнюю жизнь, помогала Соединенным Штатам поднимать их экономику. В конце это мне уже стало крайне неинтересно. Но женщину, особенно инопланетянку, если она забрала что-то не относящееся к половой сфере в голову, разве остановишь? Она ушла от меня, когда мы полностью разошлись в наших жизненных путях, и она сделалась очередным многоуважаемым миллионером Соединенных Штатов. А меня через три года взяли сотрудники ФБР по старым разработкам уже под Парижем.

Сейчас я, наконец, обрел то, к чему, видимо, всю жизнь и стремился. Круг замкнулся. Я долго зарабатывал это одиночество. Долго и настойчиво. Одиночество. Неудовлетворенное вожделение. И возможность творчества. Свободу для творчества. Самая располагающая для этого обстановка. Все у меня здесь рождается легко. Я даже сам себе удивляюсь. Просто как по мановению волшебной палочки. Сотворить что-то для меня сейчас не составляет труда. Просто упоение созиданием... Я думаю, скоро смогу создавать просто мысли. Не получать мысли откуда-то, приходящие издалека, как все мы всегда смутно чувствуем, из вдохновения, или, там, из пространства, Бог знает, из чего еще и потом их вербализировать, превращая во что-то материальное, создавать материальное. А созидать, производить саму мысль.

Похоже, это чудовищно сложно, тут даже не уловишь сразу, о чем речь, что такое сама мысль, прежде придется разобраться с этим, определив рамки, меня лишь изредка заранее пронзает предчувствие некой надежды и уверенности, что я на правильном пути...

Я полностью доволен своей жизнью. Как писал Вильям Вордсворт, элитарный поэт XIX века, апологет чистого искусства: «И узникам не тесно жить по кельям. // В пещерах жизнь пустынною легка, // Весь день поэт не сходит с чердака, // Работница поет за рукоделем»...

Одна загадка меня только гложет. Когда я возвращаюсь мыслями о Китти. А возвращаюсь я к ним достаточно часто, потому что начал понимать, что, может статься, все мои способности к творчеству возникли именно с появлением ее. Я пытаюсь иногда припомнить, и все получается, хотя и затруднительно установить точно, что по-настоящему расцвет своей деятельности и ощущение сил в себе я ощутил с того момента, как ее встретил. Что все началось в институте, когда я и не особенно обращал внимание на нее, но, может статься, за всем этим была всегда она. И что именно она была этим источником. Что все это ее порождение.

И тогда меня пронзает страшная мысль: а что если слова о том, что сентиментальные старосветские помещики — это скучно — всего лишь внешнее мнение о них. Мнение людей, у которых такого никогда не было. А на самом деле, там совсем все иное, там все по-другому, чем во мнении посторонних. Просто старосветские помещики о себе не расскажут, они самодостаточны, им о себе и не нужно ничего говорить. Потому-то мир об их жизни ничего и не ведает. О том, что происходит среди двух романтически встретившихся половинок, никто не знает. Люди только смутно стремятся к своим вторым «я», подсознательно считая, что там что-то содержится, но вторые «я» им не даются, не встречаются, а тем, которым — кто знает — и встречаются, нет нужды об этом говорить. Оттуда никто не проронил ни слова. А вдруг там вообще нечто фантастическое? И никакими словами не передаваемое... И может быть, все здесь мной сказанное о Проведении и неисповедимых путях, приведших меня к одиночеству, — это я для себя сам

придумал? Просто придумал!.. Мне была послана вторая половина, это можно сказать точно, понимающая меня до самой последней черты, до самого конца, так, как люди стремятся понимать столетиями, со времен еще Фелимона и Бавкиды. Причем, мы еще понимали бы друг друга и с пылом эротической страсти, до невероятной силы, до потери сознательности. Ведь мы поскреблись только в самом начале, а что от этой слиянности в конце могло быть?.. И от всего этого добровольно отказаться? И тот мир оставить непознанным?.. И главное, что он уже навсегда и останется непознанным, назад дороги нет!.. Ничего не вернуть!.. Я выбрал сублимацию, а вдруг в слиянии родилось бы что-то еще более важное! Может быть, та воронка, которая обещала поглотить всю мою жизнь, то наваждение страсти, которого я испугался, это было благо, это была та цель, которая и давалась лично мне, и она вывела бы в совершенно иное измерение? И я такое упустил?! Получается, что я тоже не узнал свой путь, а снова оперся на опыт чьих-то прошлых жизней и свою жизнь прожил не способом, дарованным мне лично, — чужим!..

Но такие мысли бывают все же не настолько часто, чтобы совсем уж отравить мне жизнь. Я себе их мало позволяю. Чаще я все же уверен, что моя стезя та, что есть. Да и что мне еще остается? Не сходить же с ума от безысходности... И тогда меня всего преисполняет гордость. Или гордыня?.. Кто знает, может и гордыня... Но это неважно. Как бы там ни было, гордость оттого, что я имею в себе и так. Что имею, имел, буду иметь, и что смогу, имея в себе все перечисленное, многое создать еще, и многое свершить!..

Соденшица
Роман

1

Они считали себя поводырями, властителями дум, передовой частью интеллигенции, потом еще называли себя выразителями правды, совестью эпохи, духовной составляющей народа. Один до сих пор перебивается после возвращения из Вермонта в Троице-Лыково, в отдельной усадьбе, выделенной ему в Москве, в черте города. Авторитет, мыслитель, миллионер, сделавший деньги на костях своей бывшей страны, о перевоспитании и нравственной переделке которой он столько лет неустанно заботился.

Были еще саркастические мрачные зоилы, набившие руку на едких остротах по поводу критики существующего положения дел, последняя часть которых до сих пор разъезжает по европам, по израилям и с наскоку, пролетом публикуют в этой стране свои опусы, не отвыкнув еще от привычки писать на туземном языке. Эти, хорошо раскрученные, надо сказать, составляют мне устойчивую конкуренцию...

Правда, это эшелон самый высокий. А есть ряд героев поменьше, захиревших, износившихся, опустившихся, но ощущающих себя, тем не менее, пострадавшими за идею или пострадавшими от ее крушения. Сколько перепито ими было водки на похоронах своей любимой, уходящей в прошлое, Родины еще в те времена! И что удивительно, они и сейчас умудряются поплакать

за казенный счет, правда, уже не так часто в силу недостаточности госсредств, на поминках по утраченной уже навсегда стране. Поплакать, утереть слезы, поругать евреев и опять выпить водки. Те, кто не пьет, торжественно и глубокомысленно нахмурить лбы...

А эти наивные, попавшие под очарование Писательства, завидного образа инженера человеческих душ. За чистую монету принявшие слова зарабатывающих себе просто на хлеб с маслом бумагомазак ранней советской эпохи. Гвозди бы делать из этих людей, в год грамм радия из тонн словесной руды... С этими их литературными восторгами после прочтения Джека Лондона про несгибаемого Мартен Идена. И всю жизнь положивших на стремление к славе, потратившие жизнь на таскание своих виршей и проз по редакциям, или вообще не таская, но угрюмо замкнувшись, как Ахматова и Бродский, и считавшие трагедией всю свою жизнь, то, что у них их творения в печать не берут, а их самих преследуют. Этакие «рукописи не горят»!.. Бескорыстные служители литературы...

Как будто кому-то они нужны. С этими их «я на правую руку надела перчатку с левой руки». Или: «Послушайте! — Еще меня любите за то, что я умру».

А уж сколько было вздохов по золотокудрявому!.. Кто только вслед за ним про приволье полей не сочинял!.. И что так людей тянет к этому творчеству! Ну, занимались бы живописью, что ли, все-таки тут недостаточно одного только школьного умения складывать слова в предложения, тут рисовать уметь надо, были бы хоть какие-то преграды! Хотя и здесь наши хороши, опошлят любое начинание: создаст за бугром шарлатан для скандала мазню, собьет себе на этом денег, а эти же возведут в идею! В служение... Не умея рисовать — по тюрьмам *за правду* сидеть будут!.. Умора!

Как читались книги в стране, когда книг не было! Вернее, не было тех, которые и читались... Закон рын-

ка, — главное, создать спрос! Боже мой, головокружение! Передавались из рук в руки, журналы носились на работу, на них занимали очередь, книги зачитывали до дыр, говорили при встречах только о литературе.

Хотя, честно признаться, милое, трогательное, завидное было время! Невинное и прекрасное, как мечта, как пастораль. Как жизнь пастухов и пастушек, еще и с одинаковым, полученным одним на всю страну, всеобщим классическим образованием, дающим возможность до самых тонкостей понимать друг друга. Искусственно созданное вечное лето античности... В этом-то того времени и очарование: искусственно созданная среда — такое уже в природе никогда не повторится! Искусственной целую страну так запросто не создать. Как в чашке Петри однородная среда, в которую вносится одна капля какой-то микробиологической культуры... Уникальная эпоха... Раздолье для искусствоведов, бумагомарак и культуртрегеров...

Но сейчас-то зачем они все нужны? Это ведь уже нонсенс. Всему есть предел, всему свое время. Ну, поиграли некоторое время в большую значимость. В гениев. В великих людей. Была мода такая. Социальный заказ. Но надо и честь знать! Что так заигрались-то?!. Партитура давно отобрана. Кончился спектакль. Бери портфель, иди домой.

И заказа давно нет.

Нет, ведь им не хочется, они не могут!..

— Старик, ты гений!

— Ты гигант, старик!

— Талантище!.. Какой ты талантище!..

Все эти фадеевы, гроссманы и твардовские. Эти подвижники и святые!.. Как-то неловко становится, а кто ж тогда отшельники по лесам?.. И что их, фадеевых и твардовских, страдания? Как будто мало страдало других людей?.. Да страдают люди во все времена. Чего на этих-то свет клином сошелся?.. Просто пить меньше на-

до. И похмельных мучений тогда не будет, синдромов и фобий, которые очень легко принять за жизненный драматизм.

Да приди домой, сделай савасану. Ну что, тебе больше нечем заняться? Проведи курс голодания. Вот уж когда все пройдет!.. Поиграй с ребенком в шахматы. Да перестань просто пить. Разве это не занятие? Это же целый мир!

Но нет, он всегда немного во взвинченном состоянии, всегда в уверенности, что без его деятельности все в мире пропадет, что его слово — это истина и великая польза, еще и немного в подпитии, может быть, или в остаточном... — едет возмущаться, бороться, добиваться, что-то там удивительное творить. Делание!.. Как мужчина мерзок в своем самолюбовании и страсти к красотам!.. С этими его соплями и страданиями, с этими их скупыми слезами и подвигами... О, да, подвигами!.. Кокетливая женщина в своей пустоте еще более омерзительна, но мужчина с его подвигами и самолюбованием ведь считается нормой. Все его пьяные истеричные выходы и восторги, глубокомысленные, глубокострадабельные позы, страдания от условий жизни, картинное сочувствие к страданиям ближнего и благие дела. Свершение этих благих дел — возведены в предмет исследования всех времен! *Когда бокалов жажда просит залить горячий жир котлет.* Например, такое... Что ты, конечно, подвиги!..

А еще кто-то женскую прозу пытается хулить...

2

Я умею все. Я поденщица. Мне навалить их нравоучительный роман или деревенскую прозу не стоит даже труда, не надо особо и напрягаться, особенно задумываться. Даже из-за компьютера вставать не требуется. Можно просто скомпилировать, и будет все хорошо. Бу-

дет даже лучше, чем у них, потому что грамотнее. Хотя возмущениям нет предела. У них же все выстрадано! У них все искренне!.. Забывается только, что искренен у них лишь их похмельный депрессивный психоз. А то, что сами они компилируют, они просто не видят, увидеть им не позволяет ущербность их заалкоголизированного интеллекта, порождающая детский эгоцентрический идеализм. Я компилирую в компьютере, а они — переживая на избитом трюизме еще и онанистический псевдотворческий экстаз, который они называют вдохновением, — компилируют, с трудом вспоминая старое, скрипя и натужно, в своем все более заизвестковываемом мозгу.

Я могу написать все. Фактологическое письмо, исповедальную прозу, комедию, драму, сентиментальный роман. Сегодня пессимистическое, завтра жизнеутверждающее, сегодня упадническое, завтра прогрессивное, вчера возвышенное, послезавтра в последней степени цинизма. «Голубое сало» — пожалуйста. Мне, главное, отдаться эмоции. Я могу написать роман исторический. Отобратить хлеб у этих графоманов-этнологов, высасывающих историю из пальца и морочащих читателей головы. Мне ничего и это не стоит. Правда, у этих, суровая специализация. Клубы по интересам. Заказы оттуда не идут...

Я могу сделать боевик. Сколько их мною было наплевано за Д-у, С-а и К.. Я их даже на пальцах не перечту.

Критику — пожалуйста, критику; триллер, крутую эротику — пожалуйста, хоть порнографию, я могу перейти дорогу любому искушенному деятелю, я могу перебить гонорар у целой компании по направлению. Это моя работа, ради заработка я готова на все.

Я могу создать шедевр. Главное, мне заказать, и я все исполню. Я знаю, что это потом все равно будет читаться, это раскрутится, это выгодно подастся, продается

и пойдет. Шедевр — так шедевр, я способна на все абсолютно.

С умилением ожидаю язвительного мужского вопроса: на все абсолютно?.. Который меня наконец дезавуирует и... уронит. В смысле, способна? А подставлю?..

Да, надо если, и подставлю. Взявшись руками за дверную ручку в курительной комнате, утвердившись локтями на редакторском подоконнике, на главного финансового директора столе. Подставлю. Надо, и подставлю!..

А то ведь могу и не подставлять... Мне и без этого работу дают, я востребована, я поденщица, и в отличие от гениев, настоящий работник, а не надувшееся от спеси и собственного самообожания мужеподобное заалкоголизированное существо, я профессионал высшей пробы. Так что могу и не подставлять...

Утерся? Сглотнул слюну?

Кстати, у меня еще и хорошо оплачиваемая работа, и я не нищенствую, как некоторые, потому что я не даю осечки.

Потому что я на несколько шагов вперед вижу, что вы можете написать, и пишу лучше. Мало того, я еще и знаю, что будет читаться в этом году, через год я знаю, что будет читаться в следующем, что возьмет Буккера или будет среди номинаций, что будет год-другой на слуху.

Мне это все несложно. Это ведь вы вынашиваете, рожаете в муках, а я работаю. Я не считаю эту работу ни выше, ни ниже других, и не более других самоотверженной. Священной. Священнодейственной. Главное, не фантазмагория и сакраментальность творческого акта, а как работу исполнить. А я натренирована, мобильна, в курсе всех наработок и творящихся в мире дел.

И поэтому делаю свою работу безукоризненно.

3

Я выхожу из лифта и иду коридором редакции в свой кабинет, держа уже ключ, и мимо открытых дверей, в которых сидят знакомые до невозможности, можно сказать, уже до свойскости, до семейственности, лица. Нам отдан в распоряжение весь верхний этаж, чтобы не достигали нас ноги страждущих, обремененных своею гениальностью толп. Раздаю приветствия и отвечаю на улыбки. Девять часов утра. Рабочий день на взводе.

— София, зайди к директору, — говорит Леночка из секретариата, когда я прохожу мимо приемной.

— Что-то важное?

— Сказал, чтобы с утра тебя сразу к нему.

— Занят?

— Нет, свободен. Только что закончилась летучка.

Я захожу в кабинет финансового директора.

— Здравствуй, Софа! — Он встает из-за стола и тянет губы. Я подставляю ему щеку.

— Отлично выглядишь, — говорит он и треплет меня по бедру. По той детали в моей фигуре, которую он с восхищением называет «колбочкой».

— Стараюсь держать себя в форме.

— Садись.

— Уже сажу.

— Поступил заказ на шестьдесят тысяч долларов.

Философская проза. Притча. Кипит воодушевлением. Хочет покорить мир.

— Весь мир или достаточно хотя бы Европы?

— Пока, я думаю, ограничимся нашей страной.

— Кто он?

—

— Какой объем?

— Ему все равно.

— Ну, а на какой ориентироваться?

— Считаю, десять листов будет довольно. Размера Куэлло.

— Нужны туфта или живье?¹

— Трудно сказать, ему ведь впоследствии нужно Буккера.

— Но за Буккера ведь иная цена...

— Понимаешь, тут оплата в два этапа. Сначала он хочет присмотреться. По реакции. По прессе. Это тоже делать нам самим и, вполне вероятно, за отдельную стоимость.

— Так во что метить?

— Я поэтому тебя и вызвал. Надо сделать так, чтобы, в крайнем случае, когда понадобится Буккер, было о чем говорить.

— Значит по полной программе?

— Нет, ты себя береги. Тебе всего неделя. Береги, потому что у тебя есть более важный проект.

— На полшестого?²

— И так тоже не годится. Напрягись, хотя и не слишком. Когда понадобится, понятно, мы подключим свои силы, книжные лавки подключим и журналы, и наружную рекламу дадим. Но надо знать, от чего оттолкнуться.

— Название?

— «Аптекарь».

— Но это же было!..

— Хозяин — барин.

— Нам раскрывать...

— Этот альтист Орлов — давно забытый старый хрыч... Кто его читает?..

— Аллюзии нужны?

— Ты знаешь, это идея. Ты можешь его целиком включить. Справишься у юристов.

¹ Совершенно проходная вещь или все-таки что-то стоящее.

² Произведение как бы уважаемого мэтра, но уже слабо дееспособного. Книга не первой обложки.

- План составлю к обеду.
- И помни, ты работаешь на отдел.

На отдел, так на отдел. Я поднимаюсь из кресла и прощаюсь.

Работа на отдел – это значит деньги идут в общую кассу. Обычно нам платят десять процентов от гонорара. Но когда выплывает особо денежный клиент, срывается определенная уравниловка. Чтобы не было обидно другим и не плодились любимчики. Платится опять по среднему, правда, с большими премиальными. Заработанные же деньги идут в общую кассу, чем повышают наш общий заработный фонд. И этим компенсируется заработная плата тех, кто в данный момент работает с дешевками. Дорогих заказов не так много. Так что определенного рода справедливость в этом присутствует. Нивелировка. Своего рода профсоюз. Социалистические идеи живут и побеждают...

– Как прошел проумэйшн, шеф? – спрашиваю я для вежливости уже в дверях.

- На уровне
- Джинсу¹ втокнули?
- Разместили.
- А растяжки?
- Да не переживай, все путем...
- План – к обеду... – повторяю я и оставляю приемную.

Придя в свой кабинет, включаю компьютер, кондиционер, потер. Даю себе пятнадцать минут на раскачку. Пока пью чай, обдумываю план в общих чертах. Ровно в половине десятого вхожу в сеть.

Я давно уже отбросила все эти художественные разгильдяйства. Все эти ожидания, когда тебе что-то в голову придет. Легкомысленное препровождение времени

¹ Бесплатная реклама.

на рабочем месте и задумчивое отсутствующее выражение лица вне его. Никаких путевых блокнотов я не веду, заранее сделанных набросков не использую. Вскидывать от «озарений» ночью себе я тоже запретила. Работа должна делаться в отведенные для этого восемь часов. И только у компьютера. Себя надо дисциплинировать и тренировать. Только тогда «эвристические» мысли будут приходить в нужный момент и легко и просто. А не когда ты сидишь в баре, в туалетной комнате на стульчаке или за обеденным столом. И никаких контактов с потусторонними силами и долгих ожиданий подачек от муз.

Во всем, вообще, надо брать за образец момент, когда ты занимаешься любовью. Вот где настоящее сосредоточие, вот где ты думаешь только об одном. Ты ни на что не отвлекаешься, не распыляешься. Тебя не озаряют художественные инсайты, ты отдана моменту полностью. Ты ждешь, ты предвкушаешь, ты оттягиваешь, ты прислушиваешься, ты баюкаешь, ты дразнишь, ты стонешь, ты плачешь, делаешь какие-то отвлекающие маневры, замедляешь, убыстряешь, изобретаешь что-то еще, но занята ты только одним, думаешь в этот момент только об единственном. Посторонние мысли тебе в голову просто не приходят.

Вот точно так же должна ты сидеть и за рабочим столом. Все по КЗоТу, главное – организация труда, тогда тебе не потребуются никакие «Болдино» или «Переделкино», тебе работать всегда станет легко. И не будут тебя мучить отсутствие вдохновения, трудные мучительные поиски нужного слова. Слова и мысли, как дисциплинированные и аккуратные отутюженные солдатики, выстроятся в очередь за талоном на вход и придут сами собой. Ты все извлекаешь из себя, из своей собственной нервной организации и мозга, Бог тут ни при чем, умерь свою гордыню и научись единственным данным тебе инструментом пользоваться! И помни, что касает-

ся ресурсов твоего мозга, то ты их используешь в процентах — не больше десяти...

К обеду я составила развернутый план и отнесла его в дирекцию.

С обеденного перерыва нам разрешается уходить из редакции домой и работать вне стен издательства. Это своего рода хитрость начальства, заключающаяся в том, чтобы ненавязчиво подбросить нам лишнее рабочее время. Если ты увлечешься, то вполне можешь просидеть за работой подольше, прихватив и вечерок. Так сказать, скрыто не тарифицированный рабочий день. Полная свобода для творчества!.. Но я на такие штучки не попадаюсь. На встречные планы не откликаюсь. Дисциплина. Дисциплина должна быть во всем. Я работаю только в редакции, и всегда только до пяти.

К вечеру у меня сделаны первые самые трудные двадцать страниц. Ну и то: надо же *здать* аптекаря. Чтобы это уже все дальнейшее повествование само вело.

Останавливаться лучше всего на самом бойком месте, когда хорошо знаешь, что у тебя будет впереди.

4

Дома мне дверь открывает Таня. Наша няня. Молодая девушка, на восемь лет младше меня, достаточно воспитанная хорошенькая блондинка. Я никогда не боялась брать себе помощниц из молодых, зная, что муж, если ему понадобится, моложе меня и так найдет. Зато от молодой всегда остается в доме какое-то чувство жизнерадостности и приподнятости.

— Как малышки? — спрашиваю я, и дети уже несутся мне навстречу.

— Здравствуйте, мои красавицы! — обнимаю я их. — Смотрите, что я вам принесла...

И пока дочки рассматривают заколки и новые платья, я прохожу в свой кабинет.

— Полчаса меня не беспокойте. Выйду, и мы будем пить чай.

Я закрываюсь у себя в комнате, переодеваюсь и, заранее уже настраивая себя на нужное, медленно начинаю то, к чему готовилась, о чем помнила, что держала в уме всю первую часть дня. И что мудрые древние учили делать каждого смертного в день хотя бы по разу. Но надо признаться, учили они во многом понапрасну. Потому что очень мало кто к их рекомендациям прислушивается. Четверть часа правильной жизни, и вы будете всегда здоровы и счастливы, говорили они. Если же вы не можете найти среди дня всего-навсего такую малую толику времени, то, значит, вы не очень хотите правильно жить и быть здоровыми и счастливыми. Потому я и говорю, что учили они во многом понапрасну.

Выхожу я из своего кабинета как обновленная и полная любви к людям, а уж к своим детям в особенности.

— Ну, девочки, за стол... Я вам сама положу варенья... Вы слушались няню Таню? Ничего не натворили?

— Нет, сегодня все хорошо, — отвечает Таня за них и обнимает сзади младшую, Катюшку.

— Завтра с утра мы едем на лыжах. Завтра суббота, помните? В одиннадцать часов папа вас везет в театр, а вечером няня Таня с вами посидит, потому что нам с папой нужно будет уйти. В посольстве будет прием...

— Мама, а в воскресенье? — спрашивает Настюша.

— А в воскресенье мы дурачимся, воскресенье в полном нашем распоряжении. Мы еще завтра днем насчет него решим. Ну-ка, что нам испекла няня Таня? Это пирог. Надо же! Это, надо понимать, нянин дебют?

— Софья Андреевна, вы меня смущаете. — Таня покраснела.

Но, тем не менее, пирог вышел вполне удачно.

— Правда, вкусно, девочки? Что надо сказать няне Тане?

— Спасибо, Таня.

- А на французском?
- Мерси, мадемуазель.
- А на английском?..

Когда мы пирог уже доедали, пришел Денис.

– Всех приветствую! – сказал он, появляясь в дверях столовой. И по тому, как мы встретились друг с другом взглядами, причем, сразу их развели, обоим стало сразу все понятно, а у меня даже сжалась какая-то артерия в груди.

– Скучали без меня, мои прелестницы? – говорил он.

И пока он ходил у стола, обнимаясь с девочками, я не вполне слышала его слова.

– Что вы тут ели? Пирог? Таня состряпала. Молодец Таня, да и вы все молодцы. Какие у вас чудесные мордашки.

Мы не первый год живем вместе и друг друга понимаем. Он говорит, ходит, но уже соображает, как и что сделать, потому что знает, что мы сегодня до отбоя не дотерпим. И это неважно, чья была провокация, кто это такое подбросил, хотя виновницей в данном случае была я. За работой я подошла, и кстати, как раз на двадцатой странице к эротической теме, и она меня увлекла. И, несмотря на утомление рабочего дня, несмотря на получасовое успокоение после работы, на медитацию, это во мне продолжало жить. В Денисе-то это живет постоянно. Он работает в фотомодельной студии, весь день крутятся в кругу обнаженных и полуобнаженных натур... Так что нам оставалось сосредоточиться на том, в какой комнате есть замок. Выходила опять только ванная.

– Ну, девочки, я помогу папе переодеться, – сказала я и встала из-за стола.

Надо было соблюдать максимум тишины. Хотя ванная далеко от столовой и кухни и хотя можно пустить душ. Я вскрикнула только в первый момент и схватила

его за плечи. И чуть не потеряла сознание, есть такое ощущение в самом начале всегда. Но потом успокоилась и взяла его голову в ладони и, сидя наверху стиральной машины, стала целовать его волосы, пока он стоял меж моих ног впереди.

— Я тебе купила галстук, — сказала я, лаская его лицо и губами проводя по лбу и межбровью. — Завтра идем в посольство... В посольстве у нас будет задача номер один.

Он держал меня за бедра руками и слегка раскачивался, молча, не открывая глаз и лишь изредка ища губами мои губы. Или дотрагиваясь ими до моих сосков.

— Костюм ты наденешь голубой...

Мне дали новую работу...

На несколько тысяч долларов...

В посольстве надо будет обхаживать нового министра культуры...

Но тут он прижал меня к себе очень сильно, и я застыла без движения, даже забыв на какое-то время вдохнуть, обнимая его за шею и прижимая голову за затылок себе.

— Милый, как я тебя люблю...

Не знаю, может быть, это звучит и наивно, и даже как-то по-детски, но что я больше всего люблю в мужчине, так это его задик, попку... Несерьезно, анекдотично, другие любят грудь, соски, бицепсы, силу мышц, ноги, спину, пенис. Я не против пениса, он меня, конечно, притягивает, возбуждает, рождает во мне массу желаний, нетерпение, жадность, алчность даже, но задик для меня упоительнее всего. Крутой, гладкий, упругий мужской задик! Такая это прелесть! А может быть, это я просто люблю задик моего мужа. Или просто мужа своего люблю. Но когда мои руки добираются до него, я себя уже не помню. Гладкий, нежный, особенно там, где ягодицы закругляются круто вниз, так что ладони сами скользят вслед в эту притягательную прохладную глуби-

ну. И хотя я чувствую, что я в этот момент себя отдаю, отдаю сама, распахиваясь вся и прижимаясь навстречу как можно сильнее, в то же время я жадно хочу скатиться ладонями, да и всей самой, всем своим существом, с этой гладкой выпуклости, с этой нежной округлости туда, все глубже вниз, в затягивающую глубину...

Как я кричала в конце, я не помню, слышно или не слышно было снаружи, не знаю. Как бы там ни было, в столовой я появилась с полным самообладанием и безмятежностью на лице. Я уже снова была аккуратно одета и причесана.

— Вы не скучали без нас?

На Танином лице ничего не прочитывалось. Видимо, она и не поняла толком. Она слишком молода для того, чтобы подозревать, что такое может происходить у супругов во время совместного с детьми чаепития или среди бела дня, такое ей еще в голову не может прийти.

— Красив ли папа в этом костюме? — спросила я, когда появился Денис. — Завтра нам в нем идти на задание.

— Папочка, ты прекрасен! — Закричала Настена, и девочки бросились к нему.

— Не испачкайте только его после пирога ручонками!.. Похож он на Штирлица, Таня? — спросила я.

— Денис Андреевич может походить на кого угодно, — смущенно отвела она от него взгляд.

— Ну, так, школа!.. Театральный институт даром не проходит. Ему завтра надо помочь отвоевать для издательства госпакет. Очень ответственная задача. Предстоит большая борьба...

5

На бал в посольстве мы с ним ехали не для удовольствия.

Раньше в подобное заведение мы бы вообще ехать не сочли нужным. Раньше подобные вещи решались на

литературных семинарах или съездах, где люди появлялись, чтобы отметить себя, или для того, чтобы добиться каких-то нужных решений или благ. Всегда все решали связи. Но тогда это делалось в убогих каких-то залах пролетарских домов творчества и дворца съездов депутатов от рабочих и колхозников, за столами, без особой щедрости накрытых за народный счет. Сейчас это решается в местах, обставленных с гораздо большим размахом и при большей помпе. В роскошных апартаментах и на богатых светских тусовках на западный манер, за которые платит уже Бог знает кто. Но в принципе, все равно всегда народ. Принцип не изменился. Все так же надо найти на каком-то оплаченном народом сборище человека, через которого под прикрытием заботы о государстве решить свой шкурный вопрос. Найти кого-то, чтобы у него одолжиться, или найти кого-то, чтобы ему с процентами дать в долг. Среди массы бесполезных людей, выющихся теперь на подобных мероприятиях, надо отыскать людей полезных, тоже обремененных теперь ненужными взаимоотношениями и научившихся тоже вести себя по-другому, во многом подчеркнуто отстраненно, фатовато или аристократически чинно, как светские львицы или львы, когда деловая сторона их присутствия на подобных мероприятиях для окружающих как бы и не просматривается, но, тем не менее, именно там все равно и решается большая часть нужных частных, государственных или полугосударственных дел. Совсем не по телевизору они решаются, не на приемах у президента за длинным столом. За которым появляются чугунные морды, будто мучающиеся от зубной боли. И где как бы проводится беседа о нуждах народа. И не в их кабинетах, в которые они тоже заходят лишь в сопровождении оператора телевидения. Дела теперь решаются за барной стойкой, в комифотной обстановке пятизвездочного отеля, в его банкетном зале, среди светских дам и хороших ма-

нер. Среди столов а ля фуршет, сервированных крайне изысканно. На данном сборище и в данном случае нам нужен был министр культуры. Нам нужна была номинация. Мы должны были выиграть конкурс на государственный заказ. Дирекция использовала для этого все средства. В том числе и меня. Когда я заканчивала Литинститут, я сдавала экзамены этому нынешнему министру культуры, став для него любимой выпускницей. Потом он у меня даже в аспирантуре руководителем был.

— Софа, я не знал, что вы так циничны! — сказал наш новый министр культуры и, выпустив из пальцев ножку фужера, откинулся на спинку кресла.

— А если бы это стоило сто тысяч долларов, я бы не выглядела столь циничной?

— Софа, когда вы заканчивали институт, вы были одаренной, чистой, восхитительно красивой девушкой. По признаниям всех тогдашних преподавателей, руководителей семинаров и множества талантливейших мастеров, вы были надеждой нашей словесности. Причем, такие отзывы были у мастеров всемирно известных.

— А потом все эти всемирно известные мастера съехали за границу, чтобы читать там лекции по российской словесности, потому что здесь их кормить перестали и их известность значения уже не имела.

— Но, во-первых, не все уехали, не преувеличивай. А во-вторых, это же трагедия, что писатели стали не нужны. И что читать люди так быстро разучились. А там они приносили хотя бы пользу, популяризируя, кстати, нашу же культуру.

— Их культуру. Которая нашей стране стала уже в обузу.

— Но это ведь не их вина.

— Согласна. Но не забывайте, что когда я заканчивала Литинститут, это был выпуск, после которого молодые писатели были тем более не нужны, были вообще

не востребованы. И у них не было имиджа, чтобы их могли пригласить читать лекции за границей. Так что нам, оставшимся здесь, пришлось осваиваться в новых условиях без учителей и поводырей и без всяких протекций мастеров. Самим. Ну и нельзя сказать, что мы не преуспели.

— Да, это надо признать. Преуспели изрядно.

— Ваша ирония меня не обидит. Ведь я цинична. Это воспитывает в человеке стойкость. Я даже не в обиде на наших старших товарищей, бросивших нас на произвол судьбы. Каждый выживает сам. Им самим жилось не так уж сладко. Что с них взять... Но я не об этом. Я лишь о том, что мы стали другие. Тогда, в то время, все началось с нуля. Потребовались иные правила, и мы их приняли. Мы научились, что какую-то часть жизни надо делать публичной, что это полезно, что это приносит деньги. И что время отшельников-кулибиных ушло в небытие. Пожалуйста, часть жизни мы сделали публичной. Понадобилось освоить тусовки, мы освоили тусовки, новый вид общественных игр. От нас потребовалось служить другим людям. Мы стали служить другим людям. Принудили жить в соседстве с бандитами, мы приспособились и к этому. Научились выполнять новый соцзаказ: писать детективы... Согласитесь, что в мире всегда приходится за все чем-то платить. Если хочешь получать и жить, то надо и платить. И мы платили. Это плохо?

— Как сказать.

— Но цинично.

— По крайней мере, откровенно.

— Кто-то может сказать, что мы детективами развратили страну. Высокотворческие духовные личности, начавшие возвращаться позже из-за границы, когда здесь стало уже не так голодно, а до этого сгубившие страну своим деланно филантропическим творчеством и нежизненной, оторванной от реальности философией, будем уж честными и скажем вслед за Варлаамом Шала-

мовым: своей идеалистической XIX века *интеллигентностью* до гибели страны и доведшие, — те так о нас и говорили. Раствление народа, развращение, что там еще... Кстати, там были ведь не только детективы. Там был женский сопливый роман, была фэнтези, бандитская проза. Ведьмачество. Но вот чего не было, так это действительно нравственной прозы, действительно, нравоучительной прозы не стало. Жизнь разделилась, все определилось по новым местам, каждая вещь нашла себе применение. И кто знает, может быть, так и надо, чтобы нравственность ушла в какую-то интимную сферу и не оставалась в средствах массовой информации, предназначенных лишь давать информацию и развлекать. Не стало искусства с большой буквы, не стало прогнозов. Учителей. Каждый из которых учил нас на основе своих собственных несовершенств.

— Я понимаю, ваше поколение должно испытывать обиду на старое. Но согласитесь, что старые мастера исповедовали добрые намерения.

— Добрыми намерениями, как известно, вымощен путь в ад... В том, что произошло с нашей страной, во многом их вина. Но Бог с ними. Не будем о них... Вернемся к нашему вопросу. Вот я вам сейчас предложила взятку.

— Это так называется?

— Назовем опять вещи своими именами. Это предложение взятки. И это тоже новое, что мы приобрели. Предлагая взятку, я отнеслась к вам как к госработнику. Нормальное теперешнее явление. И стоит ли вам демонстрировать удивление, возмущение, вы ведь тоже вступили в их мир. Вы, заняв пост в государственном аппарате, вошли в лагерь коллаборационистов.

— Вот уж неожиданный поворот. Оригинальное явление.

— Я это так сейчас называю. Раз мы проиграли холодную войну, что ненавязчиво разъясняется и смирен-

но признается все же всеми вашими государственными деятелями. Даже по телевидению...

— Да, можно согласиться, мы действительно ее проиграли. Сейчас другое расположение сил в мире.

— Но раз мы ее проиграли, обязательно должны быть побежденные, и должны быть победители. Ведь так? А победители — это всегда оккупанты. В той или иной форме, но все равно оккупанты. И в какой-то форме наша страна представляет собой оккупированную страну. Так вот, в оккупированной стране правят в государстве либо сами оккупанты, либо работающие на оккупантов коллаборационисты.

— Все правительство — коллаборационисты?

— Других отбракуют...

— Я чувствую, что попал в разряд врагов народа.

— Не считайте, что я высказываюсь эмоционально и вас в чем-то обвиняю. Я ведь циник. Мы друг друга стоим. И потом, я не отрицаю, что вы можете пытаться сделать что-то даже и полезное для страны, положительное. Правда, попытки эти бессмысленны... Например, попробуйте потратить на развитие страны лишние нефтедоллары, которые ваши правители назвали стабилизационным фондом и отправили в одну из стран победителей, — вам не дадут. И главное, ничего даже вразумительного в объяснение вам не скажут... Вас жалко, конечно. Всякую несурзаицу приходится нести, чтобы оправдаться. Но жить хорошо хочется. Это нам понятно.

— Вы не представляете всю сложность обстановки в мире. Есть определенная тайная дипломатия. Международные коалиции, скрытые ходы, ложные шаги, невидимые ловушки...

— Почему? Отчасти представляю. Информацию сейчас не удержишь, она расплзается везде. О подобных вещах знают не одни правители. В какой-то степени управляемый народ знает тоже. И поэтому за коллабора-

ционизм вас не винит. Да, признаем, что у нас коллаборационисты. Ну, а с чего мы взяли, что должно быть иначе? Или, может быть, когда-то иначе было? Да, скорее всего, и не было... В такой ситуации наша страна, по моему, уже тысячелетие, по крайней мере, всю нашу письменную историю, живет перманентно то без коллаборационистов, то при них, а может, и все время под ними, работающими то на варягов, то на татар, то на поляков, то на шведов, на англичан, на немцев, на каких-нибудь еще засланных выскочек... Я думаю, большую часть времени мы все же живем под коллаборационистами. И нельзя же сказать, что жить невозможно. Приспособились. Ничего, выживаем. Наверное, это и есть самое главное. Чтобы жил народ. То есть мы. Не вы, правители, а мы. И чтобы жили физически. Нравственность — это ваша прерогатива. Берите ее. И давайте вы будете оценивать жизнь народа с нравственной точки зрения, будете воспитывать его, этакое разделение труда, а мы будем просто жить, зарабатывать деньги любым путем, даже безнравственным, чтобы растить детей и поставлять физически вам то народонаселение, которое вы будете воспитывать нравственно.

— Софа, вы все же страшно милы...

— Я даже для себя такое утешение придумала. Извините, увлеклась... Давайте сохраним в теперешней ситуации хотя бы русский язык. В любой его самой дегенеративной сленговой форме. И уже только за это наше потомство скажет нам спасибо. Потому что будет русский язык, будет и Россия. Берете сто тысяч долларов?

— Нет, не беру.

— Я понимаю, что вы хорошо ко мне относитесь, и вам неловко. Но сейчас мы вступаем в сферу игры. Я к вам обращаюсь как к деятелю, я вас пытаюсь подкупить как деятеля, а такая практика в ходу. Нам этот госзаказ очень нужен.

— Софочка, единственный просчет в вашей стратегии — это неверная тактика.

— Поверьте, я вас тоже уважаю, и чтобы вас окончательно не разочаровывать в себе, как в представителе нового поколения, скажу, что не до конца и во всем я столь уж непоколебимо цинична, отчаянно, одним днем, я тоже не живу. Я вот говорю вам все это, а внутри у меня остаток остается. То, что вам нравилось в свое время, остается во мне все равно. Об этом говорит хотя бы то, что я, например, взяла сюда с собой своего мужа. Который нас специально оставил, дав нам без свидетелей поговорить, и бродит сейчас в отдалении, поглядывая время от времени на нас, и ждет. Вон, видите, он у бара стоит?.. Я помню, что я вам нравилась, но чтобы не разыгрывать эту карту, я взяла его с собой специально. И откровенно говорю, что не хотела бы поступать иначе... Я хочу оставаться верной, я патриархальна в той нравящейся вам глубине, и поэтому хотела бы, чтобы вы взяли именно деньги... Я консервативна, и хотела бы ею и оставаться.

— Софа, я благодарен вам за признание. Чтобы отплатить вам той же монетой и доказать, что и у меня что-то есть в глубине, я вам сейчас торжественно обещаю, что заказ этот у вас будет. Я вашему издательству отдам его без конкурса и бескорыстно.

— Нет, не надо. Я ведь все делаю специально. Я же циник. Я специально включила и использую нравственный момент. Возьмите деньги. Пожалуйста.

— Я уже решил. На этой неделе я вам все устрою...

— Вы меня одолжите своим бескорытием, и я буду чувствовать себя неловко. Возьмите деньги.

— Но тут я уже ничем вам помочь не могу. Моей тихой радостью будет то, что, одержав победу в этом нашем с вами поединке, я придерживался дозволенных правил игры.

— Знаете, если я сэкономлю, кроме гонорара, мне пойдет половина сэкономленных средств. То есть пятьдесят тысяч долларов, эти договоры у нас выполняются неукоснительно. Давайте, разделим мои комиссионные пополам.

— Софа, вы смешная девчонка. Я вас все равно люблю. Я переживу потерю двадцати пяти тысяч долларов. Заказ я вам устрою. Теперь позовите вашего мужа, я хочу поздравить его с таким приобретением, как вы.

Заиграл оркестр, включились софиты.

— Друзья, — засуетился какой-то остряк-телевизионщик. — Подняли лица из тарелок. Съемка для народа. На вас смотрит вся страна. Запись покажут в двадцать один час в программе «Вести». Вооружились улыбками, мужчины ухаживают за дамами, оркестр, конфетти!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

На шестнадцатый год со дня вступления в силу нового Земельного кодекса, ту Думу, которая приняла его, расстреляли практически полностью. Оставшиеся офонарелые патриоты постаралась достать всех из думского состава того созыва, начиная с тех, кто задержался с отъездом из Отечества, и кончая теми, кто по неосторожности решил вернуться дооформить, скажем, документы на какой-нибудь бывший в их собственности дом. Их уничтожали везде, невзирая на возраст, на упорство в своем мнении или раскаяние, на улице, в учреждениях, в общественном транспорте, дома в семье. Но это мало уже что меняло, потому что власть в стране к тому времени уже взяли «маски», и деятельность патриотов во многом была уже просто агония, на которую новые, спрятавшиеся за это выдуманное название, властители смотрели сквозь пальцы, поскольку подобные разборки приводили к убийству только своими же своих.

Никто не знал, откуда появились эти люди. Поначалу, и еще задолго до принятия злополучного кодекса, их прозывали «черными масками» и встречали лишь где-то в таежной зоне Сибири, на крайнем Севере или на Дальнем Востоке, в районах нефтяных и газовых месторождений, в труднодоступных районах горных ме-

стностей, богатых полезными ископаемыми, где, закрыв лица масками, они охраняли отошедшие новым собственникам малонаселенные, но очень большие по площади, территории. Их видели на границах, обозначенных столбами со щитами «Опасно», через которые местным людям было запрещено переходить. А поскольку это были глухие места, тайга и медведь — хозяин, очевидцев, побывавших по ту сторону границ и способных рассказать, что там делается и как выглядят эти люди без масок, а также и свидетельств бесед наших людей с ними, не было. На «материк», в обжитые районы, доходили лишь смутные слухи о том, что на всех существующих и идущих дорогах туда стоят какие-то люди с автоматами и в черных масках. Если насчет масок говорилось до какой-то степени достоверно, то вот об автоматах упоминалось по ошибке. Это оружие автоматы напоминало только издали, с большой долей приблизительности. Но то были не автоматы, это было, видимо, какое-то совершенно новое слово в вооружении, фантастически нового поколения оружие, силу которого на себе из здравствовавших свидетелей не испытал никто.

Потом они стали появляться в таежных поселках. Все так же в черных масках и при оружии. Местный люд взирал на них с величайшим изумлением. Они проходили по поселкам, не вступая ни с кем в контакт, чаще всего они шли на проход, но иногда останавливались, чтобы сделать какие-то замеры или пометки в геодезической съемке. Вели они себя не сказать беззастенчиво, но как-то по-хозяйски уверенно. Об этом еще успели написать газеты, и общественное мнение всколыхнулось, потребовало ответа от губернаторов, но те ответили уклончиво, смущенно и даже беспомощно. «Издержки вступления страны в ВТО», — объяснили они. И приняли какой-то закон о запрещении

во избежание международных конфликтов задерживать «маски» органами милиции.

Поэтому когда они появились в городах, люди были уже к их появлению подготовлены. Они разглядели, что и маски — это только видимость, одно название. На самом деле на головах у них были особого рода шлемофоны, содержащие в себе наушники и, видимо, какие-то средства автономной ориентации на местности, и в то же время шлемофоны эти закрывали и защищали всю голову, а спереди переходили в тонированный снаружи черным светопроницаемый щиток. На плечах всегда угадывались что-то вроде бронежилетов. Но в любом случае внешность их под этой «спецодеждой» никаким образом не могла быть распознана. Они появлялись группами, редко по одиночке, чаще на бронетранспортерах неизвестного производства и без опознавательных знаков. Куда они двигались, что имели своей целью, никто не знал. В конфликты они не вступали, общения с собой не поддерживали. Но транспортные средства у них были оснащены всеми приборами навигации, радиолокации, спутниковой связи. И чьими спутниками связи они пользовались, тоже оставалось тайной.

Тем не менее они сосредотачивались на участках, обнесенных колючей проволокой и обозначенных «Собственность комитента», в изобилии появившихся около городов. Они уходили в глубь этих территорий, как-то там дислоцировались, а надо сказать, что эти отошедшие очередным новым хозяевам участки к тому времени были тоже далеко не малые, и потом туда начинали стекаться люди. Из наших людей — лица кавказских национальностей, бывших среднеазиатских республик, а также китайцы, пакистанцы, индийцы, филиппинцы, в общем, весь разномастный ищущий работу азиатский люд. Местные кадры они даже и не брали, не приглаша-

ли, не использовали. Да и, видимо, не было смысла приглашать, потому что те люди работали там от зари до зари, питаюсь и живя безвылазно на их территории.

И вот эти-то привезенные издалека люди начали строить. Заводы, фабрики, карьеры, сложные высокотехнологичные производства. Что строили, поначалу никто не знал, иногда выбиравшиеся все же из отведенных им зон гастарбайтеры тоже мало что толком рассказать могли, даже если и были в состоянии объяснить на русском, они могли ответить только за свой участок. Общий великолепный вид стал проявляться только впоследствии, со временем.

Начали они с сырьевой базы. То есть, сырьевую промышленность в стране они начали делать тоже свою, полностью обходя отечественную. Они даже электроэнергию местную практически не использовали, в основном, обходясь для своих ТЭЦ газом, извлекаемым из своих же, тоже ими же выкупленных, скважин. Но выстроили, тем не менее, они седьмое чудо света, красавцев, созданных по последнему слову науки и техники, каких на этой земле еще не строили никогда. Чудо автоматизации и высоких технологий.

Власть взяли они тоже до элементарности просто. Поскольку к тому времени свои власти некомпетентностью и бездарностью себя уже полностью, до невозможности, до одурения, до осатанения, скомпрометировали, и поскольку и сельскохозяйственная земля уже почти вся стала принадлежать им, они просто взяли власть, и все.

И никого уже не стало удивлять, что на телевидении появились люди в масках. Поначалу еще дети выказывали определенный испуг и недоумение, но потом и они привыкли, и легкие, закрывающие лица вокруг глаз, скулы и нос маски вошли в обиход, в лексикон и в каждодневную реальность.

Никому не было известно, на каком языке они говорили, какой принадлежали национальности, закрадывались в голову мысли даже: а люди ли они вообще, — потому что никто никогда и не слышал их речи, обращались к людям они только через толмачей-переводчиков, вечно вьющихся вокруг них и прочитывающих их мысли с дисплеев компьютеров. Хотя, конечно же, было очевидно, что это все равно люди.

Первое, что они сделали, когда пришли к власти, это убили бандитов. Удивительно, как просто оказалось это сделать. Бандиты, привыкшие уже жить совершенно свободно в этой стране, которые пронизывали все государство сверху донизу, сначала удивленно и оторопело, не веря происходящему, взирали на поредение своих рядов, а когда очнулись и начали предпринимать какие-то ответные действия, было уже поздно. Оружие масок просто превращало их в кучку пепла. Таким образом, с мафией в стране было покончено.

Потом они распустили весь государственный аппарат, и все бывшее правительство съехало за границу. И ко всеобщему удивлению опять для всех стало ясно, что все в правительстве, оказывается, об этом давно знали, догадывались, о каком-то подобном варианте давно имели представление. Стало также очень понятно, почему в руководстве никто и не наказывал друг друга за вопиющую безграмотность в руководстве, преступные ошибки и халатность, и почему состав государственных людей, в принципе, не менялся в течение десятилетий, кабинет только перетряхивался, и те же самые люди, меняясь лишь местами, продолжали на ответственных местах сидеть. Предвидя будущее, ждущее страну, все они понимали также, что бессмысленно с кого-то требовать за допущенные и неизбежные в сложившейся ситуации ошибки, и что на месте козла отпущения мог быть из них лю-

бой, и никого ни за какие ошибки ответственности не нес. Точно так же стало ясно, почему не развивались наука и образование, культура, почему государственные люди все так беззастенчиво воровали и брали взятки миллионами долларов, заодно и покрывая чиновников, ворующих на любом управленческом уровне, совместно с ними, расхищая до половины государственных бюджетных средств, отчисляемых на развитие народного хозяйства, — потому что знали: страну не сохранить. И какая разница, если стране все равно суждено погибнуть, куда уйдут деньги, если всем деньгам все равно предстояло обратиться в пыль, почему бы не отдать их хотя бы в нужные руки, где они могут принести пользу. Будет хотя бы на что жить их собственным потомкам, поскольку всем соплеменникам в будущем все равно предстояло, как вечному Жиду, скитаться без конца по чужбине. Не все они, в отличие от бандитов, были такие злодеи, только и мечтающие погубить собственную страну, многие даже искренне любили свою родину. Понимая, что без нее они навсегда, на вечные века, вместе со своей историей, обычаями и национальным своеобразием, растворятся в иноплеменной массе, но они были ближе к тайне, к плану, к первоисточнику и понимали всю обреченность даже попыток изменить ситуацию к лучшему. Потому и воровали, и сидели на чемоданах, сидели на чемоданах, ждали часа, и воровали уже в фантастических размерах. Некоторые из них время от времени даже что-то предпринимали, чем привлекали к себе пристальное внимание, вернее, не к себе, а к тем катастрофическим неудачам, которые обязательно постигали все их начинания. Это было как воевать с ветряными мельницами... Понятно также стало, почему никто из зарубежных инвесторов не вкладывал деньги в местную экономику и за несколько

десятков лет никто не построил в стране существенного и серьезного ровным счетом абсолютно ничего. Вдруг открылось, что, оказывается, все знали во всем мире, все отдавали себе отчет в предстоящем, в неведении пребывал только сам местный народ.

Взяв власть, они разделили страну на несколько то ли штатов, то ли протекторатов, поставив во главе каждого кого-то из своих людей, и начали набирать руководящие кадры. Даже по пристрастиям к какому-либо национальному составу нельзя было определить их собственную национальную принадлежность. Потому что никакого пристрастия к какой-либо нации в их выборе не было, они с успехом могли использовать европейцев, азиатов, американцев, африканцев, не был включен в список только сам коренной народ. Единственный, кто не мог участвовать в их жизни. Для него, скомпрометировавшего себя пьянством, нерасторопностью, воровством, безнравственностью, непрогнозируемостью, завиральными идеями и неправильными политическими системами, в их программе не находилось места.

И местное население стало постепенно исчезать. Кто побойчее и пообразованнее вслед за государственными служащими съехали на Запад, последние сельчане затаились в совсем уже опустевших деревнях, закопавшись в свои оставшиеся сотки, пьяницы спились окончательно, пенсионеры, оставшиеся без пенсий, тоже ушли раньше положенного в небытие, идеалисты-патриоты мощным потоком пополняли ряды алкоголиков, женщины ушли в проститутки, вдовам стало не от кого рожать детей в силу отсутствия социальных программ, стало некому учить, самые подонки, подвизаясь на стезе толмачей-переводчиков, зарабатывали на жизнь шпионством и стукачеством, выявляя последних умников, остававшихся в живых, которых власти

отряжали на работу за границей. И жить напряженной деятельной жизнью в стране продолжали только остатки военных. Которые за невозможностью противостоять «маскам» занимались сведением счетов со своими. Но эти хоть сопротивлялись, за что мировым сообществом были сразу поставлены на один уровень с террористами.

Впрочем, было еще одно пацифистское движение: «народный фронт»...

2

Мы стояли в пробке на выезде на Ленинградку.

— Денисик, вполне может статься, что мы скоро сможем дышать полной грудью. Если еще и на Буккера придется работать, у нас будет на что закончить наш загородный дом... Помнишь, как мы мечтали, чтобы с детьми круглый год жить на приволье. Неужели это может осуществиться?.. Ты знаешь, в глубине души я обывательница, каких не видал свет. Я иногда мечтаю, как буду давать вам ягоду. С грядки. И шпинат. И помнишь, как мы каждый раз хотели родить Никитку?

Высади меня у метро...

В издательстве первое лицо, какое я увидела, это был финансовый директор:

— Слушай Софа, такие деньги тебе страшно выписывать. За три месяца ты огребла шестьдесят тысяч долларов. Не много? А если это станет правилом?

— Глеб Павлович, я же первый специалист. Вы меня должны ценить.

— Я хотя бы не буду говорить в отделе. А то будут нездоровые интересы.

— Я поденщица. Я получаю за труд. Мне не стыдно.

— Кстати, твой «Аптекарь» пошел. На очереди у тебя «Маски». Частности мы еще уточним.

Товарки мои по отделу, соседки по кабинету – шустрые молодые девчата. Мне всегда приятно побывать у них. До работы еще пять минут, и я захожу к ним в хорошо обставленный кабинет, в котором явно чувствуется присутствие молодых разудалых женщин. Мало того, еще и присутствие исключительно женщин, с этими их женскими шуточками и штучками, которые у них валяются везде в виде заколок, предметов косметики, и фотографиями на стенах особ мужского пола.

У них коллективный подряд, пишут они бригадой. Я не люблю работать бригадой. Я одиночница. Но знаю, что некоторым нравится, и у некоторых получается действительно очень хорошо. Зато в бригаде работать весело. И кофе хороший всегда, и печенье, и юмора и смеха хоть отбавляй.. Журналы новые. Сплетни.

– Пустите погреться, – говорю я.

– Заходи, отщепенка, – отвечают они. – Говорят, опять обломала нашего финансового директора на кучу долларов?

– Уже наступали. Девчонки, мне же надо кормить детей.

– Да ладно, мы не в претензии. Как у тебя дела со стройкой?

Девчонок трое. Это у нас бригада номер один. Отдел женского романа. четыре десятка позиций в год. Три серии. У них одно на всех имя Ася. Действительное имя. Не псевдоним, не бренд. Удивительное совпадение, потому что имя достаточное редкое. Я их зову Ася, Бася и Вася. По первым буквам алфавита, чтобы хоть как-то различать.

– Я думаю, в общем, закончим в этом году. Можете приезжать к нам на субботу-воскресенье.

– Бассейн будет?

— И бассейн и баня. Я вот хочу предложить еще директору открыть там филиал.

— Чудненько! Потом можно переместить туда все издательство, — говорит Ася.

— Да, по-хорошему, давно надо было нас поселить в Малеевке, — вздыхает Вася.

— Могли бы уж раскошелиться, сняли бы там пару коттеджей или подъезд, — продолжает фантазировать Бася. — Воздух, природа, покой. Дубовицкая со своим мужским гаремом работает там каждый год.

— Красиво размечтались, — опускает их Ася на землю. — Им же надо нас пасти, чтобы мы, не дай Бог, не завели с кем-нибудь интрижку.

— Софа, знаешь, — энергично вступает Вася, — они ревнивы, как отели. Они завели на нас досье. Экономят наш сексуальный потенциал, чтобы наши либидо полностью реализовывались в русле ими навязанного нам литературного процесса.

— Но вы же полдня свободны.

— Софа, разве это свобода? Во-первых, с утра надо отмечаться. А во-вторых, хорошо, если мы можем раскидать каждой по главе. Ну, а если так не получается... мы же и дома по двадцать раз звоним друг другу по телефону, мы же отравляем друг другу жизнь! Предположим, я в интересной ситуации, так нет, звонит подруга и говорит, что тут можно использовать Бернарда Вербера. И я не могу послать ее никуда, потому что меня это тоже интересует, и мало того, я даже сразу возбуждаюсь, причем, в ненужном плане, у меня начинают сразу выстраиваться мысли, мы ведь думаем все время одно... А она может позвонить и в двенадцать, и вообще ночью... Это, ты полагаешь, жизнь?

— Девчонки, вы просто жадничаете. Сократите свою работу. Вы и так самая высокооплачиваемая

и продуктивная группа. Не загоняйте себя в цейтнот. Это все самоэксплуатация, старо как мир.

— Конечно, ты права, — вздыхает Ася. — Жду не дождусь отпуска...

— Уедем в Испанию... — продолжает Бася. — Или в Грецию.

— Зароемся в песок!.. — добавляет Вася.

Вид у них у всех троих мечтательный...

Звенит звонок.

— Спасибо за чай, хитрюжки. Берегите себя. Не перенапрягайтесь. Иначе в отечественной женской прозе будет большой пробел.

Иду к себе.

Девчонки увлекающиеся, еще не обжегшиеся, ненасытные. И даже не столько до денег, сколько именно до работы. Да и то, когда они видят, что после брошенного ими клича в какой-то из их книг народ начинает писать на заборах что-нибудь типа «Аве, Христос!» или когда после создания и обнародования образа твоей героини в обиход входят ее костюмы, выражения и слова. А после любовного романа два года в моде во время полового акта красивый прогиб спины. Когда видишь все это, когда привыкаешь к тому, как управляют тобою люди, толпы людей, с одной стороны, начинаешь к толпам относиться пренебрежительно, особенно если ты совсем молод или молода, а с другой стороны, уже и не можешь себя остановить. Ты как одержимая, ты заражаешься врученной тебе над людьми властью на самом деле...

...Спокойнее, — я захожу в свой кабинет и включаю все свои приборы. — Во всем должно быть спокойствие. Всегда нужен критический взгляд на себя и на мир. Во-первых, искусство заразительно, — записываю я на всякий случай в папку для отстоя, вдруг где-нибудь пригодится, — и ты зачастую поддаешься внушению через не-

го точно так же, как все остальные эти, казалось бы, презируемые тобою толпы. Кто бы ты ни была, ты еще всегда и простая домохозяйка, этого в себе никому не искоренить. Всегда попадаешься на чужие крючки. На то и средства массовой информации.... А во-вторых, твоя власть над людьми — все это во многом фикция. Самообман, гордыня. Вся твоя власть происходит не от тебя, а за счет рутинной деятельности по разработке, в которой принимаешь участие и ты сама. А что до твоего творчества, то во всем этом его не больше 0,000 процента. Наше мудрое начальство специально заставляет самих авторов принимать участие в раскрутке, чтобы люди на деле видели, что от чего. Чтобы смиряли свою гордыню, не возносились слишком. Не теряли работоспособности и не сходили с ума. Тут им надо отдать должное, придумано умно. Все эти проумэйшн, наружные рекламы, презентации, в которых принимают участие специально подставленные и тобой подобранные лица. Клубы любителей твоей героини. Написанные тобою же в газеты хвалебные, или, наоборот, для оживляжа, разгромные критические статьи, которые печатаются обязательно, потому что размещение их везде оплачено. Мнения библиографических отделов толстых журналов, критические статьи литературоведов. Взятки при утверждении премий, деньги на создание общественного мнения, купленные тиражи. Цинично открытый расклад продвижения каждой из книг: затраты на них, количество задействованных людей, общий тираж, прибыль, полученные моральные выгоды.

Когда все это сопоставишь и вычленишь, так становится хорошо, и начинаешь думать о строительстве загородного дома....

Эх, какую мы себе дачку сделали под Воскресенском! — продолжаю я валять уже в другом направлении

нии. — Это был наш первый опыт, и поэтому, пожалуй, он и памятен больше всего. Какие там были места, как там было хорошо летом! Если бы не было так далеко, если бы можно туда было ездить ежедневно и зиму, мы бы ее никогда не бросили... Мы ее сделали почти своими руками. По крайней мере, принимали участие абсолютно во всем, в отделке, покраске, Денис даже какие-то плотницкие работы вел. Называли мы ее «кораблик». Видная далеко с шоссе, сбоку от поселка, на открытой местности, на отшибе, с огромным участком. Построенная из кирпича в три этажа. И хотя лестницы были крутые и не слишком изящны: первый блин комом, — и площадь, по сути, пустяковая, но когда после заката солнца из далеких, теряющихся в перспективе пространств лугов, покрытых травостоем низин, и от поймы реки Нерской начинал подниматься туман, а потом находил на нас, мы с Настюшкой, Катя тогда была еще маленькой и спала в своей комнатке, сидели на ступенях в эркере лестничной клетки на уровне третьего этажа, где был сплошной стеклянный витраж, не зажигая света, и смотрели сверху на приближающуюся к нам издали сплошную белую волну. Она «ударяла» в нос нашего «корабля», обтекала дом внизу по наружным стенам, а мы сверху наблюдали, как клубятся внизу все подходящие и подходящие косматые валы. В то время, как пространство лугов перед нами вдаль становилось совершенно белым, и торчали из этого молока только верхушки отдельно стоящих деревьев...

Мы поменяли эту дачку на участок под Одинцово. И вот уже застраиваем, и скоро уже достроим до конца. Тут можно будет жить круглогодично, и даже дети в порядочную школу смогут ходить.

В девять тридцать, как всегда, я вхожу в свою работу...

3

– Софа. – Пытался вразумить меня финансовый директор. – Ты должна выйти на бестселлер.

У них считалось, что настряпанный мной проект с условным названием «Армагеддон», возникший у меня после очередной проведенной работы с частными сайтами, общение с сетевыми авторами которых всегда приносит массу полезного, может стать убойной темой.

– Если его закрутить пожестче, назвать, скажем, «Исход» или по-твоему: «Армагеддон» – и вовремя выставить, мы можем продать тысяч триста. Подачу мы организуем.

– Глеб Павлович, ну не лежит у меня душа. Я не знаю, что с ним делать, отпало желание.

– Софа ты профессионал, странно от тебя это слышать, напряжешься, у тебя там все уже есть. Только разрабатывать.

– Глеб Павлович. Я ведь вас не подводила. Слишком сложно у меня с темой. Я думаю, что она идет в разрез с моей теперешней задачей постройки дома. С землей, которую мы сейчас покупаем. По-моему, все в этом. Глупости, конечно, и личное, но на мне текст очень сказывается. Он лишает меня энтузиазма. Мне не хочется его писать. Вот можете поверить, не хочется!..

– Это как-то для меня даже нонсенс...

– Глеб Павлович, у меня, знаете, есть такое предложение. Давайте мы передадим проект в женский роман. Трех Асям. Они справятся. Диалогами я помогу.

– Но у них же другие серии. Бабские бредни.

– Господи, они могут все.

– И тебе не жалко?.. Это же твой хлеб.

– Я готова отдать. Лишь бы отвязаться. Пусть поработают на отдел.

— А ты уверена, что их потом не разнесет? Ведь мы будем делать успех.

— Это уже ваша задача. Придумаете что-то, проведете беседу, устроите воспитательный момент, наконец. Но им все равно надо пробовать свои силы. Им же и дальше работать. Кстати, и одиночников у нас не пруд пруди. Я к осени опять уйду в декрет. И тут могут возникнуть бреша.

— Ладно, это-то мы устроим. О девочках я тоже подумую. Но твоя бессребренность меня настораживает. За идею тебе только пять процентов.

— Глеб Павлович, я даже и этого не возьму. Я интуитивно чувствую, что вся возня с текстом плохо сказывается на моем будущем ребенке.

— Ты уже в экстрасенсорику ударились?

— Но ведь дети же...

Шеф откинулся на спинку стула.

— Все хотел спросить, сколько же ты их хочешь родить?

— Вы знаете, у моей прабабушки по линии отца, жены достаточно обеспеченного человека, ивановского промышленника, было десять детей.

Шеф расхохотался.

У него даже слезы выступили на глазах.

— Софа, милая, когда я гляжу на твои бедра, у меня возникает только одно единственное, и жгучее, желание: родить ребенка. Дай я тебя поцелую... Говоришь, в этой прелестной стройной фигурке, этой колбочке, прикрытой жакетиком, опять кто-то есть?..

Я подставила ему щеку. Но он поцеловал меня в шею, а когда я выпрямилась, на несколько мгновений приложил ладонь к моему животу.

— Знаешь, ты удивительная женщина. Никогда не меняйся. Я так тебя люблю. Если у тебя когда-нибудь что-то случится в жизни, можешь всегда на меня рассчитывать. Твоим десятиртым детям я всегда помогу...

— Глеб Павлович, надеюсь, что ничего не случится. Но, тем не менее, спасибо. Я ваше участие ко мне всегда ценю...

4

В издательстве я по большей части веду раздел, так называемой, интеллектуальной прозы. Серии..... Поэтому мне многое прощается. Вольность в заказах, большая заработная плата, декретные отпуска, любая форма работы и согласуемые со мной сроки. В принципе, даже определенная капризность, которую я, правда, стараюсь не проявлять, хотя возможность ее для меня зарезервирована. Как для всякого приносящего предприятию большую прибыль работника. Если уж по-настоящему, в терминах медиа-бизнеса, в котором я подвигаюсь, надо уж определиться с названием той сферы, в которой я задействована, то в издательстве я — звезда. Без преувеличения. Надо признать откровенно, не жеманничая, без ложной скромности. Среди текстощиков я на самом первом счету. Я помогаю издательству зарабатывать хорошие миллионы.

Интеллектуальная проза — это самый трудный жанр. Который не каждый может потянуть. Поневоле причисляешься к элите.

Весь вопрос в том, как обозначить элиту этого текстового персонала, к какому классу отнести, к элите пролетариев или элите буржуа, или элите какого-то промежуточного сословия? В какой части синонимического ряда себя расположить: автор, творец, художник, писатель, имитатор, компилятор, беллетрист, текстовик, переводчик? Среди каких синонимических гнезд ты являешься звездой?

Вот в чем главный вопрос. От решения этого вопроса, в принципе, зависит абсолютно все в твоей

жизни. И либо ты живешь, живешь как человек, и можешь радоваться жизни, радоваться утру, испытывать удовольствие от каждодневных достижений и побед, искренне любить и точно так же искренне быть любимой, рожать детей и находить в этом огромное удовлетворение, испытывать за свою жизнь гордость, находить подтверждение правильности своей жизни во всем окружающем и во всех вечных вещах — либо ты уже не живешь и себе не принадлежишь, а вечно гонишься за какою-то позолоченною, мерцающей пустотой, называемой славою, не замечая уже ни маленьких радостей, ни утренних заморозков, ни нежной кожи ребенка, ни издающей прелый запах осенней листвы...

В нашем положении помогает еще то, что ты не видишь своей фамилии на обложке. Это очень полезная вещь. Ты можешь продолжать нормально жить и нормально работать. Принимая признание и уважение лишь сотрудников в стенах своего издательства. Но не ровен час оказаться за его стеною...

Иногда я сочувствую актрисам. Которые в любом случае обречены вести эту внешнюю жизнь и всю жизнь вести, может быть, и не осознаваемый ими, но нескончаемый спор с собой. Спор внутри себя за собственную личность.

Мне сдается, одна Грета Гарбо могла бы объяснить это на понятном уровне.. Самая легендарная, самая популярная киноактриса первой половины двадцатого века, зачинательница всей, можно сказать, эпохи кинозвезд, вся жизнь которой, за исключением очень короткого периода обнаружения себя перед миллионами в качестве красивой женщины и в качестве фантастически талантливой магической актрисы, что и дало ей мировую славу, а режиссерам неизменное же-

вание снимать ее в течение еще многих десятилетий после того, как она ушла из кино, — вся жизнь ее была посвящена обдумыванию открытого ею для себя феномена и трудной попытке возвращения себя к самой себе. До болезней, до изоляции себя, до скрывания своего лица и попыток изменения внешности, до бегства от людей, до осознания результата своей славы, заключающегося в полном моральном и даже физическом одиночестве, даже в самые продуктивные звездные годы. До нервных срывов, до... Но, тем не менее, это была героическая борьба, борьба за то, чтобы отстоять себя, вернуть себя себе, в свое время все же опомнившейся.

Эти шлюшки, дорвавшиеся с кошачьей откровенностью до желанного редкого кусочка мяса и заполняющие все кинематографические шоу, все подиумы и киностудии мира, все обложки модных журналов, кинофестивали и торжественные получения Оскаров, все эти звезды теперешнего кино, не испытывающие от своего положения никакого дискомфорта, — не показатель и для рассуждающего человека (тем более, для компилятора интеллектуальной прозы) не интересны. Потому что то, что они делают, — это не есть жизнь. Это какой-то эрзац, это что-то невнятное, что-то фантастически глупое, рабское и даже дьявольское. Какое-то наваждение. И люди там — не люди. По крайней мере, там уже перестают ими быть. Если и были ими. Даже вместе с их концертами в окопах у солдат, филантропическими акциями помощи голодающим детям всего земного шара и работой под объективами телекамер сестрами милосердия. Меня всегда задевали, настораживали, пугали драмы всех звезд без исключения, всех тех, кто задумался и не смог от этого уйти. Кто был той жизнью раздавлен. Это всегда было для меня сильнейшим предупреждением...

Мало кто их них не спился. Мало кто не кончил жизнь разного рода самоубийством. Мало кто готов был в конце жизни заявить, что он правильно прожил жизнь. И что он ею доволен. Ни одна жизнь не сложилась по исконным правилам, я уже не говорю, по религиозным канонам. Все они что-то теряли. Как Мерилин Монро, как Элизабет Тейлор. Грета Гарбо знала и могла бы сказать, что именно. Все они теряли свою свободу.

Грета после ухода из кино прожила еще 50 лет. Такой же замечательной, талантливой и красивой. В войну она участвовала в реальном антифашистском движении, не в патриотическом воодушевлении солдат на фронте демонстрацией своей внешности, не в посильной киношной звездной работе «на победу», а в настоящем партизанском движении, с риском для жизни выполняя какие-то задания, и даже спасла от смерти до потери сознания испуганного, дрожащего за свою жизнь и пускающего от страха слюни, попавшего в западню Гестапо знаменитого физика Нильса Бора. Вела настоящую, взаправдашнюю, а не киношную жизнь. Жизнь не придуманную, жизнь истинную... Дожила она до 86 лет. Но у нее была, на мой взгляд, своя трагедия. У нее не было детей.

Издательство — это мой неприступный замок. Пока ты за его стенами, слава, это искушение, тебя минует. И ты на автора, на своего подставного двойника, можешь тоже смотреть со стороны, как через стекло, и тоже того, подставного, дергать за ниточки, наблюдая за взаимоотношениями этой марионетки с толпой. В то время как в другой ситуации, будь ты сама там, по ту сторону стекла, за ниточки кто-то, а, скорее всего, толпа, дергала бы тебя...

В Грете Гарбо была борьба. Она все понимала.

Но какая бы ни была надежда издательства, звезда звездой, а в курительной, куда я зашла, чтобы передохнуть в кресле после обеда... а надо отдать должное дирекции: курительная у нас — это оазис, сказка, это настоящий рекреационный зал, терапевткабинет с полным набором предметов для расслабления и отдыха, где есть и тренажер, и душ в дальнем отделении, кофеварки, посуда, удобные кресла под картинами на стенах, ваза с ежедневно обновляемыми цветами, журнальные столики, кондишн, пепельницы, она и комнатой частных переговоров еще может быть ... Так вот в курительной меня, тем не менее, звезду, как распоследнюю девчонку, подкараулив одну, зажал в углу пробравшийся к нам с третьего этажа Сережка Рыжов.

— Ты почему меня избегаешь? — пыхтел он мне в ухо. — Почему не отвечаешь на звонки?

— Ну, я же замужем, Сереженька, — сказала я, уперевшись все-таки для остротки ладонями ему в плечи. — Шестой год уже, как тебе известно.

Но он, прижав к двери всем телом, уже держал меня, как клещами. И отпустить не думал.

— Ничего не хочу знать. Я уже вторую неделю вернулся из командировки и не могу даже до тебя дозвониться...

— Сережа, золотко, но это же все бессмысленно. Ну, зачем заводить опять этот разговор?

— Ты же знаешь, как я тебя люблю...

— Боже мой, ну и что же теперь делать? Ну, опомнись, возьми себя в руки.

— Я был дурак тогда, десять лет назад.

— Мы оба были дураки. Милые дураки с самого детства. Но зачем ворошить прошлое? Я теперь замужем, у меня дети...

— Если бы я десять лет назад тебя не отпустил...

— Сереженька, на то господь Бог. Что сделано уже не воротишь. Я не обижаюсь на тебя, да и грешно было бы обижаться на любимого человека всей моей юности и детства. Но я уже не могу изменить жизнь, Сережа.

— Чертова жизнь. Я без тебя пропадаю. Что же мне делать?.. — он стал целовать меня в шею и прижимать к себе мою голову. — Ты мне снишься каждую ночь, я ежечасно представляю себе твою вувльочку.

— Сережа, так ты не имеешь права говорить.

— Нет, имею, я помню.

— Ничего ты не должен помнить.

— Нет, я все прекрасно помню.

— Ты должен выбросить это из головы. Полгода назад это была ошибка. Такого не должно было быть. Просто тогда очень долго отсутствовал Денис, почти два месяца. Ну и потом... некому было сходить за пищей...

Но ни на какой диалог он уже не был способен, ни на шуточный, ни на серьезный, слова его не доставали... Он уже целовал мои груди.

И я поняла, что так просто его не остановить. Он впал в амок. В этом состоянии мужчина невменяем. Говорить с ним на уровне рассудка бесполезно. И когда он уже подворачивал мне юбку, я его обняла:

— Подожди, успокойся. Я расстегну тебе брюки.

Лучше было так. Потому что тело мое, после того как в нем началась другая жизнь, сделалось почти уже как храм. Войти в который не имел права никто, за исключением, разве что, имеющего к этой жизни определенное отношение моего мужа...

Второй рукой я придерживала ему затылок, не давая голове слишком удариться о дверь. Потом он схватил меня за грудь, а когда застонал, я даже подставила ему губы, к которым он припал с жадностью, как к долгожданному источнику.

Господи, как бывает жалко мужчин. Как жалко весь их род! Как мучительно видеть это их беспамятное мучиническое, часто даже обезображенное страстью выражение лица, которое у них может быть таким лишь еще где-нибудь на эшафоте, кресте или под пыткой.

Но когда в мою ладонь ударила его горячая, обжигающая меня, его ко мне любовь, я едва сдержалась сама. Чтобы и самой к нему не приникнуть. И в этот момент так всегда хочется во все поверить. И в новую любовь. Или в старую. Или даже в вечную...

Через минуту он обессиленно опустился в кресло.

Я подтянула рукава и протерла тыльные стороны ладоней. Сергей смотрел на меня отстраненно.

— Как кремом, — сказал он.

— А ты знаешь, очень полезное средство, лучшее, что есть в косметике... Кстати, ведьмы это даже делают одним из ингредиентов напитка жизни.

— Что за напиток? — хмуро бурчал он.

— Чтобы вечно жить молодой и не умирать.

Сергей приходил в себя.

— Налить тебе кофе?

— Нет, спасибо, лучше минералки.

Я подошла к стойке бара и налила ему то, что он просил..

— Ты это специально для меня делаешь, давая понять, что хоть шерсти клок.

— Ты о чем?

— О том же.

Видимо, моя манипуляция с растиранием рук произвела на него большое впечатление. Это было хорошо. Следовало дальше даже закрепить это.

— Каждый человек от другого что-то имеет. Это как пресловутый общественный договор. Каждый преследует свою выгоду. Своего рода контракт... Сережа, да-

вай, в конце концов, поговорим серьезно. — Я села от него через стол, напротив, и поставила перед собой чашку с чаем. — Твои преследования меня выматывают. Они ни к чему не ведут. Они бессмысленны, неуместны, некрасивы, даже скажем так. Раз мы подвигаемся большую часть жизни в этой сфере, сфере эстетики, нам следует и с этой стороны на все смотреть. Ты должен понять! Да и по твоему виду заметно, что ты уже устал. У тебя психическое переутомление. И от жизни, и от работы. Я слышала, тебя опять загоняют в исследовательский институт. Но отнесись к этому как к неизбежности, посчитай, что во всем есть своя польза. Давай я тебе помогу написать пяток статей. Могу еще эссе сделать. Потом ты там диссертацию защитишь. Пока у тебя нет детей, ты можешь особенно не расстраиваться и об отсутствии серьезных денег не горевать. Но зато ты добьешься такого положения, которое потом даст тебе массу возможностей и, что самое главное, идей...

Пожертвуй двумя-тремя годами, и ты станешь после этого заточения совсем другим человеком.

— Ты знаешь, какая там тоска?..

— Человек делает жизнь, а не наоборот. Бери с собой плеер, в конце концов. Интрижку там заведи. Это тебя развлечет. Но делай жизнь сам, не дожидаясь от нее подарков.

— Мне противно, что приходится выслушивать от тебя такие элементарные вещи. Как последний слюняк. Ничего не в состоянии решить самостоятельно.

— Это мое право, даже обязанность. Я опекала тебя всегда.

— Я не про тебя. Я говорю о себе...

— Сережа, у тебя еще все будет хорошо в жизни. Сделай, как я говорю...

Мы еще побеседовали в подобном тоне с полчаса, и я проводила его, слегка успокоенного, вниз, на третий.

Но на обратном пути устроила охраннику на нашей лестничной клетке сцену:

— Кто дал вам право пропускать на наш этаж посторонних людей?! Вы хотите на этой лестнице закончить свою карьеру?.. Видели этого молодого человека? Если я еще раз найду, что вы пропустили его сюда, я клянусь, сделаю все возможное, чтобы этот день был в вашей жизни у нас последним!

Это я, София Строева, вам говорю!..

Бедный, бедный Сережка! Совершенно уже пустой, сдувшийся человек. Ничего путного из него не получится. Ни сейчас, ни потом. Он уже обречен. Никогда бы не подумала в детстве, что с такой вот болью придется на него смотреть и такого, сквозь слезы, видеть...

Но жизнь рассуждает мудро. Она отсеивает плевела. Для ее целей плевела, вместе с их страданиями, неудачами, несчастьями и жалобами на свою несчастную жизнь, бессмысленны...

1

После недели затяжных боев под Вяткой первая мотострелковая дивизия под командованием генерала Завадского ушла в северном направлении, затерявшись среди болот и лесов в глухой бездорожной местности.

Они уходили на зимовку. Пряча и маскируя технику, консервируя оружие в схронах, сдавая рапорты начальству и расходясь на зиму по деревням, городам и поселкам бесконечного русского Севера, оставляя военные акции до начала лета.

Противник через спутниковое видеонаблюдение мог засечь и это отступление, и эти маневры, мог бы даже предпринять какой-нибудь ответный марш-бросок или воздушное преследование, но по опыту всегдашней малорезультативности и дорогой стоимости подобных действий, он не прибег ни к тому, ни к другому. Леса, даже в осеннем своем виде, всегда являются огромной помехой для любых боев. Времена же кавказской «рубки лесов» 19 века, отраженных в произведениях Льва Толстого, прошли, а дефолианты противник применять не решался. Международное сообщество относилось к нанесению ущерба природе крайне отрицательно и лишь только при одной угрозе природным ресурсам сразу било тревогу. Да и новые власти сами понимали, что уничтожение лесов несопоставимо с тем незначительным ущербом, кото-

рые способны нанести все эти оставшиеся не сдающиеся воинские формирования. Они знали, что с началом зимы больше принесут эффекта ограниченные карательные операции и зачистки. Тем более, что сеть надзора была поставлена на высокий уровень. Во всех и так-то ставших малолюдными населенных пунктах любые достаточно большие передвижения людей сразу были заметны. Не засветиться было трудно. Тем более, что полицейские — это была едва ли не самая оплачиваемая работа для оставшихся коренных жителей в стране, и среди ее структур дефицита в кадрах не было.

Поэтому бойцы занимали брошенные поселки и маленькие города. Много было таких пустующих населенных пунктов на территории страны, и так-то представлявшей собою во многом безжизненную пустыню. Безжизненную, правда, лишь в отношении человека... Новые властители не считали нужным для сырьевой и добывающей промышленности, к тому же, максимально автоматизированной, заселять страну большим количеством людей. А для сельского хозяйства с учетом неблагоприятных климатических условий земля эта считалась ими малопригодной, и миллионы гектаров, когда-то паханных и рождавших хлеб земель давно заросли лесом. Но зато она была раздольем для диких зверей и птиц. Вот уж в отношении кого она была далеко не безжизненной. При отсутствии человека и химии, флора и фауна просто расцветали. Вся северная часть страны была объявлена естественным природоохранным заповедником, в который за большие деньги, как в свое время в Африку на сафари, обеспеченные люди всей земли допускались на дорогостоящую охоту.

И среди этой-то вновь становящейся дикой и благоуханно девственной природы торчали остовы бывших когда-то заводов, шахт, городов, представляя собой

неожиданное и пугающее зрелище. При отсутствии людей и всяческого движения, с провалившимися крышами и сугробами снега внутри зданий или с проросшей через асфальт травой на дорогах и подъездных железнодорожных путях и тишиной, как среди поглощенных джунглями Индии древних доисторических городов, они казались обезлюденными вследствие использования нейтронной бомбы.

Но это было обманчивое впечатление. Никакого нейтронного оружия на территории страны не применялось. Все решилось гораздо более простыми средствами. Это просто уходила в прошлое, превращаясь в очередную историю, целая цивилизация.

Вот эти-то никому не нужные, да и, признаться, никем не посещаемые и отданные на произвол судьбы города и занимали бойцы, играя в зимний период роли бомжей, которых было полно по стране, и называя эти пустоты своими зимними квартирами.

Но что это были за квартиры... Без водопровода, без канализации, без отопления, без снабжения. Завшивленные, неделями не мытые, считавшие устройство бани за счастье, добывающие себе пропитание охотой на зверье, без жен, посвятившие себя исключительно только борьбе, исповедовавшие сухой закон — это были доведенные до отшельнического существования последние остатки самых достойных, самых доблестных людей в стране, принципиальные атеисты, последовательные коммунисты, элита националистических движений, искренне верующие, с оружием отстаивающие основы магометанства или православия, можно сказать, военные монахи, цвет нации, не смирившиеся, не пошедшие в услужение и поэтому обреченные на исчезновение.

2

К маю у меня уже был животик. Я командовала стройкой. И надо сказать, находила в этом определенное удовольствие. Командовать мне было интересно. Первый раз в жизни я управляла не воображением людей, не их сознанием, а людьми в их физической оболочке непосредственно. Я говорила ему иди, и он шел. Я говорила ему делай, и он делал. Как в Евангелии от Марка. Это было для меня новое ощущение. Видимо, подобное уже идет от малыша, — не желая верить в свои командирские наклонности, думала я.

С утра, надев просторную, подвязанную под грудью юбку, я шла из законченного уже гостевого флигеля, в котором мы временно жили, по мосткам в достраивающийся основной дом, чтобы сделать распоряжения.

Четыре плотника-армянина меня уже ждали.

Мы определяли план работы на день, я выдавала их прорабу деньги на необходимые материалы и текущие расходы, и все куда-то расползались. Через пять минут под крышей начинал стучать молоток. А я шла будить свое семейство.

.Денис спал поперек кровати, а к нему под одеяло уже напоззли убежавшие из своих комнат наши девушки.

— Ах вы, проказницы, — говорила я несвоим голосом и несвоим языком, потому что всегда, когда я видела моих близких в одной постели, я не могла сопоставить свою ласку к детям с лаской к мужу и связать их в одно целое. Какая-то у меня тут всегда возникала путаница.

— Ах вы, проказницы, — поэтому говорила я девочкам и тормошила их с радостным визгом прячущиеся под одеяло головки. — А ну давайте, будите папу. Папе уже скоро ехать на работу. Вставай папуля, на улице весна, «этот крик и вереницы...», и твои длинноногие кра-

савицы тебя уже заждались. Они заняли очередь еще с самого рассвета.

Денис переворачивался на спину и, раскинув по подушкам локти, выставив из-под одеяла голую волосатую грудь, тер ладонями глаза. На его плечи тотчас наседали наши малышки.

— Стройтесь на зарядку, трогательные вы мои сорванцы, — говорила я и шла готовить всем завтрак.

...В десять, когда приходила Таня, я усаживалась за компьютер.

Я себе отобрала на период беременности самый безобидный вид деятельности. Сказки. Занималась исключительно высоконравственными человеколюбивыми вещами, ни о каких социальных разборках не помышляя, и даже сделала несколько сказок сама. Вообще взялась открыть в издательстве эту серию. Что было бы связано, естественно, с риском для жизни в других условиях. Со смертоубийством просто. Детские сказки, как золотая жила, — давно поделенный и переделенный кусок в издательском мире, просто так от которого никому не откусить. За него и сами издательства да и наши столпы детские писатели-сказочники, протащившие свои бренды еще из советской эпохи, моментально оторвут тебе голову, не успеешь и глазом моргнуть. Причем, в прямом смысле, даже домой не дойти. Оторвут кому угодно. Проникнуть в эту святая святых со стороны никому не под силу. Но мне чего бояться?.. Я поденщица. Я работаю на издательство. Ко мне никаких претензий быть не может. Мне живется спокойно. У меня всегда есть «крыша». Прикрытие. Мое издательство — это и есть мое прикрытие.

Я разработала несколько диалогов к «Армагеддону». И хрестоматийную тему любой беременной женщины: любовь и неверность своего мужа.

Диалоги я отправила девчонкам в отдел. Они представляли собой форум...

3

Есть люди, которые прежде всего на свете ценят в жизни волю. А есть люди, которые ценят удобства, последние достижения науки и техники, интенсивную общественную жизнь, задействованность в социуме, и как следствие, любят карьеру, большие деньги, честолюбивые планы, великие свершения, и в воле, как таковой, не нуждаются. Они даже не задумываются на эту тему, не знают даже, что это такое... Но есть люди, которые главным мерилom в жизни считают свободу. Безмятежное созерцание, вольное любование пейзажем, например. Духовное совершенство. Восхищение красками, изобретательностью природы, наблюдение за проявлениями жизни во всех ее сферах, и, как правило, такие люди любят простор, отсутствие всяческих социальных пут, общественной жизни и непосредственное общение с природой, с Богом. Поскольку общение с природой, искусство, философия, приводит всегда к вопросам, связанным с Богом... Таких всегда меньшинство во всех народах, из таких получаются поэты, художники, признанные и не признанные; философы, религиозные деятели... — но все же в нашей стране таковых всегда было в избытке. В социалистические времена в этой стране садоводом-природолюбом, кухонным любителем-философом и восхищающимся природой созерцателем-рыбаком был едва ли не каждый второй. Вот по этим-то в большей степени и проехал тяжелый каток.

— Значит, так и надо. Что нам впадать в отчаяние, так, значит, видимо, угодно высшей силе... Разве свет сошелся клином на нашей нации?.. Зачем она нам? Ну, если смотреть с объективной точки зрения на все человечество, с точки зрения этногенеза, ну, мало ли наций исчезало, кто его знает, может быть, выбраковывается слабое, ненужное звено...

— Да, это если быть уверенным, что выбраковывается слабое и ненужное, если видеть, что плохое уступает место лучшему. В данном случае вопрос уже не в выживании нашей нации, хотя каждая нация всегда борется за свое самосохранение, это естественно, но вопрос уже о торжестве добра или зла вообще. Это вопрос не этнический, а уже этический. И нашему народу не занимать рассуждений по этому поводу, его хлебом не корми решать именно этические вопросы.

— Вы опять о мессианстве?

— Но если наш народ так себя ощущает? И не просто хочет выжить, и не только, чтобы победила его точка зрения, он хочет, чтобы победило добро. Истина. Он делает преступление, что отождествляет с собой истину и добро?

— Каждый народ, я думаю, живет с ощущением своей правды жизни, ощущением того, что его жизнь — добро. Даже преступник в преступлениях оправдывает себя. Тривиальный закон психологии...

— Признавая относительность истин, все же каждый считает, что есть критерий, которому поддаются все народы и все человечество. Идет ли то или другое на пользу человечеству? Добро, которое отстаивает определенный народ, идет ли оно на пользу всему человечеству? Если смотреть объективно из космоса, не принадлежа к человеческому роду, можно и наблюдать за человечеством, не принимая никакую из сторон. И тогда как бы все равно, что там станет с одним из этносов да даже и с человечеством, выживет оно или нет. Но выто, как видится, принадлежите человеческому роду-племени и к определенному этносу, раз сюда пришли и вам интересно поговорить, и вам не должно быть все равно, что станет со всем человечеством. Даже будь вы человеконенавистник, то без человечества вы и в таких программах не сможете участвовать, где можно свое человеконенавистничество озвучить. Некого вам будет

тогда не любить... Кого вы тогда будете ненавидеть, разоблачать, наставлять на путь истинный?.. Так что, на мой взгляд, ваши непредвзятость и кажущаяся объективность – это картинность и поза.

И вот в этой обстановке стал формироваться «пацифистский народный фронт». Диалоги... Воинские операции... Три любовные линии... Сын полка...

– Если уж честно, трудолюбие – не самая сильная сторона нашего народа. Но кто сказал, что именно трудолюбие всегда должно быть во главе угла?

– Хорошенькая характеристика этноса...

– Да, но вами с объективистской точки зрения она, казалось бы, должна восприниматься не хуже и не лучше других...

Диалоги я отправила мэйлом и с большим облегчением перешла к теме о своем муже...

4

Денис пришел к тому времени, когда я с упоением заканчивала разрабатывать его как тип ... Он сказал, что сегодня сократил работу. Сократил, чтобы побыть дома, в семье.

Первым делом он надел пижаму. У него почему-то убеждение, что домашняя жизнь – это необходимость носить пижаму. Он торжественно напяливает ее, и хотя она и подобрана мной в лучшем бутике, выглядит он в ней, особенно когда выходит на крыльцо нашего дома, еще и всунув руки в карманы куртки, выпятив грудь и обводя округу неспешным взглядом, как настоящий Манилов.

Мы уже во многом разучились вести домашнюю жизнь. В своей задействованности в работе. Мы даже не знаем подчас, как это надо делать, и когда о ней вспо-

минаем, то первое время выглядим в ней крайне забавно. Но, тем не менее, то созерцательное, безмятежное выражение лица, с каким Денис окидывает наши «владения», заключающиеся в созданных мной клумбах, поющих птичках на ветвях старых яблонь и зелени далеко простирающегося газона, напоминает что-то трогательное, памятное и всем нам дорогое.

Наверное, это все-таки и есть то, что люди и называют домашней жизнью...

Как я отношусь к работе своего мужа?

Точнее бы поставить вопрос так: как вообще можно к такой работе отнестись? Ведь самая разрушительная для семейных отношений профессия. Шоу-бизнес. Попадающий туда обречен. Толпы желающих сняться девочек, сняться во всех отношениях, искушения на каждом шагу. Там надо не то что успевать урвать или чем-то попользоваться, там надо, напротив, суметь устоять.... И вот туда-то провожать каждый день на работу своего мужа...

Что тут сказать?.. Нет плохих и хороших работ, каждая работа — это заработок средств к существованию... И совсем уже другое — то, что именно, кроме заработка, ты получаешь от нее. Что ты для себя из нее извлекаешь и, наоборот, что ты в работу от себя привносишь... Я даже думаю, что и проституция может быть облагорожена личностью проститутки. Сонечка Мармеладова — это трафаретный и показательный пример... Не работа делает человека, а человек работу.

Денис свою работу любит. Кроме профессионального удовлетворения, которое он получает при делании своих маленьких шедевров, он еще и любит женское тело. И вся его съемка — это открытие в очередной модели чего-то никем до него не замеченного. Какой-то изюминки, чуть ли даже не философии, женской философии, философии женского плеча, бедра, слабого поворота головы, линии шеи. Как бы там ни было,

при взгляде на фотографию ты начинаешь эту модель любить. В то время, как до нее, до этой фотографии, ты этой изюминки мог бы сам и не увидеть... Дениса обожают рекламодатели, — а он свой шедевр делает на всем, на любом материале, хоть на рекламе велосипедов, хоть колготок, делает на всем, что закажут, — потому что в его снимках всегда — не демонстрация изделий, не качество изделия, не структура материала, не изящество механизма или покроя, вернее, не столько изящество и покроя, а подчеркнутая томность модели, ее грусть, ее печаль, ее ушедшая только вчера в вечность влюбленность, ее безмерное и им открытое или даже привнесенное очарование, до той степени заразительное очарование, что никто равнодушным не может пройти, чтобы ее, эту живую девушку не полюбить, а вслед за этим люди и рекламируемые байки или бюсты начинают ценить... И Бог с ним, что это мастерство достается, в конечном счете, тем, кто платит больше денег. Мастерство-то все равно остается, и его фотография продолжает жить ...

Он нарасхват, у него слава. В его студию — очередь. Вот как раз та слава, о которой столько наговорено.

— Ты купил себе носки? — спрашиваю я.

— Я все купил, моя дорогая. Я даже купил и тебе заказанный пояс...

— Извини, я тебя обижаю.

Последнее время я все чаще ловлю себя на придириках и капризах. Они бегут впереди меня, и я не всегда успеваю их отрефлексировать.

— Я сейчас самка, ты меня понимаешь...

— Понимаю, моя любимая, не переживай. Природа берет свое. Не обращай внимания. Для пользы твоей беременности... Тем более, что нет в мире ничего прекраснее тела беременной женщины. Я пришел раньше, чтобы лишний раз на тебя посмотреть.

— Лучше бы купил еще зубную пасту, — говорю я.

— Ты моя маленькая занудка... Ты сейчас красива всегда, в любой ситуации, даже ворчливая, а голая — ты вообще просто одно очарование. Когда стоишь, ходишь, лежишь. Более чувственного тела, чем у беременной, я не знаю. Я бы тебя снимал, и это была бы такая роскошь... Я бы сделал такой сюжет!.. Но не хочется ни с кем делиться. Такая досада! Тиражировать... Хочется все любить самому...

Да и на самом деле, когда он вчера вечером случайно подглядел меня, ничего не подозревающую в ванной на биде, он просто припал лицом к моему животу, а потом поцелуями довел меня до того, что я не смогла его уже корить и сопротивляться...

Так вот, возвращаясь к вопросу о его работе, я абсолютно не знаю, как складываются у моего мужа отношения ни с его натурщицами, ни с другими женщинами. Просто понятия не имею. Это для меня загадка. При такой способности находить очарование в женском теле и делать такие работы, что в натуру влюбляешься, можно ли не влюбляться самому?.. Какая-то тут для меня тайна. Какие-то он и тут ведет свои счета с жизнью. Но как-то все-таки с этим определяется. Какой-то выход находит. А так как он и со славой обходится не совсем трафаретно, он скрытничает, дразнит ее, не очень просто ей дается, то хочется надеяться, что и с женщинами, да с теми же моделями, он определяется не совсем, как положено, убегая от всего этого в свою семью.

И мне нечего тут добавить, и ничего не дано изменить, я не вольна ни в чем. Мне остается только верить. Не то слово. Не в верность. Если я допускаю его любовь к женскому телу, то верности моему телу я не могу требовать. Только довериться. А что там дальше, я не думаю. Не хочу... Могут быть разные случаи, жизнь сложна, но, главное, чтобы, в конце концов, не принес в семью какого-нибудь стафилококка. Их теперь миллионы, зараз, и Бог нас специально и этим еще толкает к едино-

брачию, выдумывая все больше наказаний и кар. Вот тут я ему доверяюсь, а остальное – его забота: как сделать так, чтобы не привнести ничего в наш храм.

– Ну, подожди, не торопись. Дверь прикрой хотя бы... Может, мы как-то это станем делать по-другому?

– Как скажешь...

– Вдруг ему там будем страшно? Знаешь, – говорю я, – самым моим жутким бредом в детстве при высокой температуре – это была фобия уменьшающегося пространства. Как будто меня загоняли под пресс. Как в рассказе Эдгара По «Уменьшающаяся комната». Может быть, это как раз от такого? Перинатальные воспоминания?.. – Давай мы начнем это делать не так?.. Давай мы это сделаем иначе?..

– Все в нашей власти...

5

Разумеется, как каждой женщине, каждой беременной женщине в особенности, мне хотелось бы, чтобы в моде был правильный человек. Желающий, как и ты, чтобы от этого рождались дети. Нормальный во всех отношениях. Любящий, ласковый, мужественный, сильный, с правильной ориентацией. Это не досужее замечание. Не этот модный теперешний женоподобный транссексуал.... Не человек, полностью зависимый от своего тела, а человек, сознательно умеющий и своим телом и своей психикой распорядиться. Умеющий свое тело совершенствовать и за свое тело бороться. Человек, сознание которого не определено лишь его материальным бытием, что мы уже проходили и снисходительное отношение к чему доверху заполнили целое столетие, породив жалость к слабому маленькому ничтожному человеку и моду на полусумасшедших гениев и геев. Голубая фигура педераста и полусумасшедшие гении – это стали главные фигуры в жизни.

И я не понаслышке это знаю и не спроста так говорю. Когда я училась в Литинституте, я насмотрелась на подобное сполна. У всех, кто приезжал в него и селился в общежитии, сразу, как крыша ехала, они для начала все начинали безостановочно друг с другом спать. И чем больше, тем лучше. Не то, что сексуальная революция, нет, просто жадность до осатанения, почему-то именно гениям свойственная, им, гениям, всем давай. Поэтому я и Цветаеву всегда недолюбливала. А среди писателей именно поэтов терпеть не могла. С этими их поэтизмами, дутыми возвышенностями. Возведением в культ вместо Бога художественного творчества. Словесное камлание, полусумасшествие, лесбиянство, шаманизм, и еще, что самое противное, — влюбление, лучше даже сказать, отталкиваясь от цветаевской жизни, влюблядство. Когда самое высокое и ценное в жизни исповедуется — это чувство! В том числе и как материал для их, естественно же, великих творений. Причем, как у Цветаевой, только, и только чувство!.. Экая малость!.. Но у них-то это пишется с большой буквы! Искренность чувства!.. Непосредственность чувства!.. Высота чувства!.. Самое главное в жизни, святое... И неважно, к кому его испытывать, к человеку противоположного пола или своего, к мужчине, к женщине, я думаю, что Цветаева с величайшим мастерством и поэтические тонкости скотоложства могла бы описать. Боже мой, разве нельзя влюбиться, скажем, в собаку Качалова? Да запросто. Она же такая красавица, такие глаза, такая шерсть. И так же можно идти к ней на свидание под колокола... И сколько искренности было бы, страстности и любви. И какие оттенки отношений с этой собакой, да я представляю, как бы было талантливо все опоэтизировано и преподнесено, куда там Сорокину с его «Голубым салом»... Главное — чувство, никаких тормозов, тормоза — это даже для современного человека преступно. Вот на чем съехал Литинститут, да и вся творческая интелли-

генция. Два века уже съезжает на этом пути, когда за талантом и творением не видится больше ничего. Зачем, к чему? — эти вопросы не ставятся, они не важны. В то время как каждому грамотному человеку ясно, что талант можно направить на что угодно, что половой инстинкт можно ориентировать на кого угодно, закрепить за кем угодно, он пластичен, как воск, перенаправляем, как флюгер, закрепиться может даже за чем угодно, хоть за бабочкой, хоть за птичкой, хоть за картинкой, хоть за огурцом... Можно и на это ориентироваться.. Но нужно ли? И то, что мы слабы, маленькие слабенькие людишки, ни в чем не вольны и намертво запрограммированы какими-то травмами в детстве и какой-то природной жесткой ориентацией — это провокация. Человек на то и человек, что в выборе он — свободен!.. Формировать свой выбор свобода обязывает. Человек имеет сознание, а «свободная» привязанность к своему данному тебе телу и низшей нервной организации, к психологическим травмам детства, и психопатологии — это не свобода, а обреченность, слабая покорность ведомого на убой животного. Человек же силен в том, что решает все с точки зрения правильности и целесообразности: зачем, ради чего?..

Со временем в Литинституте студенты находили все большие отрады в преодолении «запрещений» и в «самовыражении». Литинститут довел свободу самовыражения до апофеоза. Почему именно осознание Божьего дара в виде таланта провоцирует тебя на то, чтобы преступить все мыслимые границы и пределы и получить как можно больше всего в жизни, почему гениальность дарует тебе такое право, мало того, даже обязывает к этому, это я не знаю. Но так было. Сотни побед, сотни даже не романов, а в одну ночь что может быть?.. Да даже два романа за ночь... Переспала с ним, или переспал с ней, а потом разговаривать равнодушно. Вернее, исключить из общения сексуальный момент. У вас

это уже было... И тебя это больше не мучит. Ты свободна. Вождеденный бесчувственный уже рай. И все, как у Цветаевой, поэтично, пусть не так гениально, как у нее, но поэтично вполне... Вот ведь пророчица двадцатого века для нашей страны. Не за Христом шли, у которого тоже ведь любовь, а за Цветаевой, чтобы любить. Любить! И еще раз любить! Литинститут — это апология цветаевщины. Ее секта. Ее сборище фанатов и поклонников. Только бы лишь сказать себе: я любил, любила, любило... я его, ее, имела, имел. Все. Познание. Точка. Успокоение. Как можно больше прочесть книг, больше усвоить мыслей, больше почувствовать вещей и как можно больше познать в жизни женщин или мужчин. И после этого ты можешь спокойно почтить с чувством выполненного долга. Таков был смысл. Смысл жизни... В то время как влюбленность, половая любовь, половое наслаждение должны обязательно соседствовать с деторождением, должны быть оправданы рождением ребенка. Иначе это просто неестественно. Зная, что влюбленность и половая любовь — это лишь хитрости и механизмы природы, толкающие все живое к размножению, понимая со своей высокоразумной, интеллектуальной точки зрения подвластность человека этим законам, и искусственно, эгоистически, а то и хирургически отделять влюбленность и половое наслаждение от следующего за ними деторождения — это уже какая-то не высокоразумность и высокоинтеллектуальность, а высокоживотность, это все равно что по-псевдонаучно-материалистически, научно-эгоистически, научно-примитивистки, научно-коммунистически пытаться отделить и в своей близорукой гордыни проэксплуатировать в Божьих природных законах только ту их часть, которая приносит человеку сейчасшнюю сиюминутную эгоистическую пользу. А там трава не расти. А там, вторая часть, не для человека писана! Вторая часть ненаучна, наука ее отрицает. И на этом создана даже филосо-

фия. Мироззрение. Законы — для человека, природа — для человека. Вселенная — для человека. Бог — и тот для человека, к которому и в молитвах-то обращаются только с требованиями: дай! Дай здоровья, любви, счастья, дай, дай, дай! Апокалипсический антропоцентризм... Не было еще никогда такого разврата и заблуждения человечества, как в двадцатом веке, и в нашей стране победившего научного коммунизма, в частности. И Литинститут — его верное точное проявление.

Я могу написать «Голубое сало». Мне это нетрудно... Я все как надо отображу. Я профессионал. Мне только вдохновиться. И все будет в лучшем виде.. Но только единственное, что мне будет не хватать, это искренности. Одного этого эпитета я заслужить не смогу. Хотя и ручаюсь за достоверность.

И потом, отрезать себе ухо ради искусства я тоже никогда не стану...

И еще момент сборки гениальных в Литинституте... На маленьком пространстве две сотни гениальных людей... Это же караул!..

Как мы стали это делать с Денисом ночью... У меня такое впечатление, что когда он держится руками за мой живот, у него от волнения даже становятся мокрыми ладони. Что он испытывает в этот момент, я даже не берусь судить ...

Творческий человек должен быть, прежде всего, правилен и нормален...

6

В июне в издательстве мне выписали 15 тысяч долларов за Буккера. Все-таки клиент и эту услугу оплатил. Слава захватила его своей мозолистой рукой. Хотя в последний момент тоже отказался себя высвечивать, по ка-

ким-то своим причинам, может быть, оказался все же умнее, чем себя подавал, прошел слух, что теперь он хочет издать что-то автобиографическое. Похоже, это должно помочь ему в бизнесе. Точно как появление его с романом могло ему в бизнесе повредить. И поэтому нам срочно пришлось посылать «доверенного человека». Забавно было смотреть, как по выдуманному поручению клиента выдуманное доверенное лицо получало приз за выдуманное достижение в виде никогда не писанного клиентом романа, рассказывало выдуманную историю о многотрудной биографии автора, соискателя и получателя премии 200.. года, объясняя отсутствие номинанта необходимостью скрываться от беспредела, существующего в нашей стране, и жить за границей, в Лондоне. Ни в чем не было ни доли правды, все — решительно вымысел. Но «доверенное» лицо даже произнесло имевшую резонанс речь, которая тоже была написана мною. По ТВ было смотреть интересно: как в театре хорошо сделанная тобою работа, как хорошо продуманная и разыгранная по нотам музыкальная пьеса. Смотрела я с большим чувством сюжетного удовлетворения.

Зарплату я тоже получила хорошую, и с работой по дому мы уже заканчивали.

Кроме этого, последнее время меня еще греет мысль, что мы ведь с Денисом стали еще и миллионерами. С построенной дачкой под Воскресенском, как ни мила она нам была, мы вовремя расстались, поменяв ее больше чем на полгектара земли под Одинцово. Шестое чувство подсказало это сделать. Тогда земля стоила недорого. Теперь наш участок оценивается в миллион долларов. Третью его мы решили продать, чтобы обратиться в деньги и купить уже другой земли, сельскохозяйственной. Есть кое-какие мысли. Этот бум цен на жилье в Москве и землю в ближнем Подмоскowie тоже не вечен. Частью собственности можно при этой конъюнктуре рискнуть.

Так что нашим детям будет на что жить, получать образование, и хочется надеяться, будет из чего расширять наши «владения»... Впрочем, умный человек всегда найдет, на что жить и на что растить детей, сколько бы у него их ни было. Мой дед, ивановский промышленник, один из первых начавший производить тонкое российское полотно, поднял всех своих детей. И всем желавшим того сыновьям дал тогдашнее университетское образование.

Я лежу в ванной, что мне стало в последнее время нравиться, и смотрю на свой растущий пухлый живот. И мечтаю. И смотрю на себя еще и как бы с точки зрения мужчины.

Как говорит Денис, женщина, когда она еще беременная или уже не беременная, — это как будто ты имеешь несколько женщин сразу.

1

Женщина, когда она еще не беременная, или беременная, или уже опять не беременная, — это как будто ты имеешь несколько женщин сразу.

На нашем новоселье мой директор, поздравляя нас с Денисом, заявил, что от меня много еще чего можно ждать. Что он хотел сказать этим, во многом осталось не проясненным. Детей ли? Очередную затею с домом? Или то, что я долго буду еще в состоянии строчить... Единственное, в чем можно было не сомневаться, это в том, что он хотел быть доброжелательным. В ответ я ему предложила наш гостевой дом в вечное распоряжение сотрудников издательства...

Тема, которая меня сейчас всецело занимает, — это разные тела. Как меняются женщины, худея, полнея, с точки зрения мужчины. Мы сами-то замечаем за собой изменения внутренние, с беременностью, с циклами, а для мужчины даже только внешние проявления беременности уже разительны — это как будто превращение одного тела в другое. Другая женщина! Женщина даже на разных этапах беременности меняется, да так, что за ее телом мужчина не успевает и поспевать. Одна знакомая оболочка духа, и то еще в какой степени знакомая, стоит разобраться, потому что в беременной меняется и дух, не говоря уже про совершен-

но разные телесные оболочки, с которыми мужчина спит в течение года.

...Проснешься, по памяти обнимешь — а тело другое. И хотя имя одно, ты знаешь его, и внутри где-то глубоко внутренний мир один, твой, знакомый, но при всем понимании, что это твоя жена, чувствуешь, что это другая женщина. В конечном счете, одно только имя одинаковым и остается. Потому что даже внутренне она меняется до неузнаваемости. Нечто даже блудливое в тебе просыпается. И как будто природа дает тебе и в рамках супружества разрешение поблудить. Избавить от монотонности. Этакое разнообразие. Как бы от жены на стороне запасть опытом.... какое-то запретное, чуть ли не преступное, возбуждение. Будто ведь и изменяешь, а в то же время и нет. Верен ей. Ей? А какой? Той, что где-то в самой глубине? Той ли? И та ли она там? Все ты страдал, почему одна да одна у тебя, люди вот со многими, и сравнивают. А ты... — и, вот, пожалуйста, тебе уже две. А там и три — когда она родит ребенка. И грудь у нее станет неизвестно какого размера, как у Флоры, как у матери-кормилицы земли. Большая и мощная, что ты теряешься среди этих грудей. Ощущаешь себя крохой, и бедра полные. И в то же время не надо переживать, что угораздило жениться на толстушке. Каких ты всегда, в общем-то, недолюбливал. Ты все равно знаешь, что через несколько месяцев она будет, как и прежде, подтянутой и стройной, натренированной фитнесом, спортом и прежним образом жизни. И поэтому торопишься воспользоваться этим полным телом вполне. Оказывается, и в нем, и в таковом, есть свой вкус и сладость..

В жизни у меня была всего одна женщина. Моя жена. Не правда ли, смешно? По крайней мере, нетипично. Мне уже достаточно много лет, а я не знал ни одной женщины, кроме одной. Своей жены. Мыслимо ли, со-

гласитесь? При всей теперешней болтовне мужчин меж собой, при всем фасоне, кураже, при всех современных фильмах, рекламах с эротическим подтекстом, протитутках и просто красивых дамах, желающих провести время с интересом, при погоне за количеством, за опытом, в поисках любви, женитьбы, разводы... — я выгляжу белой вороной. Меня можно даже счесть не то что старомодным, но и ненормальным. Каким-нибудь чуть ли не импотентом. Поскольку нормальным стало познать. Узнать, ухватить, набраться опыта, приключений. А то так ведь и не станешь взрослым...

Жалею ли я? Трудно сказать. Когда кругом только и говорят о половых отношениях, начинаешь подумывать, может, действительно, в жизни что-то упустил, может, ты не прав? Я не о любви говорю. Любовь к одной женщине и одной женщины к одному мужчине все же допускается. Это и в теперешнее время понятно. Это входит в программу. Любовь... Хотя и тут много новшеств. Более модно стало много раз любить за всю жизнь. И отсутствие единственной любви на всю жизнь не воспринимается как трагедия, как в прежние времена, скажем, когда только единственную и искали. Чтобы с ней прожить бок о бок до самой смерти. Нет, напротив, отсутствие единственной сожаления сейчас не вызывает. Престижно стало, напротив, много любовью иметь за всю жизнь. Это как бы обогащает, как бы дает знание о жизни. Есть с чем сравнить. Приносит мудрость. Но, тем не менее, иметь одну любовь на всю жизнь не возбраняется. Такие примеры даже ностальгию какую-то в людях вызывают. Уважение. Я это хорошо прочувствовал на себе. Даже некоторую на несколько минут зависть вдруг испытывают люди, глядя на тебя. Но вот чтобы, даже при единственной любви, не переспать больше ни с одной за всю жизнь — это, увы, считается даже чуть ли не за отсутствие взрослости. Господи, да как можно без увлечений!.. Без сравнения, без ... —

это теперь называется секс... Любовь и секс, теперь строго это стало различаться. Одно наряду с другим.

Моя жена дала мне все. Сначала она была хрупкой девушкой. Стройная, грудка у нее торчала, и когда я ее раздевал, я с восхищением на тело ее смотрел.

Смотрел, перебегая с одного на другое глазами. А она смотрела на меня. Ее захватывало мое возбуждение, мои горящие глаза, она смотрела, как я целовал ее груди, как подбирался к святой святых, глаза у нее темнели, но сама она пока ничего не испытывала.

Когда она пришла из роддома, это была другая женщина. Как много ее стало. И сначала, еще до родов, я относился к ее полноте настороженно, даже отчаивался, что меня угораздило так, толстых я не выносил. Толстые ее ягодички меня отталкивали. Но когда она вернулась из роддома чуть похудевшая, они мне уже понравились, а потом, когда через полгода она пришла в прежний вид, я даже жалеть стал, что она рассталась со своей полнотой. Так это было здорово. Держать ее груди обеими руками, это какое-то плодородие, это какое-то необычное чувство. Она в этот момент настолько тебя выше морально, властно, ты просто мелочь пузатая по сравнению с ней. А она мать сыра земля, мать-родительница. А какие бедра у нее! Когда ты ложишься на нее, то... чуть ли не сказал, перестаешь доставать ногами до пола. Как малое дитя, сучишь ножонками где-то наверху. Болтаешь ими над землей. И не ложишься на нее даже, а, хочется сказать, взбираешься. Взбираешься на что-то, символизирующее саму аниму, на что-то архетипное. Господи, почти год ты к ней пиетет испытываешь.

В роддоме, к тому же... Они там еще немного и разворачиваются все. Что там делается, что там женщины друг другу говорят в этом много-открыто-влагалищном месте вместе?.. Но они оттуда приходят уже с познаниями. По крайней мере, чувствуешь, что-то в ней изменилось, перестает стесняться. И тебе становится про-

ще, не надо напрягаться, искать подходы, она уже готова, что-то понимает, снова, как другая женщина. Да вообще люди, а особенно женщины, — общественные создания. Если она что-то услышит или увидит, так и хочется это что-то и в своей жизни повторить. Я ведь тоже чувствую какую-то неполноту иногда... Несмотря на то, что люблю свою жену все сильнее.

Да и что они понимают, если уж разобраться, в этом в сексе, пацаны! Им бы только удовлетворить самолюбие. «Я ее имел»...

А вот когда ты с ней одна плоть. «Одна сатана». Когда вы это делаете так часто, так привычно и так подолгу, что иногда просто выматываете друг друга... Когда вы это делаете даже спящими. И просыпаетесь оба вдруг в момент оргазма. И с удивлением обнаруживаешь себя находящимся сверху на ней, впившимся в последнем содрогании поцелуем ей в губы, а она обнаруживает себя с что есть сил согнутыми в коленях ногами, подставляющей себя навстречу тебе, в то время как засыпали вы поссорившись, за что-то рассердившиеся друг на друга, или даже в раздраженных мыслях, не имели в уме не то что что-то подобное, а даже друг друга словом не хотели перед сном обласкать. И вспомнив опять старое и еще помня обиды, не простив еще друг друга до конца, решив еще некоторое время пообжаться, опять раскатываетесь в разные стороны кровати, хотя и удивленно на секунду друг на друга посмотрев.

Или когда вы это делаете по часу. Час целый делаете, не переставая, когда ты обласкал уже каждый участочек ее тела, поворачивая ее и перекачивая с места на место на простыне, в то время, как вы постоянно неразрывно связаны только одним местом. И это место как пуповина, как ваша одна и та же общая уже не двоих часть, вы ею связаны даже в разных концах квартиры, города, страны, света. И если у одного из вас какая-нибудь неожиданная боль, колика, ушиб, то и другой, находясь

в отдалении, испытывает боль, причем, может даже испытывать ее в месте и органе, который у другого в силу его конституции отсутствует. А если у вас ликование, радость, то и радость вы испытываете вдвоем, пусть и на расстоянии. Со временем у вас все более на двоих становится одно тело.

А как я мечтал о ней, когда зарабатывал на Севере деньги бурильщиком. Я, подавая краном очередную бурильную трубу, наблюдал с полатей на бурильной вышке, как труба входил в диафрагму замка, в скважину. Каждую «свечу» — бурильную трубу — надо было расстыковать с вертлюгом, подать краном новую и свинтить со следующей «свечой», с лязганьем замка и стола, и опустить трубу вновь в скважину. Я смотрел, как заворачивается диафрагма уходящей вниз трубой и вспоминал ее. Ее скважину, ее диафрагму...

Это все в женский роман.

Я тут так стала падка на любовные романы...

Простой элементарный любовный сюжет.

Истинно женской прозы.

2

В сентябре у меня родился сын. Три триста. В рубашке. Назвали мы его Никита.

Затрудняюсь сказать, что должна испытывать женщина после рождения очередного ребенка. Я прежде всего испытываю любопытство: что же там еще произошло на этот раз?! И уже когда посмотрела, тогда прижать его к груди... Но сначала только любопытство: что же там, что же на этот раз?..

Через три недели после родов и я стала иногда навещаться в издательство. Выслушав новости и поболтав с товарками, я шла к себе в кабинет, чтобы с любовью на полчаса-час снова погрузиться в его об-

становку. Работа затягивает. Работа – это как наркотик. Это как дар...

После, как всегда, провального на книжном рынке периода летних отпусков, в сентябре, вышел «Армагеддон». Три Аси довели дело до конца и осуществили акцию безукоризненно.

Роман все же был подобен маленькому взрыву. Он произвел впечатление на читающих людей. Подан он был удачно, в момент начала очередного обсуждения наверху внесения поправок в Конституцию, и после этого процесс раскрутки пошел уже без всяких усилий.

В прессе роман обозвали политическим боевиком, и он повел свое шествие по городам и весям, завоевывая читателя и принося от книжной сети издательству один за другим заказы. Причем, писала о нем не только наша, проплаченная, но уже и вся абсолютно: правая, левая и желтая – пресса, с помощью которой издательство очень хорошо сэкономило на рекламе. Издательство допечатывало тираж восемь раз. Вторичного этапа раскрутки на ТВ уже не потребовалось.

Роман был воспринят как предупреждение, как данность, как правда, как философская притча, как отчет о свершившемся, кое-кто впечатлительный даже впопыхах съехал за границу. По крайней мере, работники визовый службы зафиксировали повышенный людской отток. Общественность негодовала и бурлила. В издательство потоком пошли письма наивняка, политических деятелей несколько раз срезали в ток-шоу взятыми из романа фразами и предложениями. Во властных структурах он даже вызвал своего рода скандал, что еще больше создало ему пиар, о нем заговорили в новостях и по всем каналам. Пустили слух, что роман получил резонанс и даже в администрации президента.

Финансовый директор просто поражался избыточности стихийных произвольных рекламных акций

всего-то ради одной единственной позиции!.. Уже и так-то в рекламе не нуждавшейся. И мучился от невозможности употребить весь этот пыл и старание где-то еще в нужном для издательства направлении.

Автором был выбран молодой сотрудник института международных отношений. Дирекция специально долго вела с ним переговоры, напророчив ему славу и судьбу второго Шолохова. И в конце концов убедила, и теперь он не успевал давать интервью и участвовать во встречах с читателями. Парень оказался бойким, дирекция недаром его выбрала, и он, прекрасно вжившись в образ, с удовольствием принимал участие в презентациях, отвечал на вопросы читателей, нагоняя мрак и тоску на слушателей якобы знанием тайн еще более сурового характера, о чем он еще в будущем напишет. Чем запутывал и свое, и читательское воображение. Возили его, тем не менее, на всякий случай с охраной.

Аси принимали поздравления в успехе от сотрудников и тихо радовались, с улыбкой взирая на то, какую они произвели волну... И я тоже тихо радовалась и смотрела на них с улыбкой, без малейшего признака зависти, даже с благодарностью на них смотрела, за то, что они не подкачали и не запороли идею и в то же время избавили меня саму от насилия над собой, которое обязательно потребовалось бы, возмись я сама разрабатывать тему. Пусть резвятся, думала я, они еще так молоды и бездетны, чернушность вместе со всеми ее мрачными играми и мрачными пиарами им еще по плечу.

3

Меня еще раз находил в издательстве Сережка. Но на этот раз я сумела воззвать к его рассудку. К совести, к чему там у него есть. Ведь я кормящая мать, в конце концов, сказала я. Сережка смирился и утих, начал

относиться к моему статусу даже с уважением. Иногда очень выгодно прятаться за материнство.

Мне дали новую тему. Сентиментальную идиллию. Дирекция предположила, что сентиментальная идиллия — это как раз то, что сейчас нужно рынку. Оптимистичность и сантименты уже требуются. Народ устал от бандитизма, от страхов, испытываемых перед бандитами и перед произволом государственной власти, живущей тоже не по законам, а как все вокруг, по понятиям. Народ подошел к тому, что уже готов принять понятия за законы, лишь бы наступил покой. Пусть будет любая власть, бандитская, так бандитская, понятия, так понятия, но лишь бы было ясно, чем руководствоваться и что выполнять, чтобы власть предержавшие оставили тебя в покое. Люди уже привыкли к бандитам и готовы воспринимать их людьми. Как норму, как данность. Они уже устали видеть все только в черном свете и готовы поверить, что такая и должна быть жизнь. Готовы закрыть на все глаза, лишь бы их жизнь вошла в нормальное, знакомое им всем по их всегдашним сентиментальным ожиданиям и маленьким их чаяниям, ровное русло.

Биографический роман нашему клиенту из Англии я уже написала. Дом мы закончили. Сын растет. Доволен жизнью, здоров. Да и будет здоров, пока у меня есть в груди молоко...

4

И вот мы идем домой. Мы с Денисом идем к себе домой.

И какой нам может быть страшен Армагеддон?!.. Мы, вот, вместе с ним и составляем как раз тот самый настоящий «пацифистский народный фронт», на который и возлагалась во все времена, всеми народами, во все трудные случаи их жизни, надежда. При всей

громогласной демагогии и миллионах пустых красивых слов от верхов задача спасения стран всегда исходила от нас, снизу. От того «пацифистского народного фронта», который являлся залогом жизнеспособности во все времена. Являлся ее основой, фактом стабильности и продолжения жизни человеческого рода. Я не стала работать с заготовкой по «Исходу», в основном, именно по той причине, что текст начал вторгаться в мою интимную жизнь, стал слишком близким, задел за живое. Заканчивать пришлось бы все равно именно чем-то реальным. Настоящим, родным... А как в древности название Бога, название всего святого было табуировано, и не подлежало обсуждению всуе, так и не следует, мне кажется, всуе говорить и писать о том, что есть хорошо, что есть главное, писать о том, что нас на самом деле ждет и что нас выручит в конце концов в любом случае, спасет... Спасет без всяких политических решений, без всяких глубокомысленных открытий, мужских подвигов и их скупых слез, без помощи правительств, международных сообществ, санкций, глобальных экономических теорий, гениальных открытий, банков, военных действий. Не стоит говорить, тем более, писать об этом в беллетристике. Как хорошо, что умер в романах нравоучительный тон! Не стоит метать бисер перед свиньями и лишний раз объяснять профанам, каким образом все в очередной раз само собой разрешится.

Мы идем к себе домой... Какое творческое камлание, какое «бескорыстное служение» музам, какое высокое предназначение, пророчества, какая слава может сравниться с тем, что вот мы идем домой. В наш дом. Какая работа, какое деланье добра? Боже мой, все эти неумеренные обещания, словоизвержения, достижения, открытия, гении, подвиги... Да не сравнится с этим ничто и никогда!

Мы выживали. Мы выживали во все времена. Мы, поденщики, те, кто составлял всегда народ. Те, кто никогда не верили и не полагались ни на что, кроме себя и плеча своего самого близкого, не надеялись на власть предержавших, кто всегда противостоял им, кто никогда не ждал ниоткуда никакой помощи, и всегда были заняты только собою, жили только своим, малым, мизерным... но Божьим и вечным. И мы выживали назло всем. Всем благоустроителям, всем носителям истины и вещателям правды и вопреки пожеланиям нам добра, вопреки всем этим владимирам красным солнышкам, кромвелям, рузвельтам, петрам первым, екатеринам, марксам и энгельсам. И только потому, что мы выживали, и страна — жила. И я думаю, будет жить и впредь. Чтобы правителям опять спокойно и уверенно можно было разыгрывать из себя пророков и нужных стране деятелей, без которых, конечно же, и волос с головы не упадет... Чтобы обременять себя всемирной славой, разглагольствовать о важном, об очень серьезном, очень глубокомысленно насупливать лбы, придавая себе значимый вид в абсолютно не нуждающемся в них мире...

Пусть это будет для них. Ради Бога, пусть это у них будет...

А нам свое: рожать, растить детей, любить и плодиться. Воспитывать, поднимать очередных, и опять любить и плодиться. И более осмысленного и важного в действительности уже не может быть ничего...

COSMOPOLITAN
Роман

Глава первая

ГЕРМАНИЯ

Я родилась на Дальнем Востоке. Той страны еще, называвшейся Советским Союзом. В доме, из окон которого было видно море.

Если кто-то сочтет это за трафаретное начало истории о том, как бедная провинциальная девушка стала звездой и вырвалась в столицу, в Москву, или, допустим, в Нью-Йорк, Париж, Рим, или еще какой-то центр, так называемой цивилизации, то он сразу ошибется. Я к этим «центрам» достаточно равнодушна, и всю жизнь живу там, где живу, и везде меня моя жизнь устраивает...

Сейчас я живу в Вуппертале. Небольшом городке на северо-западе Германии, в Северных Рейн-Вестфальских землях, близ Кельна. Городке, главным характерным отличием и гордостью которого является существование в нем подвесной железной дороги, единственной во всей Европе, как тут говорят, и представляющей собой тянущуюся над всем Вупперталем рельсовую линию, по которой, подвешенные, бегают оранжевые и голубые вагончики. Кстати, один из них упал недавно, унеся сколько-то там жизней, как написали во всех газетах. Первый раз за сто лет.

Я здесь уже второй раз. И живу скоро месяц...

Февраль. Влажно. На улице уже темнеет. Я отпускаю такси и прохожу через открытую швейцаром дверь в ярко освещенный холл.

— Guten Tag! — говорю я в ресепшен, — Will you give me my key?

Портень новый и незнакомый, и английского он не понимает.

— Schlüssel, ключ, — говорю я немецкое слово и показываю гостевую карточку.

— Ja, ja, bitte, — произносит он и подает мне мой бо-чоночек.

— Danke schön, — говорю я опять немецкие слова, чтобы сделать ему приятное.

— Bitte, bitte, — повторяет он и провожает меня до лифта глазами.

Лифтер тоже, хотя и вежливо отводит взгляд, сбоку дважды за какую-то долю секунды, все же пробегает краем глаза по всей моей фигуре. Как это умеют мужчины делать, схватывая все сразу. Сверху вниз и потом снизу вверх, чуть задержавшись на груди. Потом воспитанно он даже слегка отворачивает к закрывающейся двери голову.

— Seven floor, — говорю я.

— Bitte.

До моего этажа он везет меня молча.

— Erfolg wünsche, Frau, — желает он мне удачи на прощание и улыбается.

— Danke.

Я вхожу в свой номер и закрываю за собой дверь. Все оставленные в беспорядке вещи горничная уже прибрала, постель застлана, в ванной висят новые полотенца, принесенное из прачечной мое белье сложено на кресле. Я поворачиваю по окружности вокруг талии юбку, облегченно расстегиваю молнию и стягиваю ее на кровать. Освобождаясь на ходу от кофточки, иду в ванную к зеркалу. Так и есть. Один волосок выбился из пробри-

того места и исколол мне ногу в шаг. По крайней мере, на коже я вижу раздражение.

Я присела на сидение, потом достала станочек и, намывлив пену, тщательно выбрила кожу. Проверила чистоту выбритого кончиками пальцев. Гостиница у меня, как, я думаю, и все в этом городе, средней руки, но зеркало в ванной от потолка до пола. Тщательно разглядывая себя в нем, я убрала бритву. Потом выпрямилась перед зеркалом во весь рост и взяла себя руками за груди, ладонями снизу, скользнув пальцами до сосков. Вот она, та грудь, которая кружит мужчинам голову... Боже мой, ведь какая чушь, действительно им не позавидуешь. К тому же, у меня еще соски разные, один торчит больше другого. Я заключила пальцами в полукружье сосок, потом оттянула оба соска руками вперед... Как все-таки мужчины любят в этих своих журналах, чтобы мы занимались онанизмом. Так вот принципиально не доставляла бы им этого удовольствия... Но видя, что рот у меня уже приоткрылся и губы припухли, я отвернулась от зеркала и встала под душ.

Душ меня освежил. Все-таки день был напряженный. Я протерла подмышками дезодорантом и выбрала новое белье. И хотя я в совершенстве знала, что с Клейстом я ничего не позволю, у нас ничего не будет, у нас совершенно деловой ужин, на который он был даже обязан меня пригласить после подписания договора, я все же надела трусы от Фальконе. Так требуют правила игры. На всякий случай. Как это делает каждая женщина. Закон есть закон.

Я выбрала длинное зеленое вечернее платье, надела серьги, кольцо, браслет, и пятнадцать минут девятого Клейст позвонил.

— Не поднимайтесь, — сказала я. — Я спущусь к вам вниз.

Клейст приехал на «мерседесе». «Пятисотый» или «шестисотый», или какой-то еще другой — в этих тон-

костях их пресловутой техники я не разбираюсь. В том регионе, где я обитаю большую часть жизни, люди используют, в основном, другие марки машин. Заводов «Тойота», «Ниссан», «Мицубиси», «Сузуки», «Хонда», и большинство из них, по общему мнению, гораздо комфортабельнее европейских машин. В этом я убедилась и на собственном опыте. Хотя, честно сказать, на самом-то деле мне абсолютно все равно, на чем ездить...

— Вы очаровательны, — сказал Клейст, встречая меня на выходе и открывая передо мной дверку машины.

— Будем считать, господин Клейст, что это простая любезность и долг вежливости, — сказала я, подавая ему руку. В офисе он этого не говорил. — В офисе вы были сдержаннее.

— Нет, вы действительно очень красивы. Я еще на выставке обратил на это внимание. Но в деловом костюме вы красивы неприступно.

— Надо понимать, вы хотите сказать, что мне идет зеленый цвет.

— Вы еще и очень умны...

— Давайте лучше поговорим о вас. Если все деловые вопросы мы уже решили... Мы ведь все уже решили?..

Он обошел машину и сел со мной рядом. Водитель тронулся.

— У меня жена тоже русская.

— Я слышала. Сейчас она находится с ребенком в Испании, на море. Я даже фотографию ее на вашем буклете видела ... Я забыла, какие служебные функции она выполняет?

— Прием заказов, она по знанию языка работает с клиентами из России.

— А дочь? Они, наверное, ровесницы?..

— Да, приблизительно... Она дизайнер.

— А откуда ваша жена родом?

— Из Кемерово. Это в Сибири.

— Я знаю.

— Поэтому меня особенно интересует ваш регион. Вы знаете, у нас есть партнеры в Петербурге и в Москве. Кстати, даже в Киеве есть. В Петербурге мы работаем с фирмой «Уют», она продвигает наш товар в Сибирь. Но мне очень хочется самому проникнуть за Урал.

— За Уралом своя специфика. Малые города и огромные расстояния. Это трудно сразу взять в расчет. Большие транспортные расходы.

— Да, но я всегда хотел поставлять туда комплектующие, тогда издержек меньше. «Уют», беря у нас комплектующими, делает поставки туда. Но у них огромные наценки, я знаю. Завязать напрямую отношения с Сибирью, с вами, например, — это моя мечта.

— Ох, Сибирь — страна особенная, часто непредсказуемая, — произнесла я.

— У меня отец был в Сибири в плену. Он мне рассказывал о сибиряках удивительные вещи. Русских сибиряков он вспоминал потом всю жизнь...

— Я не в этнографическом плане... А куда мы едем?..

— В Золинген. Там будет уютнее. Я не люблю Вупперталь...

Мы проехали какую-то развязку, и я не заметила, как мы оказались в другом городе. Вернее, кончился один город, сразу пошел другой. Это и был Золинген. Характерное явление для густо заселенной Рейн-Вестфалии, в которой и находятся эти два по здешним меркам маленькие, но почти полумиллионные городка.

— Я другое имела в виду. Трудности в коммерческом смысле. Большое расстояние не только до Сибири, но и между населенными пунктами в ней. Причем, населенными пунктами крошечными. Там совсем иной тип торговли. И потом, не забудьте, на всей громадной территории за Уралом живет всего двадцать пять миллионов человек.

Машина остановилась у большого ресторана, и Клейст отослал водителя. Он что-то сказал ему на немецком, и тот, включив сигнал поворота, медленно отъехал от ресторана и влился в поток машин.

При входе в ресторан, когда с меня сняли жакет, Клейст, пропуская меня вперед, отстал на достаточно большое расстояние.

«Еще не посмотрелся», — подумала я и даже специально еще прошлась, слегка раскачиваясь на каблуках. Чтобы тоже сделать ему приятное. Потом я оглянулась.

— Как вы красивы! — он смотрел на меня блестящими глазами и действительно с восхищением. — Я просто теряюсь, и не знаю, что же мне такое предпринять?

— Благодарю вас за откровенность. Но стоит ли что-то предпринимать? Давайте вы будете относиться к моей красоте как к природе, как к пейзажу, например. Вы любите природу, пейзаж?

— Да, конечно.

— Тогда вы поймете, о чем я говорю.

— Вот наш столик, присаживайтесь.

Он пододвинул мне стул, подождал, пока я сяду, а потом сел напротив.

Пока он обходил стол, я смотрела на его спину и думала, а хотела бы я в свою очередь что-то предпринять на его счет?..

Вполне приятный мужчина лет сорока семи, живой, подвижный, еще полный энергии и сил. Одетый по последней моде, то есть, очень вольно, как сейчас и положено, что нижнюю рубашку даже видно в разрезе не застегнутого воротничка фланелевой сорочки. Сюда, правда, он галстук нацепил. Человек богатый, имеющий возможность себе многое позволить, активно себя держащий в жизни, в нем чувствуются целеустремленность, желание осуществить дальние замыслы, предприимчивость, напор... Высок, строен, имеет кра-

сивые сильные руки, что говорит о том, что он, еще, видимо, и хорош в постели...

— Для мужчины смотреть на красивую женщину как на пейзаж, ничего не предпринимая — немислимо. В этом есть что-то болезненное. Не можешь найти себе места. Хочется просто кусать пальцы.

— Вот, что значит быть чуждым русской психологии. Русские давно уже привыкли смотреть на все страстно желаемое как на пейзаж. А чувство болезненности превратили даже в удовольствие.

Кельнер налил мне вина, и я поблагодарила его кивком головы.

— За вас! — сказал Клейст.

— Благодарю вас, — ответила я. — И за наше сотрудничество!

— Да, конечно. С такой очаровательной женщиной я готов сотрудничать всю жизнь.

— Будем надеяться. Вы очень милы...

На другой день я была уже на Канарах.

Я не вынесла из Вупперталя в памяти практически ни одной достопримечательности, как и из Кельна, где происходила выставка и где я работала. Хотя я и посетила их знаменитый Кельнский католический собор. Я не люблю достопримечательности. По большей части, я на них даже не смотрю. Но ощущаю. Как ауру. И мне достаточно одной детали подчас, чтобы ощутить все это нечто как целое, все это нечто — целиком. Как, например, ранний католический Запад. И потом лишние повторы: года строительства разных храмов, высота их, зодчие, избыточные тонкости архитектуры, догматика, нюансы мне становятся уже неинтересны. Получается, что в памяти сохраняется какой-то контур общего, и остальное становится бессмысленным. А ценны и задерживаются в памяти, оказывается, в конечном счете, иные вещи, Например, отдельные эпи-

зоды, которых может быть всего-то и несколько в году. Но которые открывают что-то такое, чего не могут дать просто путеводитель, исторический очерк или фотография. Такой эпизод все же запал у меня в Вуппертале — сценка из магазинчика какой-то мелочевки рядом с моей гостиницей, куда я зашла купить зубную пасту и где на полках, доступных каждому покупателю, стояло огромное множество всяких безделушек, от маленьких хозяйственных бытовых вещей до разного рода сувениров, среди которых забавный сувенирчик в виде небольшого мужского полового члена, выполненный из мягкой полупрозрачной резины, с яичками и пенисом, болтающимся безвольно на какой-то твердой основе, сформированной в подставочку. Но сделанный очень натурально. И две девочки-подростка... может быть, они были даже не подросткового возраста, а немного меньше, лет десять, одиннадцать, двенадцать... Проходя мимо полок и обратив внимание на сувенир, они остановились, что-то сказали друг другу на своем языке и потрогали сувенир пальцами. Вернее, одна из них взялась за пенис рукой. Поддержала и опустила, после чего тот опять совершенно натурально завалился набок, а они, сказав друг другу что-то еще, посмеялись и пошли дальше. Но вся суть в том, как они посмеялись. Потому что это опять как часть целого. Как, например, достаточно одного вида сытых ленивых немцев в послерабочее время... О, это на самом деле картина! Как они «оттягиваются» по вечерам в своих пабах в своем заслуженном покое... Чтобы понять, что это народный дух. Человеческий, временной или еще какой-то, что является тем, что *не фотографируется*. Дух, совершенно не похожий на дух восточных народов. Немцы, да, может, и вся Европа, живут для отдыха, они пронизаны им, мечтают о нем, это их натура.

Точно так же девочки посмеялись совершенно особенному. Они посмеялись без пошлости, без дву-

смысленности — но потрогали гуттаперчевый пенис без стеснения, помяв его из любопытства пальцами, хотя, конечно, понимали, что мнут! Такая малость, но это коренное отличие от детей страны, в которой я родилась, которые постараются это не заметить либо заржут и покажут пальцем, чтобы за пошлым смехом скрыть свое стеснение, любопытство и возбужденно расширенные глаза. Так много тут содержится, по крайней мере, чувствуется, схватывается и дает пищу размышлениям.

Вот такие эпизоды я и хранию...

Что же касается Клейста, то ужин с ним у нас закончился вполне благопристойно. Он отвез меня на такси в мою гостиницу и на прощание с жаром поцеловал руку. По дороге в такси он еще и понизил свои шансы тем, что заговорил о моих родителях, поскольку мне пришлось ответить, что отец у меня был офицер.

— О! — сказал он и на секунду отвел глаза. — Мы, немцы, конечно, виноваты перед вами.

У немцев это в крови. Они считают себя обязанными найти случай, чтобы продемонстрировать вам свое раскаяние. Подчас, даже совершенно искреннее раскаяние. Они на самом деле считают себя виноватыми, наверное, их так еще с детского сада учат. На что я ответила ему: — Полно! (Я употребила выражение *never mind*. Мне кажется, это было как раз то, что нужно. Не знаю, улавливал ли Клейст такие оттенки английского языка, но это было из Голсуорси). Полно вам, немцам, комплексовать по поводу вашей как бы вины перед человечеством. Это же история. Что мы беремся задним числом ее судить? Это было, и нам уже ничего не изменить, пути Господни неисповедимы. Уверяю вас, что за двух не вернувшихся с войны с вашими предками моих дедов, за исковерканные судьбы, как принято говорить, наших матерей и разрушенную мою родину я вас никогда не упрекну. Я вам никогда не выскажу ни одного слова неудовольствия. Я это считаю неуместным, и вы мо-

жете в данном случае чувствовать себя совершенно раскованно

Но, тем не менее, эта маленькая официальная часть лишила его завоеванного плацдарма, и больше на тот уровень теплоты и близости, какой сложился у нас за ужином, он уже не смог выйти. И мы расстались у дверей моей гостиницы, пусть и вполне дружелюбно и мило, но все же в большей степени учтиво и, уж конечно, вполне пристойно..

Впрочем, эпизод этот был тоже из тех, что хранятся в памяти. Надеюсь, что в его тоже. Как компенсация его неудачи в плане борьбы за более близкие со мной отношения.

2

КАНАРЫ

На Канарах у меня был роман...

С молодым мужчиной, постоянно располагавшимся рядом со мной на пляже, купающимся со мной в февральском море в любую погоду, сопровождающим меня в городе и своим постоянством заслужившим мое расположение. Сильный, красивый, крепко сложенный мужчина.

И когда в полумраке номера я почувствовала его в себе, я прижала руку к своему животу, чтобы ощутить, что он уперся в брюшную стенку, — это осознание, подтвержденное на ощупь своей ладонью, меня всегда волнует, — в то же время еще и подумала, что раз я чувствую это отдельно, фиксирую детали, то это значит не любовь. Когда любовь, не фиксируется и не запоминается ничто. Все происходит на совершенно ином уровне. Но, тем не менее, я оглянулась, чтобы сказать ему ласковые слова и погладить его рукой, и постаралась прижаться к нему как можно плотнее. Всей промежностью я вдавилась ему в живот, уперевшись в него всеми своими сведенными от

наслаждения порами. Чуть-чуть ниже ануса у меня есть одна крохотная, почти незаметная ворсинка, которая от перенапряжения и перевозбуждения встает стоймя и начинает топорщиться и тыкаться во что ни на есть, приближая пароксизм. Вообще вся эта область между ягодич и паха для меня сакральна, несравненна. Более значимой вещи в чувственном плане для меня нет. Уместно даже было бы спросить меня тут, был ли у меня в жизни анальный секс? Коль скоро я завела речь о своей чувствительности, отвечу сразу и откровенно: да, был. Когда я постигала мир, такая вещь меня особенно поразила. Но я себя от него отучила. Я его себе запретила.

И не потому, что боялась, что могу к этому привыкнуть и это станет моей натурой, — а это для меня был действительно самый сильный соблазн, — и я стану с точки зрения обывательского восприятия ненормальной, скажем, какой-нибудь патологичной нимфоманкой, «педерасткой», как в народе говорят. Нет, вряд ли мнение людей меня особенно заботило. Да и по-народному, если разобраться, в сексе все — патология... Нет, все случилось потому, что открытие это пришлось на то время, когда я поняла, что секс — это та же бесконечность, и чем больше себе позволяешь, чем более нечто сладостное и порочное — порочное — это как раз нужное слово: сладостное и порочное всегда так рядом, осознание порочности чаще всего и приносит сладость — вводишь в жизнь, тем глубже и дальше эта сфера тебя забирает. А поскольку она, как и все, бесконечна, то, взяв себе за цель познать мир и постараться познать его максимально до конца, ты будешь вынуждена идти все дальше и дальше, повторяя движение миллионов ищущих того же людей — и только в одном единственном направлении. В банальном, на что толкает нас природа. А высшее? А человеческое? А разумное, а вечное, небесное? Есть ведь что-то еще!.. А как тогда с этим быть?..

Я откинулась на спину, разведя руки и ноги и впус- тив его в себя с лаской. Он приник к моей груди лицом,

затрепетал, схватился за обе груди и впился в одну из них губами, и я, отвернув голову, прикусив губу и закрыв глаза, позволила ему кончить. И даже помогла ему, и даже застонала.

И пусть это была не любовь, но это было так хорошо, когда хочется после заплакать. От грусти, от печали или чего-то еще. Когда чувствуешь, что что-то упускаешь. Что что-то проходит мимо. То, что никогда не вернуть. Я прижала его голову к своей груди. И целовала ее, и ласкала, и обнимала его крепко, жалея нас обоих в этот момент за то, что нечто минует сейчас нас обоих вместе, что мы оба в данный момент сиротливо этим нечто обделены, что мы им брошены в вечности и только и есть, что предоставлены друг другу, только и есть, что только и можем помочь друг другу, как все люди могут лишь помочь друг другу ощутить в этом вселенском одиночестве тот отголосок, намек, подобие, малую частицу того недостижимого таинственного целого, которое мы вечно ищем и которое, забытые в бесконечности, мы, как ни бьемся, все так и не можем обрести.

И хотя я понимала, что это не любовь, тем не менее, из чувства признательности и расположения по отношению к нему, пока я была на Канарах, и даже во время карнавальных дней на Тенерифе, я продолжала каждую ночь до утра с ним делать это.

В свою страну я вернулась в апреле...

ЕКАТЕРИНБУРГ

Я приехала в Екатеринбург, в фирму, в которой меня ждали с большим нетерпением...

Надо еще заметить, что деньги себе на жизнь я зарабатываю тем, что продаю идеи... Если, конечно, так

можно выразиться... В данной отрезок времени и приспособившаяся к нынешней ситуации — идеи, связанные, вот, со сферой коммерции.

Идеи, разнообразное их множество, владели мною, «обуревали» меня всегда. И продолжают «обуревать» и сейчас. Это мое постоянное дежурное состояние: нагромождение всяческих мыслей, инсайтов, соображений, озарений... идей... Бесконечное их количество. И самое трудное в отношении их для меня всегда было — это на какой-нибудь одной идее остановиться, зафиксироваться, сконцентрироваться... Выбрать одну и решительно на ней успокоиться.

После чего идея становится уже четко проработанной программой для действия. Руководством к применению.

В настоящий момент моя идея заключается... Хотя, впрочем, стоит ли говорить конкретно... Например, в прошлом году в Москве я помогла одному бандиту, — конечно, в прошлом бандиту, ну, а где они там другие теперь... — наладить торговлю с несколькими предприятиями юга Испании. Откуда, кстати, как раз вернулась я сейчас. Причем, что самое примечательное, торговлю не их товаром здесь, а отечественным товаром и — там! Это существенно поправило мой бюджет и пополнило счет в банке. Ну и еще обогатило меня познаниями в жаргоне уголовного мира. Тоже было небезынтересное мероприятие...

Сейчас я работаю с вполне интеллигентными людьми. С тремя молодыми ребятами, по возрасту даже несколькими годами меня младше, поставившими себе целью стать мультимиллионерами. Такие вот своего рода максималисты, романтики... У них и фирма-то даже называется «Магеллан», ни много ни мало. Три вполне симпатичных молодых человека. С одним из которых у нас зарегистрировано одно общее на двоих предприятие. Я сделала это с тем, чтобы мне проще было потом

выходить из дела. Когда придет время покидать затеянное, когда уже четко оформится прямая дорога к цели и впереди замаячат просвет и перспектива налаженного получения больших денег — тут-то у меня всегда и не хватает терпения, и я ломаюсь — в такие моменты даже с вполне порядочными людьми бывает трудно. Потому что всегда после осознания цели вполне оправданно кажется, что суть-то была не в проекте, не в инициации, а в долговременной упорной текущей работе, что именно эта-то каждодневная работа, как всегда, и приносит долгожданные плоды, именно благодаря ей все и происходит. И тогда будь ты хоть какой основоположник и вдохновитель, ты в таких случаях всегда в незавидном положении, и при отделении никаких паритетов не соблюдается, заслуженного вознаграждения никогда не происходит, но все же, если ты один из учредителей, то ты все же в гораздо лучшем положении, чем просто человек с идеей со стороны...

Может возникнуть резонный вопрос, если уж так все сложно в воздаянии за содеянное, почему я не создам свое собственное предприятие? Чтобы уж быть полномочным обладателем результатов своих идей. Скажу сразу: я ленива. До абсурдности ленива. И даже, может, не столько ленива, сколько меня хватает только на короткую дистанцию, очень ненадолго. Так что ленива — это получается все равно. Когда же идея начинает обретать конкретное выражение, обрастать деталями и соответствующими для нее формами, когда начинают требоваться уже в большей степени не фантазия и интуиция, не творчество, а постоянство каждодневного рутинного труда, какие-то начальственные функции, игра каких-то ролей, мне это становится уже неинтересно. Причем, даже до такой степени неинтересно, что постепенно меня начинает от всего этого просто тошнить. Можно сказать даже, в прямом смысле. Видимо, я настолько вкладываюсь в осуществление идеи на

начальном этапе, что потом ей начинает у меня сопротивляться весь организм, мне она становится невыносима. Я видеть уже все связанное с ней не могу. Даже воспоминания о воплощении мне неприятны, и я стараюсь забыть и саму идею, и путь ее реализации, как мерзкий сон, как жуткое наваждение...

Ну а то, что всех денег никогда не получишь, так ведь это не надо жадничать!.. В таких случаях я всегда вспоминаю о том, что мне и так много дано. Ведь это надо еще подумать, кто в более выгодном положении... Ведь что им-то остается? Вот только это: деньги. А мне?.. Господи, да мне остается целый мир!... Ведь одна моя внешность чего стоит... Грешно быть недовольным Богом, но не ценить то, что Бог тебе дал, в тысячу раз грешней.

И потом ведь идеи у меня есть и не только в коммерческой сфере. Но и в области науки: психологии, социологии: я заканчивала журфак МГУ. И в области искусства, культуры, и тут у меня свои мысли... и хочется везде поспеть. Поспел пострел... Хотя, честно признаться, я не наивничаю, не самообольщаюсь. Если я уж за что-то берусь, если, конечно, берусь, то все получается само собой. Я счастливый человек...

4

— Аглая Сергеевна, — говорят мне мои мальчишки, — мы по вам соскучились...

Они все втроем, как всегда, сидят в своем большом офисе на троих, за тремя отдельными столами и тремя компьютерами, среди стен, украшенных разными штучками в стиле дальних морских странствий из времени флибустьеров, и с достаточно большим штатом сотрудников за двойной дверью.

— Я тоже по вам скучала.

— Нам вас очень не хватало. Мы даже поняли, что стали вас любить...

Ведут они себя, как всегда, бойко. Напористо, раскованно. Но глубоко за выражением их лиц я вижу растерянность, смущенность и мучение израненной души. Это я чувствую по тому, какие я ловлю на себе их, бросаемые сбоку, жадные взгляды и по тому, как они теряются, когда я подхожу к ним близко. И я на самом деле начинаю верить, что они действительно стали меня любить. Что вот все это время они помнили обо мне, что я будоражила их чувства. Я даже думаю, что дома с моим образом в воображении они уже начали заниматься онанизмом. И поэтому-то для собственного спокойствия им проще дистанцироваться от меня, перейдя как бы на обычный молодежный треп, и начать относиться ко мне как бы непринужденно, хотя и с уважением, как к старшему товарищу, к учительнице, скажем, какой-нибудь. Что хотя бы на первый взгляд исключает возможность близких отношений. Или сказать лучше, исключает надежду на близкие отношения. С одной стороны, это удобно и помогает делу, но с другой стороны, это порождает напряжение, невозможность настоящей непосредственности и тягостность в выполнении совместных дел. Я это ощущаю всем своим существом и постоянно. И только когда я отхожу от них, а я это всегда чувствую, они переводят дух.

Милые мальчики, ну что же делать, если так несовершенно устроен мир. Как бы я рада отдать себя вам всем, всю без остатка, всем без исключения. Как в какую-нибудь стародавнюю эпоху античного мира, времен, скажем, богини Весты, в обязанности, скажем, бескорыстного выполнения обета какой-нибудь священной храмовой проституции... Чтобы хоть отчасти возместить то, что дал мне Бог. А то, что я вечный должник и дарованное мне возмещать вечно обязана, я понимаю совершенно отчетливо, ведь моей заслуги во всем, чем я располагаю, чем я наделена, нет никакой, я в трудах или в поте лица ничего из этого не зарабатывала, все это да-

лось мне само... Но ведь это ничто не изменит!... Ведь вам не это надо! И мы не в стародавние времена, и я не храмовая проститутка, и вам недостаточно заполучить меня на час. Ну, придумайте что-нибудь, ну напрягитесь, сделайте что-то, ну, я не знаю, что для этого нужно, Бог мой, может быть, в таких случаях как раз и уместнее всего онанизм. Но нам ведь вместе работать!..

— Мальчики, — говорю я вслух. — У нас сногшибательные перспективы! У нас впереди интереснейшая жизнь. Нам с вами столько надо свершить! Ну что же делать?.. Ну, расслабьтесь!.. Сашок, ну хочешь я тебя причешу? Ты сегодня с утра встал такой хмурый? Сложности в личной жизни? Поверь мне, все это совершеннейшие пустяки... А тебе, Пашенька, давай я сделаю массаж. Вот это мышцы шейного отдела. Расправь плечи. Давай я прижму твой затылок к своему животу. Чувствуешь мое тепло?.. А тебе, Игореша, вот мои губы. В полное твое распоряжение, чувствуешь их вкус? «Наших губ ткань протерлась насквозь». Как в свое время писали хорошо! Ну что вам еще?

Ну, давайте я заварю вам чай. Или я не женщина, или я не служанка в доме?... Я с удовольствием вас напою... Сколько интересного у нас впереди! Честное слово! Так увлекательна жизнь! Я специально месяц потюмила Клейста, чтобы он созрел, и теперь можно давать отмашку. У нас все гениально разработано. По сценарию Клейст — это только начало. В будущем у него мы будем брать только трубу. Маркетинг дал свои результаты. Только трубу нельзя сделать у нас в стране. На все остальное нашей технологии хватает. Это называется прецизионное литье. Формы для станков мы сделать в состоянии. Вполне можно достичь европейского качества. Весь рынок за Уралом будет наш, никто не сможет продавать дешевле, даже Клейст, а потом мы можем освоить и европейскую часть страны. И ведь все это будет фирменный немецкий товар по качеству

и, главное, по сертификатам, и отечественной по исполнению. Клейсту достаточно будет одной трубы, то есть, очень малой части прибыли. Он согласен... причем, с охотой, я при заключении договора его ни в чем не обманывала, и он целиком на нашей стороне.

— А если мы накатаем Клейсту путь на рынке, приучим покупателя, а он явится сюда со своим товаром, — задает вопрос Игорь, и я замечаю про себя его трезвость. Он, пожалуй, подходит к делу глубже всех троих. Похоже, он один умудряется не терять до конца голову...

— Молодец, это ты говоришь хорошо. Ты тут прав. Это очень существенная вещь. Но, в данном случае, рынок и так уже для него накатан, согласись. И он мог бы им давно воспользоваться. Но не получается... Не надо переоценивать его возможностей. Слишком в Германии сейчас дорогая рабочая сила, чтобы он мог нас перебить своей ценой, он и так-то старается размещать производство в Венгрии или Словакии. А еще учитывать наш таможенный сбор... Нет, своей дешевизной мы и его победим. Нам не будет равных. А какой объем потребления всего этого у нас в стране, мы с вами уже считали, или это вас не вдохновляет?..

Ребята заулыбались.

— Аглая Сергеевна, мы не сомневались в нашем с вами мероприятии никогда.

— Вот и хорошо, а теперь давайте поболтаем. Что было нового без меня в стране?

— Да все то же: взрывы, убийства, куклы дерутся наверху.

— Забавно всегда переключаться на наше телевидение. Нигде нет столько горячности и страстей.

— А что у них в телевизоре?

— Там люди играют в объективность. А объективность исключает накал чувств.

— Вам звонил ваш Саша.

— Хорошо. Что он говорил?

- Интересовался, где вы.
- Электронный адрес не спрашивал?
- Нет.
- Ладно. Ну а в личном масштабе? Игорь, как ты сдал сессию?

– Да ничего, сдал. Да что о ней говорить, заплатишь так и сдашь. Никаких проблем. Даже не получаешь никакого удовлетворения, как быстро наша страна стала самой продажной в мире... Даже негде применить свою честность, если б она и была...

– Не отчаивайтесь. Знаете, я вот вам расскажу, как несколько лет назад в Германии, как раз после того как у нас приняли государственным гимном опять советский гимн, я случайно, переключая в гостинице каналы телевизора, напала на какие-то соревнования по боксу. Я к этому боксу, сами понимаете, абсолютно равнодушна, но я вдруг услышала наш гимн. Я даже оторопела тогда, честное слово. Первый раз за столько лет. Его даже у нас в стране еще не играли. А оказывается, это шел по проходу на ринг какой-то наш боксер, который, кстати, еще потом и проиграл, его побили, да он и не был, насколько я поняла, каким-то выдающимся, но играли гимн, пока он шел к рингу, игралась опять наша прежняя мелодия. И что меня поразило, все в зале тогда встали. Я потом специально уставилась в экран, под мелодии гимнов своих стран выходили абсолютно все участники соревнований, но только при нашем гимне зал поднялся. И это было, как я догадалась, в честь того, что наш гимн снова вернулся. Знаете, наша страна не пропадет, все образуется, мы просто сами себя мало уважаем. И сами не знаем, что творим. А к нам относятся подчас гораздо с большим уважением. И в нас верят. Даже больше, чем сами мы. Не отчаивайтесь, все определится. Все будет у нас хорошо. Может быть, так и надо, конечно, себя недооценивать, это наша черта. Может быть, это и выручит нас в нужный момент. Это я говорю

к тому, что не стоит относиться ко всему, что у нас делается, так драматично. И не верьте телевизору, когда там говорят, что нас презирают и нас боятся. Нам желают добра больше, чем желаем его себе сами мы.

Так что давайте немножко уважаем и полюбим хоть раз друг друга.

— Вот тут нас, Аглая Сергеевна, даже не надо уговаривать, любить мы готовы всегда...

Глава вторая

1

В свои сорок с небольшим лет Александр Васильевич Петров был генерал-лейтенантом в отставке.

Нашивки и погоны он вряд ли когда носил, точно так же вряд ли когда надевал на людях форму, да у него ее никогда и не было. Если быть точным, он надевал ее только однажды, сшитую портными в течение двух дней, чтобы появиться в круглом кабинете в недрах здания Генерального Штаба СССР, когда получал в двадцативосьмилетнем возрасте как награду звание полковника сразу после майора, чтобы при выходе из кабинета тотчас ее сдать в реквизит массовки. И в боевых действиях он никогда не участвовал, и перед строем солдат никогда не был, и ни одного подчиненного никогда не имел, и ни один солдат или офицер его, генерала, не знал в лицо, и даже родные люди о его службе не ведали. Когда ему присваивали генеральское звание, уже в конце существования Советского Союза, произошло это без большой помпы и торжеств. Его пригласили просто в дом офицеров того города, где он в это время отбывал службу, и выдали удостоверение.

Александр Васильевич Петров был генералом ГРУ, Главного разведывательного управления при Генштабе СССР, причем, так называемого, внутреннего ГРУ, са-

мого засекреченного отдела, разворачивающего свою деятельность не вне, а внутри страны, структуры, созданной в рамках управления военной разведки еще при Хрущеве бывшими сталинскими генералами и до самого развала страны враждовавшей и соперничавшей с КГБ, ответно сформированной Хрущевым, так называемой, разведкой политической. Прошедшие войну военные, оказавшиеся при Хрущеве не в чести, отстраненные вслед за Жуковым от руководящей деятельности страной в связи с критическим отношением к новой власти, заслуженные, добившиеся победы в войне ветераны, сосланные в дальние гарнизоны, смутно чувствовали за внешней эйфорией оттепели и определенной свободы, что страна теряет свою былую мощь и силу, что происходят какие-то неблагоприятные процессы в экономическом развитии страны и в нравственном климате общества. Более конкретно чувствовали это во время Брежнева старые генералы в Генштабе, и поэтому ими было принято решение, оттянув определенные силы с внешних задач, перебросить в важнейшие экономические и жизненно важные центры своей страны часть наиболее подготовленных кадров, воспитанных для жизни и автономного существования и на территории врага, и на территории мирных зарубежных стран, и, как выяснилось, и на территории своего отечества, с целью анализа обстановки, сбора данных и формирования выводов и рекомендаций для Генштаба и всего правительства в плане попыток выхода из кризиса. А заодно и для попыток влияния на происходящие события. Поскольку эта задача к тому времени оказывалась более насущной, гораздо более насущной, даже чем разведка внешняя.

Александр Петров привлек к себе внимание структур ГРУ еще в отрочестве. Он рос, что называется, вундеркиндом. Решал фантастически сложные математические примеры, в течение нескольких секунд доказывал

сложнейшие теоремы и обладал феноменальной памятью. Но обрести славу ребенка с незаурядными способностями и поучаствовать в разного рода викторинах и фестивалях, которые, кстати, очень часто ломают детям судьбы, он не успел, потому что ГРУ взяло его под свою опеку. Тогда подобного рода люди вызывали в подобных организациях интерес, старая советская власть, сталинской закалки, очень внимательно относилась к самородкам и старалась, чтобы ни один выдающийся в интеллектуальном отношении человек не был бесполезен для своей родины и чтобы, если не в гражданской жизни, то хотя бы на уровне шабашки приносил отечеству пользу. Присматривать за ним стали лет с десяти и особо усилили внимание, когда он остался в одиннадцать лет без отца и матери, кстати, тоже работавших сотрудниками разведки, под ненавязчивым контролем дяди и один в доставшейся ему от родителей городской двухкомнатной квартире. Договориться с дядей, создать ребенку относительное материальное благополучие, сохранить за ним квартиру и обустроить его бытовую жизнь ГРУ было нетрудно. Поначалу оно даже старалось не обнаруживать себя, лишь закулисно подыскивало для него лучших учителей-агентов, прошедших выучку в том же ГРУ и выполнявших еще и роли нянек и воспитателей. Уже в пятнадцатилетнем возрасте у Александра были познания во многих дисциплинах на уровне вузовских программ и открыты все двери научных библиотек и научных учреждений, а в восемнадцать, после окончания университета, обширнейшие знания в области методов математической статистики, линейных рядов и исчислений, физики и существенный опыт работы с новейшей вычислительной техникой, полученный тоже не без помощи ГРУ.

В нем рано обнаружились незаурядные способности и к управлению людьми. И кем бы он ни являлся: секретарем комсомольской организации школы, начинаю-

щим лаборантом, работником общества по связи науки с производством в университете — это не мешало его учебе, наоборот, дополнительные нагрузки только стимулировали его деятельность, результатом которой становилось принесение пользы всем окружающим. Он умел мгновенно организовывать вокруг себя и работу, и людей, и сразу с первых же дней своей деятельности вносить предложения, делать научные открытия, участвовать в инновациях, совершать достижения в любой области, куда бы ни попадал, выдавать на гора проекты, научные и производственные разработки. Причем, и люди вокруг него загорались как бы сами, без его участия, все вокруг работать начинало с энтузиазмом, принесение пользы друг другу, науке и производству становилось как бы само собой разумеющимся, начинало восприниматься как обыденная данность. И работающие с огоньком люди, и начальство, особенно начальство, всякого рода власти, главным образом, партийные, стремящиеся всегда все достижения выдать как свою личную заслугу или вообще прибрать к своим рукам, превратив в свое дело, осознавали всю важность в этих успехах его лично только после того, как он из этого дела уходил. Инновации прекращались, энтузиазм терялся, огонек гас, люди разбегались, открытия заканчивались, и присвоившие себе его дело бездарные некомпетентные партийные функционеры оставались у разбитого корыта. Лишний раз извлекая урок, что способность и талант управлять людьми и событиями не даются по партийному списку и от принадлежности человека к самой передовой партии рабочего класса не возникают, что для этого нужны определенные данные, харизматичность, которой обладает далеко не каждый, и что это редкие люди, просто наделенные Божьим даром, про которых можно сказать, что они умеют *запускать процесс*.

Александр обладал этим со школьного возраста. Но ГРУ и тут не давало ему возможности ощутить вкус

оцененного успеха, пристраститься к результатам своей социальной деятельности и плодам научных достижений, на чем-то определенном заиклившись. Оно делало из него разведчика. Он должен был безболезненно и без сожаления уходить из налаженной структуры в какую-то новую область, оставляя без сожаления достигнутое, не привязываясь и не дорожа плодами своего труда. И снова на новом поприще ему вменялось в обязанность снова совершать подвиги, делать выдающиеся открытия, себя при этом максимально не обнаруживая.

В этом его учителя добились успеха.

2

После университета на небольшой период времени он был взят для непосредственного обучения на базе ГРУ в своем регионе, после которого он, кроме приобретенных во время учебы в университете знаний, кроме знания около пяти тысяч стихов на разных языках, умения говорить на всех 38 немецких диалектах, знания английского в классическом, оксфордском, американском, австралийском и восточноазиатском произношении, большинства европейских языков, стал держать в памяти еще и двадцать тысяч патентов на изобретения в разных областях науки и техники, как отечественных, так и зарубежных, научился запоминать в течение нескольких секунд целиком невероятной сложности чертежи и тексты, до совершенства развил образное видение, выучил наизусть все основные священные тексты главных мировых религий, приобрел навыки рукопашного боя и способность стрелять по движущейся цели через плечо вслепую, на ощущение, не целясь. Такова была выучка в ГРУ, и ее получал каждый. Не все это воспринимали, но Александр оказался на редкость способным. Кроме того, поскольку он с детства был прекрасным спортсменом, он и в восточных единоборствах оказался на высоте.

И вот этого молодого человека, наряду с другими восемнадцатью одареннейшими молодыми агентами ГРУ, направленными в то время в разные уголки родины и разные сферы общественной жизни, внутренняя разведка послала в самый мощный академгородок страны, располагавшийся в Сибири, для выяснения настроений в академической среде и изучения на своем опыте возможности в очень подозрительных тогда для Генштаба условиях пробиться молодому перспективному ученому сквозь тернии младшего научного сотрудничества к звездам.

И к заслугам Александра надо отнести и то, что, последовательно выполняющему задание пославших его генералов, пробиться к звездам, при всем своем старании и способностях, ему так и не удалось. Он даже не смог защитить ни одной диссертации, не сумел опубликовать практически ни одной статьи. Несмотря на полученную в университете насущнейшую специальность математической статистики, умение увлекать и организовывать для работы людей и *запускать процесс*, несмотря на свою харизматичность, интеллектуальные способности, и даже, можно смело сказать, определенную гениальность, и, несмотря на то, что в каждом институте Академгородка, куда его перекидывало недовольное его строптивостью и несговорчивостью партийное или научное руководство, он сразу же не в своей даже области, но благодаря тому, что посредством знания математики и физики и своей нетрадиционности интеллекта, он мог сразу видеть суть проблем, погружался в самую гущу работы, находил будто лежащие на самом виду открытия, заявлял о них, с фурором выступал на конференциях, представлял для публикации статьи и заявки, несмотря на все это, ему, как молодому, а потом через десять-двадцать лет, и уже не молодому, но остающемуся таким же перспективным и явно человеком выдающегося интеллекта, одареннейшему ученому, не удалось даже защи-

тить кандидатскую диссертацию. Даже стать старшим научным сотрудником ему оказалось не под силу. И все потому, что основой его задания, с каким он был отправлен в научную среду от разведуправления, был запрет публиковать свои научные статьи и достижения в соавторстве с кем бы там ни было из вышестоящих сотрудников. Всего такая малость, но на выявление и подтверждение важности подобного тогдашнего положения дел, сложившегося в стране, ушла вся жизнь.

Все дело в том, что высокие люди в верхнем эшелоне разведки и в пятидесятых, и в шестидесятых, и семидесятых годах, когда осуществилась обозначенная акция, предполагали наличие в стране подобного катастрофического фактора, не дающего развиваться экономике, тормозящего ее развитие намертво, фактора, чуждого сталинской эпохе, во время которой научные кадры и научные достижения все же высоко ценились, и не только в военной области, но и в гражданской, и сразу внедрялись в промышленность, хорошо оплачивались или уж обязательно, пусть даже в условиях лагерных шарашек, но пренебрежительно для нужд государства использовались. Позже, в восьмидесятых, этот новый катастрофический фактор, принесший столько вреда развитию множества стран, будет назван по всему миру информационным бандитизмом, и, по сути, станет новой формой эксплуатации человека человеком, присутствие чего в индустриальном государстве, как вирус, как раковая опухоль, разъедает все государственные структуры и обрекает любую страну на медленное проедание инновационного фонда и ее, страны, вырождение. В науке это проявляется, казалось бы, в пустяке, в практике частнособственнического использования вышестоящими людьми способностей, достижений, открытий и других плодов научной деятельности своих подчиненных, в скрытом, сложно выявляемом и определяемом в жизни паразитировании на умах информогенов, то есть, лю-

дей, знающих дело, а конкретно: на всех младших научных сотрудниках, рядовых лаборантах, на научных работах которых должны обязательно быть подписи начальников, заведующих лабораторий, отделов, директоров институтов, а без подобного соавторства не дается ходу ни одно, сколько там ни будь выдающимся, открытие. Сказать проще — это закабаление стареющими и недееспособными уже мэтрами науки способных младших научных сотрудников и лишение их свободы в научной деятельности. Все это отбивает у молодежи желание трудиться с энтузиазмом, искренне что-либо исследовать, открывать и внедрять изобретения и научные разработки в производство. Пишутся горы статей с огромным количеством соавторов, публикуется в открытой печати масса материалов, которые очень внимательно просматривают научные эксперты за границей, в том же Пентагоне, кстати, и потом патентуют их у себя, делается множество заявок на изобретения, и все лишь для того, чтобы подготовиться к защите диссертации, решить вопрос сугубо материальный, через защиту кандидатской диссертации получить прибавку к заработной плате, ставшей к тому времени по сравнению со сталинской абсолютно мизерной. И в том же крупнейшем Сибирском Академгородке, например, в самом главном научном центре страны, созданном в свое время негласно как центр науки при запасной, на случай вражеского вторжения на европейскую часть страны, столице всего государства, в научном центре, по величине равного которому тогда не было в мире, созданном как научный городок нового века со всеми достижениями и мощнейшими лабораториями, современнейшим, собранным со всего мира научными оборудованием и опытными, поддерживающими научные разработки, заводами, во всем Сибирском отделении Академии наук за все свое существование среди ученых, не оказалось ни одного Нобелевского лауреата, хотя открытий, заслуживающих пре-

мий, было немало, но они, как соавторские, дробились на такое количество частей, что выделить отдельного автора и отдельное открытие было уже невозможно.

Но самая главное, что эта ситуация приносила непоправимый вред экономике, тормозилось внедрение научных разработок в народное хозяйство, отсутствовала связь между наукой и производством. И подобное происходило по всему миру. И неважно, какой был строй, на каком уровне политического развития находилось государство, какие люди, умные или глупые, способные или бездары, знающие или некомпетентные, аристократы или пролетарии находились у власти, любой строй, любая политическая система, любого типа государство при непонимании важности этой связи было обречено, и наоборот, при понимающем отношении к науке, важности инновационных методов, своевременных отчислений денег на науку из бюджета, при связи науки с производством, при внедрении науки и в гражданское производство, при понимании того, что только гражданское производство выводит страну через внешнюю торговлю своими конкурентоспособными товарами в разряд развитых стран мира, если государство охотно на всех уровнях управления, не зажимая, использует иноформогенов от науки, экспертов высокого интеллектуального уровня, работающих свободно, имеющих материальную независимость от высокопоставленных заслуженных людей, любое государство может без потрясений и в полном благополучии продолжать существовать, и никакие внутренние разногласия внутри страны и особенности политической системы совершенно несущественны.

За этот как раз доклад, посланный Александром наверх и доведенный ГРУ до всех высокопоставленных лиц в правительстве, он и получил звание генерала полковника и прибавку в своем регулярно выдаваемом раз в месяц жаловании, за которое он расписывался в особом кабинете на третьем этаже в штабе округа.

В конце эпохи Брежнева досконально изучив обстановку в научной среде Академгородка, после нескольких лет мытарств по институтам и конструкторским бюро заводов, при частом и долговременном статусе натурального советского безработного, после взлета в Академии и провале в личностных отношениях с Президиумом СО АН СССР, после ряда успешных выступлений на конференциях, свободного генераторства идей научного и общественного характера, которыми, кстати, привлек к своей персоне особое внимание агентов КГБ, привлечения к себе интереса и рядовых научных сотрудников за нетрафаретность решений ряда проблем и высокий быстрый интеллект, после многократно повторяемого откровенного шантажа и угроз со стороны руководства с целью все же заставить его работать в соавторстве, или помогать в разработках тем, или принудить еще к каким-то бесплатным вариантам эксплуатации его способностей, даже попыток сделать его инвалидом, что практиковалось иногда в те годы в конструкторских бюро заводов с целью навсегда привязать к заводской работе перспективных, но уже с подорванным здоровьем, научных работников, с угрозой чего он справился посредством своей хорошей физической подготовки (от угроз же самой жизни, которые тоже существовали, несмотря на, казалось бы, интеллигентную научную среду, его оберегало ГРУ, под пристальным вниманием которого он всегда находился, и даже незаметно ликвидировывало особо зарывавшихся в преследовании их агента людей. Их агент был объективно гораздо ценнее многих даже известных в научном мире научных работников), после неоднократных разговоров с паханами партийных структур на уровне исполкома города, откровенно заявляющих, что для того чтобы ему хорошо жить, стать, скажем, заведующим лабораторией, защититься, получить хорошее жилье, и т.д., он должен лично на них работать, быть советни-

ком, секретарем или соавтором в создаваемой тем или иным партийным паханом научной диссертации, после того как он выяснил обстановку в научной сфере страны в совершенстве, он создал под крылом академгородковского райкома комсомола с помощью уважающей и ценящей его за интеллект и нестигаемость молодежи общество по внедрению научных разработок в производство.

Это был первый и единственный удачный, позже категорически запрещенный партийными работниками как «вредно коммерческий» к распространению в стране, опыт создания инновационного фонда в Советском Союзе, возникший, естественно, не без закулисной помощи их агенту от ГРУ. Называлось общество «Маяк». Отдаленным его прообразом являлась структура, которой он занимался в студенчестве, а еще далее общество Й. Фраунгофера в Федеративной Республике Германии, созданное Людвигом Эрхардом в период оккупации Германии союзниками в 1950 году и превратившее разрушенную страну через десяток лет в передовую в научном и технологическом отношении страну мира.

Общество, до того как его закрыли партийные структуры, просуществовало четыре года. Как все Александром Петровым создаваемое, благодаря его способности *запускать процесс*, общество превратилось в жизнедеятельную, мощную и приносящую огромную пользу, пожалуй, даже, большую пользу, чем весь Академгородок, организацию. Уже через год оно включало в себя огромное количество работающих без отрыва от своего постоянного места службы в научных институтах молодых сотрудников, комсомольцев, занимающихся без опекунства старых заслуженных аксакалов внедрением научных разработок в производство, оно обслуживало всю Сибирь и даже европейскую часть страны и Дальний Восток, и все заводы, со своими нуждами модернизации и изобретательства, а также с готовностью пла-

тить за внедрение нужных разработок в производство любые деньги, выстраивались к ним в очередь.

Зарабатывали молодые сотрудники за месяц сразу несколько своих, получаемых в институтах, заработных плат, чем становились материально независимыми и мало управляемыми алчными до их способностей старыми мэтрами, и с энтузиазмом начинали работать на науку и производство. Молодые ученые впоследствии могли, заработав достаточно денег, защитив диссертации и став самостоятельными и материально независимыми, вернуться опять в академию и всю оставшуюся жизнь вести глубоко академическое существование, посвященное чистой науке. Но часть своего интеллекта и своей научной деятельности в молодости они могли отдать насущным нуждам народного хозяйства, и этот их потенциал, это их нетрадиционное и напитанное огромными знаниями видение предмета, их, молодых перспективных ученых, талантливость и направленная на практические задачи мощь умов приносили и могли бы приносить и в будущем народному хозяйству ни с чем не сравнимую, просто колоссальную пользу.

Уже на втором году существования бюджет инновационного общества равнялся бюджету всего города и даже области. Партийное региональное начальство взирало на эту ситуацию в ошалелости, оно не могло себе представить, что еще кто-то, кроме них, может строить новые научно-исследовательские институты, опытные производства, развивать у Академгородка материально-техническую базу и решать, как помочь стране выйти из экономического кризиса. Если бы эти начинания, ностальгически рассуждали тогда старые генералы в ГРУ, были осуществлены в период сталинского времени, этот опыт был бы взят на вооружение, использован со всем размахом на всем пространстве страны, а противники его в виде партийных функционеров, от-

правлены в места не столь отдаленные, и системный кризис разрешился бы сам собою..

Но зажавшиеся самолюбивые бездарности партийного руководства эпохи заката страны на всем протяжении периода агонии вырождавшегося коммунистического режима не могли позволить никому, чтобы кто-то покушался на их права и феодальные наделы в прибранной ими к своим рукам сфере управления.

Фонд был закрыт, опыт предан забвению.

Александр же получил звание генерал-лейтенанта ГРУ за осуществленную акцию. А партийными структурами был определен в психиатрическую больницу — за объявление на научной конференции, не без поощрения опять же того же ГРУ, своих выводов, сделанных на основе математической статистики, об ущербе, который принес стране хрущевско-брежневский период правления некомпетентных людей, сменивших все-таки одаренных управленцев, использовавших для народного хозяйства науку сталинского периода, и который оказался в два с половиной раз большим, чем убыток от всех разрушений, причиненных на всех фронтах, всем воевавшим в двух мировых войнах странам, по обе стороны фронтов, включая Китай и Японию. Вывод последствий некомпетентности существующего руководства страной был столь ужасающ, обвинения столь очевидны, что даже генералы ГРУ не смогли спасти его от преследования партаппарата, заверив только, что преследования не будут угрожать его жизни и будут продолжаться не очень долго. Поэтому, несмотря на то, что никто из ученых, составивших потом комиссию по проверке его доклада, опровергнуть его расчеты не смог, а из психиатрической больницы он вышел с признанием его полной вменяемости, его полгода все равно продержали в тюрьме, где ему, как бы там ни было, каждый день была выдаваема большая стопка писчей бумаги и письменные принадлежности, потому что к тому времени как

разведчик он уже вошел в двадцатку самых мощных экспертов мира по пониманию международного экономического положения, каковыми часто и являются, или рано или поздно становятся, заслуженные работники разведывательных управлений всех стран, всегда комплектуемые из людей неординарных, обладающими исключительными природными данными, в чьем распоряжении еще и находятся все интеллектуальные ресурсы, накопленные школами разведок за все века, а лично в руках Александра был весь инструментарий ГРУ, двести лет работы российской разведки, помноженные на его познания и работу в области математической статистики. И к его мнению прислушивались и его докладов наверху, как бы там ни было, ждали. Причем, ждали не только внутри страны, но и за рубежом.

Он помог коммунистам Польши во главе с Ярузельским в начале восьмидесятых победить польских клерикалов в период так называемого тогда польского кризиса, когда люди бастовали и шли на противостояние именно под эгидой церкви, и только тем, что употребил в сценарии, какого польские коммунисты должны были придерживаться, непобедимый козырь против церковников, заключающийся в напоминании людям, что польская церковь не всегда была уж столь патриотична, как в этот год «борьбы» за свободу от «советского диктата», и не всегда она ратовала за польскую независимость, а, скажем, во время второй мировой войны она даже попыталась дать денег на содержание польских воинских формирований, готовых принести Польше свободу и самостоятельность, в опасении, что при победе людей гражданского светского звания и их славы, она, польская церковь во главе с Папой в Ватикане, потеряет монополию на манипуляции национальным сознанием, и что, если уж на то пошло, только при коммунистах Польша и стала подлинно независимым самостоятельным госу-

дарством. А главный, компрометирующий священников момент был в существующем опасении, что клерикалы могут назло Советскому Союзу вернуть вечно спорную территорию страны — Силезию — назад Германии, которую, считалось, Советский Союз «подарил» Польше после войны. И этот аргумент был уже неопровержим, действие его было разъедающим, и, в конце концов, заряд достиг своей цели, сильно поубавив сторонников секуляризации Польского государства, чем и даровал интеллектуальную победу коммунистам.

А после того как Александр математически доказал неизбежность банковского кризиса восьмидесятых годов капиталистических стран из-за невозврата долгов из стран третьего мира, указав на причины, лежащие в его основе, чем и решил банковскую проблему, и предсказал, куда, в какие очередные страны финансовые магнаты после кризиса в странах третьего мира направят свои капиталы, чтобы опять, совершенно не думая о последствиях и будущем стран, к которым они приходят, наступая на те же грабли и готовя себе очередной кризис, постараются хищнически и быстро на этих странах нажиться, конкретно обозначив, что это будут страны бывшего социалистического лагеря, после этого он стал устойчиво известен и в разведках всего капиталистического мира.

При Горбачеве он еще не раз был использован правительством как информоген и эксперт, очередное повышение он получил за посланную наверх рекомендацию новому партийному руководству размежеваться со старыми маразматизирующими бездарностями и способ, как это сделать, созвав вместо съезда партконференцию, чтобы не обременять политбюро отчетами о проделанной работе, чтобы не утонуть в рутине и пустословии, а сразу добиться трибуны, чего не запрещает партконференция, и высказать мнение. Но потом он скомпрометировал себя и перед горбачевским прави-

тельством тем, что обнаружил, что воинственная бездарность жива и все равно продолжает занимать ключевые места и в новом госаппарате, и когда четко определил в докладах, какие силы стоят за Горбачевым и какой ход событий следует из-за этого обстоятельства ждать, то есть, распад, переворот, обнищание страны. Его опять стали преследовать; какими-то силами он еще использовался как эксперт до 1993 года и в ельцинский период, но в 93 году опять сделался неуютным в связи с его объективным и не понравившимся ельцинским властям мнением о хасбулатовской парламентской республике, после чего в конце 93 года с окончательным разрушением всех государственных структур, когда было ликвидировано и ГРУ и уволены в отставку агенты, являвшиеся интеллектуальной силой России, был уволен в числе других и он, и, как не оправдавший доверия нового режима, даже был снят с денежного довольствия.

Пришедшим к власти людям вопросы наукоемкости экономики, тонкостей политической жизни и решения проблем отечественного народного хозяйства, или, сказать лучше, славянское видение этих проблем, стали даже уже и не интересны.

2

С Аглаей Брешковской Александр Петров встретился в девяносто пятом году на разработках алмазов. В республике Саха. В Якутске.

Он был старше ее больше, чем вдвое, и у него была жена, семья, дети, с которыми он никогда не собирался расставаться, но он впервые столкнулся с женщиной, которая так была близка ему по духу, по мыслям, по перспективе, по интеллекту.

Можно сказать, что это была единственная женщина, которую он должен был искать и найти в жизни, если бы жизнь его не была посвящена служению долгу.

У них происходили такие разговоры...

— Ты ведь не замечаешь того, что своим отношением к женщинам ты полностью обязан Генштабу СССР и генералам Главного разведывательного управления, — говорила она,

Они беседовали в конференцзале фирмы «Якуталмазы», в которой оба тогда что-то делали, что именно, пока не понимали и сами, приехав из разных городов, она после окончания университета, а он после вынужденной отставки, но оба привлеченные интересным расположением дел вокруг якутских алмазов.

— Ты ведь сам говоришь, что тебя с самого детства воспитывали агентки. И что ты только в достаточно взрослом возрасте узнал, кем эти женщины в действительности являлись. Что в пятнадцатилетнем возрасте первой твоей женщиной стала тоже агентка. Которая была тебе дана сначала как учительница плавания. И черчения. Черчения тоже вашего особенного, с изображением всего двумя-тремя линиям смысла сложнейших чертежей, из вашего ненавязчивого разведческого спецкурса. И она стала образовывать тебя и в сексуальном плане, когда время пришло, когда ты созрел, лишь только увидела у тебя возбуждение. Это тоже был спецкурс. А ты не обратил внимания, что женщина у тебя появилась сразу же, как только ты стал способен, без промежутка, не дав тебе времени даже соскучиться. Ты не считаешь, что это очень знаменательно? У вас это дело вообще, как я понимаю, не принято пускать на самотек. Это самое главное средство управления. Оно у вас всегда как средство. Средство воздействия. Средство поощрения. Вы же заформированы. Вас дрессируют, можно сказать, как умных животных куском мяса, через секс. В вашей сугубо мужской игре секс вообще расценивается только как заслуженное удовольствие, как вознаграждение. Как плата за достигнутое.

— Ты не преувеличивай. Все разведчики имеют семью. Но это вторая часть жизни. Только вторая, — отвечал он, удивляясь тому, что на самом-то деле он никогда не задумывался на эту тему, именно об этом-то он никогда и не думал. — Часть, очень важная для продолжения рода и необходимейшая в личной жизни, я и изучал этот вопрос в научном плане, и познал на опыте: семейная жизнь и секс — это огромнейшая сфера, важная и нужная, без супружеской жизни невозможно, как для мужчины, так и для женщины, а вдвоем они продлевают друг другу жизнь. Но нас так воспитывают. Первое — это служба, страна и служение ей. И я и сейчас не сомневаюсь, что так и должно быть. Сначала интересы системы, всей структуры, а потом индивидуальных личностей. Потому что без сохранности структуры, личности и не могут жить, сообщество личностей не выживает. Только на втором месте — продолжение лично своего рода. Причем, действительно, достойная и красивая женщина должна и доставаться достойным. Если в этом помогают государственные структуры, они помогают естественному отбору. Это тоже важно. Чтобы было хорошее потомство. Это тоже государственное дело.

Они приехали в Якутск почти одновременно. Шел обвал страны. Получив диплом и не обретя распределения, не найдя себе никакого применения, Аглая двинулась к себе домой и не доехала. Еще в Иркутске она занялась огранкой алмазов и занималась до той поры, пока не встретила генерал-лейтенанта в отставке Петрова, еще нестарого и полного энергии человека, полного, к тому же, еще и какой-то скрытой таинственной, плохо распознаваемой силы, какой-то харизмы, поразившей и привлекшей ее с самой первой с ним встречи, который тоже приехал в Якутию, ведомый каким-то шестым чувством. Действительно, там и им обоим было на что посмотреть и в чем удовлетворить свое любопытство.

Это было время, когда в стране можно было делать все. Не было властей, не было законов, не было милиции. И от полной анархии и гибели страну, можно с уверенностью сказать, тогда спасала лишь сохранившаяся в людях добродетельность. Какие-то тормоза. Накопленный за десятилетия страх неблаговидного поступка. Рядовые люди еще не бросились грабить магазины, банки, проворачивать аферы, воровать друг у друга последнее и сбиваться в банды, этим занимались люди уже подготовленные и у которых как раз и не было тормозов никогда и для которых наступил золотой век, а рядовые ограничились лишь слабым растаскиванием своего родного и к тому времени намертво остановившегося производства, считая его принадлежащим себе по полному праву. Что и было в какой-то степени верно. Тем более, что они на это производство, хотя им уже давным-давно не платили зарплату, продолжали каждый день ходить на работу. Но это были хищения только на своем мелком, бытовом заводском уровне. Правда, в силу того, что расхищение происходило с размахом по всей стране, это приносило существенный урон всей экономике, когда даже со столбов снимали для сдачи в цветмет электропровода, оставляя целые города и поселки без электроэнергии. Что в истории уже бывало, когда мужик по наивности с железнодорожных рельсов на грузила гайки скручивал... Но это все равно не шло ни в какое сравнение с тем, что делали люди без тормозов, люди с криминальным уклоном.

Впрочем, это были золотые времена для людей не только уголовных, но еще и просто толковых, просто неугомонных. Их потом уже поотстреляли бандиты, чтобы завладеть ими нажитым, но тогда для беспокойных и авантюрно настроенных людей тоже дышалось полной грудью. Страну ведь населяли не только строго работающие по найму, но обитали в ней и люди действительно бесшабашные, отчаянные, вечно не находя-

щие себе места, стремящиеся сделать что-нибудь захватывающее и увлекательное воображение, например, заработать миллион долларов, перестроить к лучшему все управление страной, купить атомный ледокол, создать несуществующую отрасль промышленности, переиздать полное собрание сочинений Льва Толстого.

А в Сибири, где люди зимой ходят в густых облаках пара от своего дыхания, а зима там, как сибиряки сами говорят, одиннадцать месяцев в году, а остальное — лето, и где особенно чувствуются русский простор и воля, — там, в Сибири, таких особенно много.

Так что они оба попали в Якутск неспроста... Жизнь, можно сказать, свела их умышленно.

Но, тем не менее, не веря ни в какие предначертания, Александр отстаивал свою материалистическую точку зрения.

— Женщина и мужчина даже на физиологическом уровне — одно андрогинное целое, в половом акте они обмениваются отсутствующими друг у друга гормонами и секретами. Женщина и мужчина друг без друга не могут быть. В институте гигиены я работал одно время над проблемой здоровья ученых. Увлеченные своей работой ученые, увлеченные до упоения, полностью отданные творчеству, без интимных отношений с женами, или с очень редкими отношениями, для которых у них не остается ни времени, ни желания, стареют на десять лет раньше. Они чего-то недополучают. Так что считать, что у тобой названных заформированных разведчиков это наличествует лишь как приписка, было бы неверно. Разведчики тоже ведут нормальную семейную жизнь. Мужчина и женщина обречены создавать одно единое целое, «одну сатану», «одну плоть», не только религиозно или романтически, но и биологически.

— Ты утилитарен, — возражала она. — Как ты утилитарен...

Все, что ты говоришь, настолько практично, что наводит на мысль о полной пронизанности утилитарностью твоего мышления. Вспомни, ты прошел выучку на опыте твоих коллег по решению пресловутого Чехословацкого вопроса 1958 года. За решение которого твои наставники получили ордена. Как ты с восхищением рассказывал о рекомендациях по выходу из кризиса в Чехии, как ты с упоением говорил о совете твоего шефа уничтожить контингент НАТО, оккупировавший в том году Судеты, бывшую некогда немецкую территорию, и о том, что основным условием благополучного исхода дела твой шеф ставил: никого не брать в плен. Что в конце концов и было осуществлено. На самом деле, в Чехословацких Судетах был уничтожен весь контингент НАТО, оккупировавший спорный район, и в плен никого не взяли, и страны НАТО не смогли даже что-то по этому поводу возразить, даже по СМИ сообщить, потому что официально войска НАТО рекламировались как исключительно оборонная организация. И действительно больше никаких попыток пробить брешь в соцлагере и пересмотреть границы, принятые на Потсдамской конференции, у НАТО не было. Торжество полное, не считая людского контингента.

Что-то делают такое с вами, что вы начинаете думать только глобальными проблемами. Не учитывая людей.

— Мы учитываем нужды родины. Это несколько разные уровни. Страна, государственные интересы важнее, они всегда должны быть на первом месте, люди народятся, ты не забывай, я из потомственной семьи разведчиков, нашему роду не одна сотня лет. Мы, военные, принадлежим к другому сословию. Сословие кшатрий не понимает купцов.

— А может ли военное сословие понимать, что такое любовь?

3

Они расстались, так и не доставшись друг другу.

Целый год они притирались и искали пути к физической близости, вернее, он искал оправдание ей, слишком она была молода, но специально только к установлению близости он не вел. И она, несмотря на просто катастрофическое влечение к нему, как к единственному в мире настоящему, встреченному, наконец, ею, мужчине, мужчине, о котором она вздыхала по ночам, она не могла никак позволить себе последнего шага навстречу. Их отношения курсировали от состояния полной вражды до полного взаимопонимания, то врозь, то друг к другу. Он считал, что она как раз входит в возраст, когда женщины становятся настоящими женщинами, как переходный возраст подростка, когда он начинает противостоять всем, сопротивляться любому мнению, бороться за свою независимость со всеми вытекающими последствиями. Она становилась в полном смысле дамой. И поэтому бывала вспыльчива, непоседлива, упряма, иногда вздорна и капризна, противилась любому мужскому влиянию, он видел, что в ней побеждает женщина, и он на это смотрел с пониманием, но такая все же его смущала. Потому что он знал ее и другою. И ждал, что та вернется. Потому-то отношения у них складывались не особенно мирно.

Когда они расставались с ним, расставались, надорвавшись уже в поисках общей точки, навсегда, причем, по его инициативе, он сказал:

— Иди, набирайся опыта. Я тебя отпускаю, живи.

Как будто она еще была совсем маленькой девочкой.

— Возвращайся, когда повзрослеешь. Могу поспорить, ты еще вернешься.

Она ушла. И возвращается до сих пор...

Глава третья

1

ЕКАТЕРИНБУРГ

В свою гостиницу, расставшись с ребятами, я иду в одиночестве.

Я вообще люблю быть одна... Люблю одна жить, одна гулять, одна думать. Это для меня нормальное состояние. Если бы это было возможно, я бы, пожалуй, большую часть жизни проводила в затворничестве. Как бы это, может быть, и ни прозвучало на первый взгляд парадоксально. Но, увы, жизнь — это есть коллективные действия. Это сообщества, это социум.

Я бреду по улицам родной страны и смотрю по сторонам. Кроме белых, покрытых от морозца изморозью деревьев, и людей, завернутых в шубы и теплые вещи, так разительно отличающихся от людей европейских стран, чувствуется какая-то еще особая аура. Аура своей страны. В которой я родилась. И которая все равно останется мною любимой.

Я бреду по улицам одна, радуясь огням, проходим, изморози на деревьях, морозному воздуху, вырвавшимся изо рта при дыхании облачкам пара. Своим мыслям, приходящим неведомо откуда, так что даже и не знаешь, действительно ли они твои. Фантастике межчеловеческих отношений, складывающихся с любой человеческой особью, с любым встречным человеком, с которым ты обменялась на дороге лишь взглядами, после чего у вас на каком-то неведомом уровне сознания происходит контакт, какая-то часть тебя помимо твоей воли вступает с какой-то его или ее частью в теснейшее соприкосновение и обменивается каким-то неведомым для вас обоим содержанием, о котором ты только догадываешься по тому обилию впечатлений, что оставляет после себя каждый встреченный человек. Радуясь

особенно еще и потому, что это происходит в стране, в которой ты проводишь нельзя сказать чтоб большую, но все-таки существенную часть своей жизни, и которую как бы там ни было, считаешь своею. К тому же, когда у тебя, в сущности, очень мало людей в жизни для общения, до той степени, что бесконечно интересен тебе любой человек... ведь, как ни глупо и сентиментально, но это же соотечественники...

— Девушка, вы свободны? У вас есть время?

Передо мной стоял высокий молодой человек.

Я, видимо, растаяв в компатриотическом чувстве, расслабилась до той степени, что перестала изображать неприступность на лице. Обычно я такое делать не забываю, и ко мне решаются обратиться очень редкого плана люди, в конце концов, научаешься за жизнь держать себя так, чтобы чувствовать себя независимо и свободно. По крайней мере, защищенной от досаждающего внимания случайных прохожих. Но тут я, увлекшись обменом содержанием с другими людьми, видимо, увлеклась так сильно, что обменялась чем-то нужным и этому молодому человеку. Передо мной был бесшабашный красавец лет двадцати восьми.

— Могу я вам предложить пойти со мной в театр? В клуб, в бар, в ресторан?

— Нет, простите, я, видимо, ввела вас в заблуждение. Я не знакомлюсь с мужчинами на улице. И потом, я действительно никуда не хочу сегодня идти.

— Мы бы могли...

— Я вас прошу... Это не кокетство... Не будьте навязчивы. Я ничего не хочу.

Молодой человек оказался неглупым.

— Тогда примите мое восхищение.

— Благодарю вас. И вам всего хорошего. Вы очень добры...

Я продолжаю идти по центральным улицам, теперь, правда, уже настороже, но, тем не менее, все так же

с любопытством глядя вокруг. Екатеринбург очень строится. Страна моя вся строится. И много красивых новых зданий. Они зачастую очень хорошо вписаны в старый стиль. Не повсеместно, но все же чувствуется гармония. И хотя промышленность в упадке, и люди бедны, и жизнь бедна, а вот, поди, ж ты, подчас строятся такие красавцы. Пусть рядовые люди в этих красавцах не живут. И в них располагаются зачастую коммерческие и увеселительные заведения, так, какие-нибудь банки и газпромы. Но так всегда было, что красоту и дворцы начиная с пирамид, строили неимущие люди, нуждающиеся в заработке, в деньгах на одежду, на кусок хлеба, за счет каких и создавалась, в общем-то, всегда история. Именно не обладающие несметными богатствами создавали цивилизации, культуры, произведения искусства, а созидали все это люди по всем меркам по сравнению с богатыми людьми обездоленные. Именно среди них были и реализовывались таланты, гении, мастера, поэты, художники, зодчие, трудом которых жили и плоды труда которых потребляли редкие власть имущие.

Нужда и труд делают людей великими. Может быть, теперешняя наша нужда по сравнению с другими развитыми странами — это и есть наша выгода, наш резерв, наше спасение. Ведь только у нас, если нас отнести к европейцам, это еще и осталось, у нас только еще и есть жизнь, жизнь естественная, натуральная, та, которую только и можно назвать жизнью, а не прозябанием. Не пятизвездочная заштампованная жизнь богатого Запада в вечном предвкушении очередного безмятежного отдыха, тихого физиологического мления организма в роскоши и неге на горячем песке. А такая жизнь, когда люди ходят к соседям, чтобы попросить соли, занять друг у друга до зарплаты сторубливку или головку лука, когда копают огороды, и этим только обеспечивают себе неголодную жизнь, когда напрягаются, чтобы содер-

жать семью, когда себе строят маленькие садовые хибарки, а для других — небоскребы, чтобы на заработанные деньги дать детям образование. Суется, выкручиваются, как-то планируют будущее, что-то изобретают, создают. Созидают великие вещи, которые потом Штаты покупают вместе с производящей эти великие вещи головой. Живут малым сим, сопротивляются угнетению, возмущаются, устраивают революции и своей жизнью участвуют в историческом процесс. То есть, в созидании живой жизни на земле. И этим и помогают ходу истории.

И хотя я и принимаю все трудности и как бы ужасы жизни именно как жизнь естественную, и соглашаюсь, что именно только такая и является двигателем прогресса и в предстоящих катаклизмах, само собой разумеется, выживет только сильное и неизбалованное жизнью и комфортом современной цивилизации племя, не пребывающее в стагнации от сытости. Рассуждаю до такой степени, что считаю преимуществом то, что у нас медицина относится к старым людям по-свински, как нигде не Западе, даже не увозя в больницы больных и оставляя дома умирать, что народ не надеется ни на государство, ни на суды, ни на то, что его защитит милиция, как бы там ни было, это наше преимущество. И хотя я рассуждаю вот так, трезво и цинично, тем не менее, с высоты своей европейской обеспеченности я ощущаю, как и все обеспеченные люди, жалость к людям, влачащим у нас в стране жалкое полунищенское существование. Особенно ощущаю жалость к теперешним старым людям.

Все эти мысли, примерно в такой последовательности цепляясь одна за другую, навозникали у меня в голове, когда я остановилась около опрятной, но старомодно одетой старушки, стоящей около дверей богатого супермаркета с протянутой рукой. Вполне интеллигентного вида старушка. Это же через что

надо переступить интеллигентному человеку, чтобы встать на улице на углу и протянуть руку?

— Для себя? — спросила я.

— Нет, для внука.

— Болен?

— Наркоман.

— Так откровенно?

— А что скрывать?

— Устали бороться?

— Честно сказать, да.

— Вы хотите его вылечить?

— Об этом я уже и не мечтаю... Мне бы хотя бы его просто поддержать...

— Вы, наверное, были учительницей?

— В какой-то степени. Я преподавала в университете. Кандидат математических наук...

Со всех углов в глаза бросается реклама. Это характерное новое, достаточно еще новое, вступающее в диссонанс со старой жизнью, в стране явление. Екатеринбург на рекламу богат. Конечно, не сравнить его с Москвой, но и здесь реклама представлена в изобилии, все те же московские названия, все те же голые коленки. А по уровню откровенности и эпатажности, видимо, даже стоит на одном с Москвой уровне.

Я думаю, что сейчас ни в одной стране мира в рекламе не содержится столько подтекста. В этой стране это еще, видимо, не приелось. Либо это говорит об особой пылкости моего народа...

Зубную пасту надо рекламировать обязательно в обнаженном виде. Колготки обязательно с обнаженной верхней частью туловища, ну а детское питание сам Бог велел рекламировать голой матери, держа своего тоже голого дитя у своей голой груди. И даже металлочерепицу для крыш должна рекламировать тоже

женщина, причем, так, чтобы можно было снизу что-то подсмотреть.

По-хорошему, это мне должно нравиться. Раз даже в черепице людям мнится «шерше ля фам». Раз, чтобы привлечь к чему-то внимание, людям приходится обязательно рядом ставить женщину. Пусть в соблазнительном виде, но именно женщину, а не что-то иное, то и получается, что главное на земле — это я. Что это самое что ни на есть на земле значительное... Самое значительнейшее. Казалось бы, все это преклонение есть лишнее подтверждение того, как в современной жизни мой пол востребован!.. И, казалось бы, я, как женщина, должна быть от этого в восторге, это мне должно нравиться, тем более, что в этом плане мне несложно многого достичь, но вот ведь не в восторге! Я — не в восторге! Мне это не нравится. Потому что как-то все получатся, что мы, женщины, являемся вынужденно задействованными в каком-то странном мероприятии. Являемся средством в какой-то сугубо не женской и плохо понятной тайной игре, сугубо мужской игре. В которой женщина с виду королева, а на самом деле невольница, не имеющая возможности выйти из отведенного ей какой-то внешней силой, очерченного сформированного в общем-то теми же мужчинами порочного круга. Мы должны позировать мужчинам в их журналах, мы должны для оживляжа раздеваться в фильмах, чтобы привлечь внимание к какой-нибудь кинематографической галиматье, мы должны демонстрировать какую-нибудь часть своего тела на обложках книг, чтобы прикрыть скудное содержание, мы должны рекламировать стиральные машины и микроволновые печи, чтобы сформировать сбыт, мы должны рекламировать кремы, как бы очень нужные для кожи наших лиц средства, каковые на самом-то деле есть разврат организма и атрофирование его естественных способностей к регенерации и приучение кожи к кремам, как к допингу. Но раз считается, что так нужно, раз

считается, что приучение нашей кожи к кремам приносит хорошие деньги, то это значит и хорошо. Мы должны пропагандировать как бы необходимые нашим волосам специальные шампуни, чтобы каким-то микроэлементом опять подсадить наши волосы навсегда на иглу, гель для лица, в котором как бы видится необходимость.... И получается, что совсем и не я, женщина, главное! То, что главное в мире женщина, — это миф. На самом деле главное — это товар, деньги! Чисто мужская сфера деятельности. И женским абрисом на этикетке, и вечно присущим человечеству зовом пола вся эта действительность только прикрывает откровенное практическое стремление к главной цели: создать какому-то товару хороший сбыт. Вот и вся необходимость женщин! Все поставлено с ног на голову. И рассуждения о том, что в развитии цивилизации повинна женщина, что все делается в мире для нее и ради нее: и войны, и завоевания, и все шедевры, все достижения, начиная с похищения Парисом Елены, все эти «шерше ля фам» — подобные рассуждения сильно преувеличены. На самом-то деле, все делается — для дела! В этом мире не до женщин вообще да и не до мужчин тоже. Не до человека в принципе, если уж сказать по правде, мужчин тоже не существует. Не я, как любая человеческая единица, главное, а главное — товар, стоимость, и мы к ним всего лишь слабое приложение...

Я отвожу взгляд от мигающей рекламы вниз.

— Скажите, — говорю я бабушке, — а что если я дам вам сейчас, допустим, тысячу долларов, поможет это в вашей ситуации?

Бабушка испуганно вскидывает на меня глаза. Я и сама удивлюсь тому, что сейчас сказала. Приходится взять себя в руки.

— Я думаю, что не поможет, — говорю я сама. — Чему быть, того не миновать. Ведь так? — уточняю я. — Жизнь, она ведь развивается по объективным законам,

чуждым жалости и сердоболия, и в чем-то должен ведь содержаться стимул к движению и развитию, согласитесь, что во многом он заложен в несчастьях людей, а что до ненужных и отбракованных, то... Естественный отбор. Так ведь, кажется, это звучит, с точки зрения вашей же теории множеств? Надо посмотреть на этот эпизод как бы со стороны, как всего лишь на одно звено во множестве других. Несмотря на то, что ваше сострадание тоже где-то, видимо, необходимо для какого-то процесса, ничто не происходит просто так, точно так же как и то, что я имею возможность помочь вам деньгами. Как бы там ни было, вот они, я их вам вручаю. Не благодарите меня, я даю вам их не от желания вам добра. Проблематично решить, что здесь есть добро... Я даже не могу пожелать вам выбраться из данной ситуации. Видимо, это есть ваша карма, и тут ничем не помочь. Допустим, это и моя карма, в том, что я в состоянии вам эти деньги дать, и вы почему-то попали мне на пути, и я это делаю. Все что-то да значит. Случайность, как известно, — проявление необходимости, не правда ли? Как бы там ни было, с вашего позволения, я пойду. Вот, пожалуйста...

Я протиснула в карман старенького бубушкиного болоньевого пальто приготовленные совсем для других нужд деньги и пошла своей дорогой. Через какие-то несколько секунд я затерялась в толпе.

Жалко, конечно, денег. И красивый этот жест мне никакой выгоды не приносит. Тем более, что абсолютно без всякой пользы. Ни для людей, ни для упомянутого процесса. Впустую. И не такие малые деньги это для меня, чтобы уж так разбрасываться, что и говорить.

Но стоит только преодолеть себя, особенно когда бесполезно, и красивый жест мне ничего не несет, и с утратой смириться, особенно именно когда все как раз бесполезно, то какое-то вдруг сладостное радостное чувство охватывает тебя, как будто ты уже наполовину

вознеслась над суетою. Чувство счастья, чувство невыразимого восторга. Как мало все-таки человеку для счастья надо. Как мало для этого сделать надо. Лишь такой пустяк. Отдай какую-нибудь малость своему ближнему, и вот оно...

2

...И даже не только наличие вездесущего эротического момента в рекламе меня раздражает. Мне не нравится этот навязчивый эротический момент вообще во всей теперешней мужской культуре. Именно в том, что он мне якобы должен нравиться, я и чувствую какой-то подвох, меня это пугает... Я чувствую тут ловушку. Ведь не меня заставляет эта вездесущая половообразная атмосфера, по определению должна возбуждать мужчин, вожделеть, а лишь мою самую малую малость. Не шерше ля фам надо было бы сказать, глядя на всю эту эротическую возню, а скорее, шерше ля вагина. Меня нет, есть только пол, мое половое место. И радоваться этому всеобщему вожделению? Во мне достаточно гордости, чтобы понимать всю товарную сторону этого явления и такому вожделению противиться. Никто меня не вожделеет. Я абстрактная единица, на моем месте может быть любая другая. Это как некоторые жены в какой-то период жизни подчас подогревают мужей порнофильмами, после чего те делают на жен стойку — раз под боком больше никого нет. Но если считать, что в мире есть лишь вот такая арифметическая обусловленность, такая статистикой подкрепленная роботообразность и взаимозаменяемость, такая двужначная компьютерная предопределенность, такая вычисленная любовь, то, Боже мой, как гнусен мир! Как в мире гнусно жить!.. Да и стоит ли в таком мире жить?! По мне так вообще не стоит. В этом их мире жить совсем не стоит. И это было бы действительно так, если бы мир только

их миром и ограничивался, если б на их мире и заканчивался. Но, слава Богу, этого нет. Настоящий мир их миром не исчерпывается. Настоящий мир гораздо шире, красочнее и богаче, чем исчисляемая только цифрами товарная стоимость какого-то очередного утилитарного эротического процесса. Суетных конвульсий на поверхности конвейерной ленты.

3

Рано утром в номере гостиницы раздается телефонный звонок.

— Здравствуй, любовь моя! — слышу я приветствие в трубке.

— Здравствуй, Саша, — отвечаю я.

И как бы там ни было, несмотря ни на какие тысячи километров между нами и несмотря на то, что последний раз мы разговаривали несколько лет назад, несмотря на то, что мы никогда не были близки и, наверное, Боже мой, наверное, никогда и не будем, при звуках этого голоса от радости у меня просто останавливается сердце и становится жарко в груди.

— Где ты? — произношу я, и чувствую, что голоса у меня не хватает..

— Я на озере Ханка. Встречаю весну. Светит солнце, идет гусь. Цветет маральник .

— Чего тебя туда занесло?

— Такая работа.

— Я тебе желаю не простудиться.

— Ты еще не надумала родить от меня ребенка?

— Саша, об этом думать надо было раньше, — смеюсь я, — когда я была от тебя без ума. Теперь я стала более мужчиноустойчива.

— Но помни, что если ты идешь к своему расцвету, я неуклонно спешу к своему закату. Меж нами слишком большой возрастной промежуток. А хотелось бы, что-

бы ребенок был крепок и здоров. Тебе надо успеть.

— Ты все так же правильно практичен и в себе уверен.

— Я служу самой правильной и Богом избранной стране. Еще бы я не был в себе уверен.

— Не обманываешь ли ты себя, когда называешь нашу страну самой правильной?

— Нисколько.

— И не самообольщаешься ли, когда говоришь, что ты знаешь, что такое Бог? С твоим-то практицизмом. С твоим-то материалистическим взглядом на мир?

— Я жду твоего ко мне возвращения.

— Саша, не будем об этом...

После разговора я еще некоторое время лежу в постели.

Плакать я себе давно уже запретила. Вернее, даже отучила. Когда в жизни встречаешься и расстаешься с в достаточной мере большим количеством мужчин, позволять себе плакать — была бы уж слишком nepозволи- тельная роскошь. Тогда бы, как говорят в Японии, мой рукав был бы вечно мокрым от слез.

Говорят, когда теряешь умение плакать, закрывается сердечная чакра. Может быть, в этом и есть доля истины. Может быть, это пресловутая чакра на самом деле каким-то образом закрывается, и ты перестаешь воспринимать мир в полном объеме. И порой я даже сама чувствую, что нахожусь на какой-то грани, после которой я могу стать просто стервой. Но если бы я продолжала постоянно плакать, как в этом мире я смогла бы жить?..

Проснувшись окончательно, как во всех местах в мире, где я живу, я совершаю, что называется, обживание выделенного мне места. Научившись уже считать одиночество нормальным состоянием, которое только и стоит желать, я делаю то, что любое место в мире де-

лает моим домом. Я очень медленно пью кофе и смотрю в окно. На снежинки, на капли дождя, на чистое небо, на хмурые тучи, на летающих птиц, на чирикающих воробьев, на распускающиеся листочки, на увядающие цветы, на царапины на наружной стороне оконной рамы, ясно проступающие в утреннем свете. Вряд ли я о чем-нибудь думаю в это время, о чем-нибудь определенном. Затрудняюсь сказать. Я созерцаю. И умиляюсь, и восхищаюсь. И если у меня есть эти пятнадцать-двадцать минут с утра, что бы там ни было, я наполняюсь радостью и любовью, и весь день я добра и человеколюбива...

Утром же меня находит письмо от Ренаты. Я включаю в номере свой компьютер и достаю из него почту. И понимаю, что оставаться в Екатеринбурге надолго мне не придется, поскольку мне не избежать на этот раз поездки в Москву.

Глава четвертая

1

МОСКВА

На земле есть все же место, где я чувствую себя наиболее комфортно. В Москве, в одном из далеких спальных районов, у меня есть квартирka в новостройке на девятнадцатом этаже. Двухкомнатная квартирka, затерявшаяся среди тысяч других квартир и совершенно незнакомых мне людей. И где все мое. Начиная со штор на окнах, которые я когда-то сама шила, и кончая старой допотопной кофеваркой, которой пользовалась еще моя мама.

Еще раз повторю, что по складу характера я интроверт. Мне легко месяцами находиться в одиночестве, ни-

какой скуки в это время я не ощущаю. У меня есть периоды, когда я еще и сексуально абсолютно пуста, и тогда я забиваюсь в какую-нибудь норку, и меня не вытащить из нее даже клещами. Меня в это время не беспокоит вообще ничто, мне ничего от мира не надо. Я нахожу в себе легкость необычайную. Как бывает во время строгих диет. И столько во мне энергии и сил!.. А на мир в это время смотрю с недоумением и жалостью.

Я хожу по своей квартире, мою окна, пылесосю пол, гуляю или бегаю в граничащем с нашим микрорайоном лесопарке, уходящем вообще куда-то в немыслимую даль и превращающемся где-то там вообще в дремучий лес. Делаю гимнастику. Кстати, я не сказала о себе, видимо, чуть ли не самого главного, что у меня по современным меркам идеальная фигура. В свое время я даже сделала себе имя, став, пожалуй, самой юной манекенщицей страны на показах новых мод. Я подрабатывала в этом деле с одиннадцати лет. Меня ценили за длину ног, за умение держаться. Я была фотогенична, появлялась во всех журналах, имела своих почитателей, свою аудиторию, была нарасхват. Но, как и все, это занятие тоже мне быстро наскучило, даже не то что наскучило, но я его изросла. То есть, я поняла, что встала на какие-то рельсы, мне предстояло двигаться уже только в определенном налаженном направлении, все для меня было уже благоприятно предопределено, достаточно моей фотографии на обложке журнала, чтобы новое подростковое изделие пошло. Работать на потребу взирающей мужской публики, и, как на подиуме или в стрептиззале, больше уже ничего не оставалось, оставалось только давать себя и давать. Это с моей-то гордостью. Само собой разумеется, во мне это вызвало совершенно негативную реакцию. В тринадцать лет я перестала вообще появляться на подиуме. Не отвечала на звонки. Прекратила встречи с модельерами.

Поэтому если я и продолжаю поддерживать свою фигуру в хорошей форме и время от времени налегаю на упражнения и тренинг, то делаю это уже, можно так выразиться, для себя, ну и еще из принципа. Заставляя себя и строя. Раз Бог мне это даровал, я обязана это хранить и поддерживать в нужной форме. Ну и конечно, я делаю это еще и с тайной надеждой, что когда-то это все-таки и ему пригодится....

Потом я еще читаю книги, размышляю, пишу...

Часто я выезжаю в город.

Иногда прохаживаясь по центральным улицам и роскошным старым переулкам со своей историей и традициями, насыщенностью культурой, по малым переулкам в центре. Я люблю Москву. Москва — всегда Москва. И радуется, что деньги в ней все же значат еще не все. Как бы на первый взгляд заявление это нелепым и смешным теперь не показалось. Она все так же продолжает оставаться в какой-то мере бескорыстной и чистой. Подобное только в Москве вообще еще и сохранилось. В мегаполисах такого нигде уже нет. Это сохранилось опять же в каких-то тихих улочках, вокруг маленьких церквушек, у старых парков, в запущенных двориках. Насколько это хорошо, я не буду сейчас судить, но главное, что это есть. Это ее лицо и особенность, в этих переулках и люди совсем другие живут.

Я люблю ауру православия, задавленную хищным зверем современной цивилизации, ауру старой Москвы, есть в старом городе такая аура, которая всегда была чужда шума и суеты. Я люблю скрипку. Я люблю фортепиано. Чтобы послушать иной раз скрипичный концерт, я выезжаю в центр. Москва сейчас стала опять очень насыщена в области культуры. И пусть не в той степени, как раньше, но она продолжает оставаться подвижной и в сфере искусства.

Блаженное состояние, и длиться оно может достаточно долго.

Но на этот раз я приехала в Москву не для расслабления.

Рената меня вызвонила, как только я заявилась домой.

«Любимая, — оставила она мне сообщение на автоответчике, — кроме тебя, просто не на кого больше положиться. Суть вопроса в том, что я затеяла теледебаты на третьем канале и увязла по самое горло. И конечно же, с одной стороны, предполагаются одни оголтелые патриоты, а с другой — одни субтильные личности, ну ты их знаешь, как всегда. Передача будет делаться в четверг. Если ты не поможешь мне, я останусь одна на один с ними, и мужланы победят...»

«Приезжай, — добавила она, когда я позвонила ей по телефону. — Я тебе дам сценарий и список участников».

2

С Ренатой мы старые и единственные друг для друга подруги. Со времен нашей совместной университетской молодости, когда мы только встретились и поняли, что наши точки зрения на мир так близки, как ни с кем больше в мире, до такой степени, что мы, пожалуй, только и есть на свете такие одинаковые, больше никого не найти, — у меня более близкого человека не было. Занимая с ней одну комнату в общежитии, мы говорили ночи напролет и сполна испили сладости первой, что значит и единственной в жизни, человеческой дружбы. И это время наших отношений, пожалуй, были самыми счастливыми годами наших жизней. И пусть мы со временем разошлись в путях, она со временем поддалась искушению, ушла в мир, и сейчас, конечно же, тщетно пытается в нем что-то сделать. Тем не менее, дружны мы остаемся все равно. Может, не так пылко, как в ранней юности, но памяти нашей дружбы мы никогда не изменяем и разделяем победы и поражения друг друга, как

прежде. Многократно она меня вызволяла из трудных ситуаций, многократно приходила ей на помощь и я. Наше общее прошлое мы никогда не омрачали.

Рената меня представила. Член Союза писателей России. Автор многочисленных социологических статей в научных журналах, внештатный сотрудник отдела критики газеты «Литературное обозрение», автор ряда пьес и романа «Красотка».

Я лишь улыбнулась.

— Свободный художник, — добавила она. Так она всегда заявляет. — Свободный по жизни и по судьбе...

Я поклонилась.

В студии были представлены две силы, с одной стороны, в основном, военными и людьми, прошедшими Афганистан и Чечню, это были патриоты, а с другой стороны, были одни лишь, считай, женщины из Комитета солдатских матерей. Ультрапатриоты, с одной стороны, защищающие институты государства, общественные ценности, а с другой — матери, не желающие отпускать своих детей в армию и защитницы дезертиров, которые если и выступали, то несли полную чушь. Прогрышная ситуация. В диспуте участвовали два депутата, один с патриотической точкой зрения, главный демагог нашего депутатского корпуса, который, надо отдать ему должное, когда в моду вошли политики, первый лучше всех усвоил, что политик — это, прежде всего, артист, грубо говоря, клоун, и тем он признаннее, чем характернее исполняет взятую и понравившуюся аудитории роль. Сейчас он был патриотом. И уже который год толкал заведомо несбыточные проекты, потрясая воображение населения. А второй депутат, его дуэлянт, особо слабое звено, — наша вечная девица уже пожилого возраста, вечная диссидентка и романтическая натура, романтически влюбленная во все американское, с проамериканскими замашками, вполне ис-

кренняя, хотя и карикатурная до мозга костей в своей наивности и восторженности, пародийная личность, в чем-то даже дура, и она-то и должна была противостоять произволу государства. Явно слабое звено. Наш демагог даже не особенно витийствовал, сидя напротив нашей искренней дуры. Поскольку было видно, что она слаба, ему это было неинтересно. Он пару раз поддел ее, один раз высмеял ее пять лет лагеря за диссидентство, сказав, что этого у нее в жизни и не было, что она просто провела время на картошке, а что касается политики, то просто книг начиталась, но вскоре он замолчал намертво, ибо ему было со слабым и неагрессивным противником скучно. Он успокоился, оставив старую деву на съеденье залу. А зал щетинился, как мог.

— Патовая ситуация, — шепнула Рената, — будет полная белиберда, к бабке ходить не надо...

А искренняя, тем временем, продолжала говорить.

— Надо было уйти и оставить Чечню в покое.

— Вот бы обрадовались в Соединенных Штатах, — слышались возгласы из зала. — Как бы вы, пятая колонна, им помогли. Этим бы вы честно отработали их деньги.

— Пропуская ваши оскорбления по поводу денег, я подчеркиваю, что в данном случае я всегда отстаивала интересы только чеченцев. Я считаю, что чеченцев надо простить.

— И позволить продолжать безнаказанно совершать теракты.

— Не надо было вводить туда войска, — говорила старая девушка. — Наша партия предлагала в свое время свое решение чеченской проблемы. Надо безоговорочно вывести из Чечни войска и начать диалог с чеченским народом. Даже сейчас дать им фору, показать пример.

— Такое мы уже проходили. Мы показывали пример. После чего чеченцы стали похищать наших людей и ис-

пользовать их как рабов или как заложников. Зарабатывать на них деньги. Вы хотите, чтобы они делали подобное и дальше?

— Вы говорите, чеченцы, но это делал не весь народ.

— Но вы не можете отрицать, что это было? И что чеченский народ, чеченское правительство не могли этому противостоять или не хотели. Как не могли прекратить авизовую интервенцию и разгул криминала, вылазки их боевиков на нашу территорию.

— Но для пресечения этого не требовалось вводить туда войска.

— Это уже набило оскомину, может быть, и не требовалось. А может быть, требовалось ввести по-другому. Не так бездарно, как делало наше руководство. Но не делать ничего — это тоже гибель, ждатель, как защищенные суверенитетом террористы будут разрушать нашу страну?

— Нашу страну разрушаем сами мы. Мы виноваты перед чеченским народом всей своей историей. Чтобы судить других, надо прежде познать самих себя.

— Мы лично, здесь сидящие, ни в чем не виноваты перед чеченским народом. И если они пострадали в свое время от того режима, то от крутости той власти страдали и все остальные нации, и русские в том числе.

— Но чеченцы более всех. Их лишили родины.

— Как таковой родины были лишены все. А уж русский народ в первую очередь, над ним как раз, прежде всего, и проводили все эксперименты.

— Но русский народ хотя бы не депортировали, как чеченцев, у них была своя земля.

— Мы будем выяснять вопрос, кто из нищих кому должен? Кто больше пострадал? А потом депортация тоже была проведена не без причины, может, имеет смысл рассмотреть и этот вопрос?..

— Это вообще уже безнравственно.

— Ну конечно, безнравственно. Нравственно, когда чеченцы сотрудничают с гитлеровской Германией, нравственно, когда отстреливают наших парней. Когда наших парнишек содержат в ямах и ждут выкупа, убивают и вешают. Наши виноваты всегда и во всем. Виноваты в том, что их травят паленой водкой, произведенной на Кавказе. Обрабатывают наркотическими интервенциями. Виноваты, что их развращают порнографией и отсутствием воспитания патриотизма. Нелюбовью к своей стране, переписыванием истории, где теперь значится, что победу над фашизмом одержал не Советский Союз, а ваши Соединенные Штаты. В такой обстановке очень нравственно встать на колени, попросить у всех прощения и всех простить.

— Но уважаемый коллега, я думаю, что никому никогда не мешает встать лишний раз на колени. По-христиански. Это дает хороший пример.

Тут зал уже взъерепенился.

— Да знаете, — очень пылко возразил какой-то наш отмеченный научной степенью патриот, — нам уж лучше вас поставить на колени.

И в своей запальчивости этот выпад выглядел уже вульгарно.

На что срочно пришлось отреагировать Ренате.

— Стыдно, — сказала она, — вы кандидат исторических наук, и на глазах многомиллионной аудитории оскорбляете женщину... Пусть это у нас дуэль, но есть какая-то мера в отстаивании своих принципов. Я лишаю вас в этой передаче слова.

И тут я поняла, что пришло мое время. Я подала Ренате знак, и она предоставила мне микрофон.

— Господин историк, — начала я, — позвольте ответить вместо оскорбленной вами женщины мне, потому что, полагаю, сама она, как надо, ответить не сможет. Что же касается меня, то мне встать на колени — это едва не самое привычное занятие в жизни, — я откинула

волосы со лба и села прямее. От чего бедный патриот сразу опустил глаза. Я уже заметила, как все эти смелые воинственные люди больше всего на свете боятся женщину. Может быть, они и воюют-то исключительно для того, чтобы доказать себе самим, что они не трусы, что они тоже в чем-то могут быть отчаянны. Но самый главный страх представляем для них мы. Конечно, проще быть смелым с пожилой старой девушкой, гораздо труднее сказать нечто подобное молодой женщине, которую ты еще по извечному закону природы уже изначально и бессознательно хочешь. Я еще боле усугубила ситуацию:

— Вижу по вашему выражению лица, вы осознали, что для меня ваши слова являются слабой угрозой. — Он даже покраснел. — Поэтому я позволю себе еще несколько слов в вашу сторону. Я тоже, знаете ли, слабая патриотка. И знаете, что я вам скажу... Я тут как-то читала в одной вашей патриотической газете интервью, которое взял один тоже из ваших передовых патриотов-журналистов у лидера чеченского освободительного движения Завгаева, в свое время как бы специально слетав для этого в Лондон, где этот Завгаев скрывался от нашего суда, за что автор, помнится, сполна получил от наших спецслужб за контакт со скрывающимся от нашего правосудия преступником. Так вот, меня в его интервью потрясло следующее... Не его показная смелость, с которой на глазах у множества людей он пошел на риск общения с преступником, а потом еще не преминул сказать, что ему спецслужбы угрожали. А то, что, разговаривая, они, оба патриоты, один русский, другой чеченский, беседа лицом к лицу в своем совершенно искреннем и непримиримом враждебном тоне, во взаимных обвинениях друг друга, еще в самом начале своей беседы оба, синхронно, дружно пришли к одному и тому же выводу, что когда начиналась Чеченская война, было очевидно и для той, и другой стороны, и для

нас, и для чеченцев, что кто-то очень хочет, чтобы эта война состоялась. Оба заявили, что была какая-то третья сила, себя не обозначавшая, но которая и спровоцировала эту войну. Это меня крайне заинтриговало, поразило даже, заставило с жадностью вчитываться дальше, заставило предположить, что они, эти два патриота, если не найдут общими усилиями эту третью силу, о которой мы все подозреваем, но никак не можем найти ее след, то хотя бы укажут правильный путь, направление, дадут ориентир, прольют нам свет на эту тайну. А кому, как не им, действующим воякам, близким к войне, еще и видеть это. Но к совершеннейшему моему недоумению, разочарованию, сделав в самом начале своего разговора такое важное заявление, такой мощный посыл, зачин, важнейший вывод, они тотчас забыли его, закрыли эту тему и начали, как всегда, что называется, «мочить» друг друга, стали собирать мелкие обиды и говорить о своих патриотических вещах, о каких-то спорных вопросах, кто первый начал, кто больше нанес обид и смертей, кто больше пассионарий и так далее, совершенно снизив пафос рассуждений и начав разговор совсем уж о несуразном. О том, кто больше бяка. И, в конце концов, скатились на мелкие оскорбления и сплетни. Понимать, что тебя воевать кто-то заставил, иметь, разумеется, этого кого-то невидимого врагом — и за невозможностью найти его, считать врагами друг друга. То есть, делать как раз то, что этот кто-то, их общий враг, в своих интересах и добивался. Согласитесь, полный абсурд! Но вот так это и было! И так, в основном, поступают всегда все патриоты по всему миру.

— Если уж на то пошло, на свете не осталось уже ни одной святой вещи, кроме патриотизма, — провозгласил из зала лозунг очередной военный оппонент. — Вы сами должны признать, ничего не осталось. Это единственное уже, за что можно ухватиться. Вы, критикую-

щие патриотизм, более высокого ничего представить не можете. Для настоящих людей уважителен патриот любой страны.

— Патриоты всех стран, объединяйтесь, — обратилась я к митингующему. — Это красивое заявление. И все бы хорошо, если бы вами, патриотами, не было очень легко манипулировать. Ведь у вас при слове «патриотизм» сразу включается первая сигнальная система. Если до этого вы как-то еще рассуждаете, то после этого слова уже нет. Это слово действует на вас как красная тряпка на быка. Как ключевое слово для зомби, как код для робота, в вас сразу перестает присутствовать сознание, и вы готовы на все, и вам уже не важны ни мирные жители, ни жертвы, ни дети, ни культура, ни истина, наконец, ни цель вашей войны, вами обуревают только патриотические чувства, и вы в совершенстве выполняете заказ, предъявленный вам вашими хозяевами.

— Какими хозяевами? —

— Которые вами манипулируют. В том-то и дело, что вы не знаете даже их, а хуже того, и не хотите знать. Вам выяснять это неинтересно. Это отвлекает вас от ваших патриотических ценностей. Воевать-то и защищать патриотические ценности гораздо проще, чем думать, для этого всего-то надо подключиться к коллективному бессознательному. Вас дергают за ниточки, а вы это называете сознательным патриотическим выбором ...

В общем, нашу с Ренатой позицию я обозначила.

— Мужланы не победили, — сказала на ухо мне обрванная Рената. И после окончания работы в студии мы пошли в бар.

— Как давно я тебя не видела, — сказала она, и мы поцеловались. — Без тебя такая тоска.

— Я тебя тоже люблю. Во сне ты ко мне приходишь чаще других ...

— Я иногда думаю, что все время, какое мы проживаем раздельно и не встречаемся, — это какая-то глупость, какое-то недоразумение. Вот люди находят друг друга, и не понимают, что, может быть, это единственное главное, что послала им жизнь. А они занимают себя суетой, какими-то планами, строят прожекты, мало ценят то, что им дано.

— Устраивают дебаты по чеченскому вопросу.

— Не язви. Я понимаю, что для тебя это все малосерьезно. Но ведь что-то делать надо. Ты вот хорошо сегодня поставила их историка на место. Ведь какая-то польза все же от этого есть.

— Реник, полно. Ты думаешь, все это имеет значение?

— Откровенно сказать, конечно же, нет. Но ты меня так выручила. Будем считать, что мы все же принесли пользу. Ведь правда?.. Я тебя прошу согласиться. Я не буду спорить с тобой. Я понимаю, что ты все это считаешь бессмысленным... И ты права. Но не сбивай меня с пути, я же стараюсь...

— А может, ты тоже хотела бы попробовать? — Вдруг сменила она тему.

— Реник, не хитри, я ведь тебя не уговариваю уйти от них.

— Я понимаю. Но ведь иногда думаешь, вдруг ты..., и потом что-то удастся все же сделать... и бывает иногда так интересно.

— Это я могу допустить.

— И ведь кто-то должен. Ведь нельзя все отдавать им на откуп. Сегодня вот была пусть маленькая, игрушечная, но победа. Пусть даже для самоудовлетворения. Согласись.

— Может, когда-нибудь, когда выйду замуж, и мне надо будет кормить двух детей, я и соглашусь с тобой. Особенно когда придется помогать делать карьеру своему мужу.

— Ох, не трогай больное место. Ты думаешь, я все забыла? Это как заткнуть уши ватой и закрыть глаза. Но ведь все равно снаружи-то это все есть... От этого не уйдешь... Просто стараешься не вспоминать, и не думать...

— Ты ходишь в церковь?

— Как тебе сказать... мне это не помогает.

— Мне тоже. Но все же ходишь?

— Можно сказать, почти не хожу.

— А сны?

— Ты знаешь, это у меня притормозилось с материнством. Одно время мне было не до того. Сейчас стало проявляться чаще...

— И я почти не хожу в церковь, и мне это тоже почти не помогает, понимаю. Но под утро иногда вижу сны... Они хорошо, утренние, запоминаются. Ладно, что говорить... Расскажи лучше про своих малышей.

— Старшая пойдет в школу. Приходи к нам завтра на обед....

— Конечно. Впрочем, лучше бы мне не ходить. Опять злиться и спорить. Видеть Константина..

— Ты меня стараешься задеть. Я не обижусь.

— Считаю, что это ревность.

— Да ладно тебе, приходи все равно. Надя тебе делает пирог.

— Куда я денусь, конечно, приду.

У нас с Ренатой за наше совместное существование было много чего общего в жизни. В университетские годы, когда она не была обременена двумя малышами, а я не была столь перегружена рефлексией, у нас было много затей, много планов, много вещей, которые касались поисков смысла жизни. И я не договорила, когда рассказывала о сексе, у нас с ней был всякий опыт, это мы тоже познавали сообща, с одними и теми же

мужчинами, и с несколькими мужчинами в одно и то же время, с целой группой мужчин, всеми юношами в своей университетской группе, и, прости Боже, чего только не было за весь наш путь поисков. И ведь не скажешь, что все это так уж плохо, что это, скажем, только свальный грех. Что это только животное, совершенно низкое, постыдное, все гораздо сложнее.... Ведь может и на самом деле любовь к телу переходить на уровень обожествления красоты, а красота полового акта на уровень вечных категорий. И видеть себя в группе с большим количеством юношей, с которыми ты находишься в близких отношениях, и наблюдать, какая у вас всех общность, а нежность, которая витает над всеми, а та неразрывная связь, которая устанавливается только от близости отношений, как в до боли родной семье, в родной студенческой группе! А если я еще даю волю своей памяти и фантазии и представляю, что я, например, между двумя юношами и один обнимает меня спереди, а другой сзади, и я чувствую их обоих в себе, а их ласки и поцелуи по всему моему телу, и от одного малейшего движения одного из нас сладостная умопомрачительная истома пронзает всех троих, или, там, четверых, в живот последнего из которых я упираюсь лбом, а во рту ощущаю ту полноту, какая сродни только полному умиротворяющему насыщению — когда я так фантазирую, я пламенею сразу, так это упоительно, так умопомрачительно, так захватывающе, что судорога прокатывается у меня по животу и кажется, ничего не может быть на свете еще сильнее.

Но зачем, зачем такая радость дана от этого человеку? И если это так хорошо, почему мы стараемся всей человеческой культурой сказать, что это плохо?..

3

Хотя я прекрасно знаю, почему плохо.

Потому что иначе не познать другое...

Поэтому-то я теперь и не даю своей фантазии воли. Раз уж я выбрала другой путь. Фантазию я себе запретила.

Чтобы познать другую сторону, надо себе запретить первую. Иначе ни до чего не добраться. Абсолютно все религии, любая эзотерическая наука об этом толкует. Все они накладывают на секс либо ограничения, либо вообще табу. Потому что половая энергия — это основа основ. Это вверенная нам священная чаша Грааля. Которая должна быть подконтрольна. Она, может быть, единственное, что мы в себе священного носим. Она представляет великую ценность, за использование которой борются разные таинственные эзотерические школы и религиозные конфессии...

Мы, люди двадцать первого века, наученные относительностью религиозных истин, как и всех истин вообще, понимаем, что восприятие религиозных теорий условно. Познание их, радость от узнавания — о чем так долго думала в жизни, искала, и вдруг — вот оно! Дается тебе как откровение!.. — все обусловлено и является, скорее, не откровением на самом деле, а всего лишь узнаванием той культуры или даже, скорее, того языка, с которым ты еще в детстве начинаешь воспринимать мир. И без которого уже мир не мыслишь. Я всегда считала, что язык Пушкина, которым мы упиваемся во взрослом возрасте и который, как сто и двести лет назад, доставляет нам радость своей точностью и поэтичностью, совершенством в изложении всех нам известных явлений в мире, радует и умиляет нас не столько открытиями и мастерством в употреблении этих точных слов в его стихах и прозе, а радует эффектом узнавания! Просто узнавания того, что мы в детстве уже по-

лучили, вот что, скорее всего! — потому что мир и язык Пушкина, когда-то ставший литературным языком и основой для нашей словесности, мы и начали изучать в детстве, всосали с молоком матери, со всеми рассказанными ею сказками, со всеми оборотами, взятыми из жизни, выражениями, формами мысли, логическими фигурами, истинами, наконец, потому что другого, чем пушкинский, у нас языка уже нет. Пушкин наш теперешний язык и создал, и мы приняли его, посчитав создателя этого языка самым великим и вполне заслуженно родоначальником русского языка вообще. И теперь мы не можем не восхититься, узнав во взрослом возрасте свой же язык, какому научились во младенчестве, и какой звучал в устах взрослых, когда мы его не воспринимали и не понимали, но запомнили, будучи еще в пеленках, в абсолютном еще отсутствии языка, когда мы были еще чисты до абсурда, как чистая доска, на которую и записались первые в жизни пушкинские слова и звуки.

Точно так же и религиозные мысли нам заданы культурой, той культурой, в которой мы родились и воспитаны, даже не читая религиозных текстов, не обучаясь богословию и не исповедуя православие, буддизм, конфуцианство и прочее, не проходя в детстве в школе священных текстов, мы все равно в жизни приходим к одним и тем же истинам, читая всего лишь светских писателей, смотря кино, да просто слушая разговоры людей, потому что все это тоже пронизано религиозной культурой, как и речи соседей по дому, слова сверстников по детскому саду, родителей и родных, и вот вдруг после прочтения философско-религиозного текста во взрослом возрасте мы вдруг воспринимаем прочитанное как некое откровение, как абсолютную идею, как озарение, как открытие, как долгожданную правду и считаем, что во взрослом возрасте приходим к Богу. Да в нашей культуре лишь к нему все и могут прийти!

К нему лишь и идут. Существует лишь одна единственная тропа, других троп, благодаря культуре, в которой мы воспитывались, во всечеловеческой нашей культуре, просто нет. При чтении священных текстов в нас срабатывают заложенные в нас же мины замедленного действия, активируется уже заложенная в нас в младенчестве программа. Нечто, внедренное в нас всем историческим прошлым, на уровне генов даже. Мы зомбированы. Мы зомбированы своей природой, запрограммированы с пеленок. Даже междометия, половицы и поговорки все формируют в нас нужное религиозное мировоззрение на уровне инграмм. Все эти «О, Господи!», «О, Боже мой!» «Божественное состояние», «Божественный свет», «Божественная любовь», «Божественное ощущение»... И иногда, кажется, бессмысленно объяснять религиозные истины разумением, находиться в поиске их, это игра в том же объеме языка, разумение и рассудочное объяснение; это не сторонний взгляд, не объективное подтверждение, не открытие с помощью философии или богословия, не откровение, к которому ты шел всю жизнь, — это те же компьютерные связи, для включения которых, главное — выйти на нужную кнопку. И в нас все включается, срабатывает без нашей воли произвольно.

Все «истины» когда-то были внесены в язык и культуру со стороны — понятием, символом, словом, а совсем не мы пришли к истинам своим сознанием. Но все же они когда-то были внесены! Так кем и, главное, зачем, да и правильно ли? На пользу ли? Во все языки всех стран, в каждый язык свои истины, — но, как правило, общие для всего человечества, — и только ждут своего часа, чтобы сработать. Что же было внедрено в наши языки несколько тысячелетий назад? Что же это все-таки, вот в чем загадка. Вот где тайна! Оправдана ли эта несвобода?.. И хорошо ли это? В той бесконечности, в какой мы живем, эти истины — такая малость, неуже-

ли могут несколько слов фраз, текстов покрывать и объяснять всю бесконечность вселенных? Все безмерное и безграничное мироздание? Сначала было слово! В том-то и суть. Может оно покрывать все вселенную? Может ли слово-код «Бог» и «любовь», содержащиеся во всех религиях, объяснить всю многогранность бытия? Объективно это не проверить, мы варимся в своем соку, в кусочке своего мира, оговоренного нашим языком, а что там, в бесконечности, там, где истинно непостижимый Бог, не ведаем. А действительно ли есть Бог, что это такое Бог? Как это проверить? И кто нам все это нашептал?..

Тем не менее, ведь только когда я испытываю любовь и совершаю бескорыстный поступок, я познаю счастье. Истинное счастье. И я познаю истинность этого на чувственном уровне. И это идет не от языка, не от сознания, а сквозь чувства. Через употребление самой главной врученной нам в руки энергии, через сублимацию ее. Как и «...И познал я, что все суета сует. И радость только от добрых дел», и что «Бог это есть любовь». И никаким рассудком я не сподвигну себя любить самого пропащего моего ближнего. Не разумом, не религиозным прозрением, ни философией, только на уровне чувства я могу сделать это. Тут язык не требуется.

Что есть это тогда?..

4

В субботу я была у Ренаты на обеде. Дом их находится на Минском шоссе.

Константин за то время, что я не была у них, сделал огромные усовершенствования в постройке. У них появились два гаража, оранжерея, зимний сад, бассейн. Во дворе ландшафтный дизайн, сад камней. Дом превратился в настоящий новобуржуазный коттедж в евро-стиле.

Еще у него была библиотека.

— Ты читаешь «Четы-минеи»? — спросила я.

— Я читаю все, что мне интересно.

— И ты после этого можешь продолжать так дальше жить?

Мы сидели со всем их семейством за столом в зале и доедали десерт, которым их девчоночки, как ни старались, все же перемазали свои мордашки.

— Живу, как видишь.

— Ты веришь в Бога?

— Я считаю вопрос веры досужим. Я практик. Бог полезен. Если его нет, Его надо было выдумать. А читать я умею, закончил все же университет, если тебе не изменяет память.

— То есть, тебя интересует исключительно практическая сторона вопроса — поневоле вспомнишь, что ты ведь заканчивал факультет философии и права.

— Вы все живете в материальном мире и в правовом поле, но хотите быть выше, хотите этого не признавать.

— Ну, ладно, хорошо, хорошо, но скажи, ты полагаешь, что вот это все, ради чего стоит жить?.. — спросила я, делая жест рукой вокруг и обводя глазами стены.

— Тебе кажется, все это так плохо? — он не уточнил и не переспросил, что именно я имела в виду, и даже не посмотрел туда, куда я показывала, но, разумеется, понял.

— Да, конечно же, нет. Но неужели тебе был дан талант и ты его полжизни обтачивал, что-то свершал, достигал, и все только для этого?..

— Глаша, ваши допросы так утомительны, — он посмотрел на Ренату и передал ей заварку, — особенно если подвергаться им семь раз в неделю. — Он забрал заварник обратно и улыбнулся мне. — Ты можешь предложить что-то другое?

— Не могу.

— Что ты тогда?

— Потому я и спрашиваю, стоит из-за этого жить?

Константин промолчал.

— Как-то скучно ведь, — добавила я. — Мало, по крайней мере.... И потом, ты уверен, что в подобной обстановке ты можешь правильно воспитать детей?

— Ну, разговор, я так полагаю, пошел серьезный. Сразу хочу сказать, оставь в покое детей. И при чем тут дети?

— Ведь очень важно, в какой атмосфере дети живут.

— А атмосфера надо полагать плохая? Атмосфера мерзопакасная, я так понимаю. Да наши дети будут учиться в лучших университетах мира.

— Не сомневаюсь. Но помнишь, как ты напрягался, учась сам, ты хочешь их этого лишить?

— Так, как я учился, мои дети учиться не будут. Хватит.

— А разве было плохо? Кстати, наше образование было не самым плохим в мире, как выясняется. Мало того, как выясняется, самым лучшим. А потом, разве ты не помнишь, как тебе было хорошо?

— Мне было хорошо?

— Да. Твои победы, твое счастье, твои прозрения, обретения...

— Наши дети должны жить лучше нас, без наших трудностей, у них должно быть все.

— Это мы уже все проходили. Это надо просто включить своих детей, как тумблер у телевизора в ваш сумасшедший, созданный вашей мужской самостью мир, где и к нам, женщинам, вы относитесь чисто практически, как к средству, не задумываться и исповедовать принципы только успеха и благополучия.

— Аглая, ты хочешь мне дать совет?

— Нет, у меня никакого совета.

— Тогда прошу тебя, не мечи бисер перед свиньями. Это всегда тебе обойдется дороже....

Как бы там ни было, перед моим уходом, Женечка с Надюшкой надолго повисли у меня на шее.

Человечество в тупике, о смысле никто не думает, Бога никто не ищет. Ресурсы на земле кончаются. Экология катастрофическая. О природе никто не задумывается. Рожают все меньше. «Смерть Запада». Вырождение человечества. Наркотики, алкоголизм. Реклама исключительно красивого образа жизни. Никто ничего не может запретить, ни отрегулировать, потому что свобода...

Но есть мир, где думают о детях, где многое не положено. Где люди, имея власть без меры, денег — без счета, многое не позволяют себе делать, много и не имеют права делать. Где нет свободы, где подчиняются родителям беспрекословно, где блюдутся браки, где никогда не выходят замуж просто так по одной лишь влюбленности или влечению, где не приветствуется секс только для удовольствия, где не смотрят телевизор, не танцуют в барах вокруг пилона, не играют в компьютерные игры, где соблюдается целомудрие и к браку готовят как к таинству, как в домостроевские времена, где очень сложны разводы, где не употребляют табак и не балуются марихуаной, где не ходят в обычные университеты, где не покупается все то, что написано в рекламных проспектах, и никто не изображает из себя хиппиобразных шалопаев и, с другой стороны, не воображают себя сверхцивилизованными от обладания самыми современными моделями бытовой техники и фантастически, как из фильмов о будущем, каких еще ни у кого нет, средствами передвижения, не заносятся, не чванятся, дети их, как будто они и не являются самыми богатыми и самыми властными людьми на свете, работают на заправочных станциях и протирают стекла в автомобилях, чтобы заработать себе на пустыки и для того, чтобы познать жизнь, что бы...

Глава первая

1

– *Смотреть на красоту, ничего не предпринимая, очень болезненно, хочется кусать пальцы, – повторил Клейст еще раз, когда мы уже доедали омаров. – Как на пейзаж – это слишком.*

Кельнер подошел и налил нам вина.

– *Шабли, 1982 года, – сказал Клейст, подержав бутылку на ладони. – Гран Крю. Единственное в мире, что доставляет тихое спокойное удовольствие, это хорошее вино. Не находите?..*

– *Пожалуй, я оставляю решать этот вопрос вам.*

Он посмотрел на меня долгим взглядом. И что удивительно, взгляд его еще час назад, когда он, сняв с меня жакет, провожал при входе в зал мою фигуру глазами, достаточно легкомысленный и игривый, что я даже позволила себе вольность пораскачиваться на каблуках, а потом, сидя уже за столиком, сказать эту фразу насчет пейзажа, неожиданно стал пронизателен и даже мудр. В нем произошла какая-то разительная перемена.

– *Вы, русские, научились превращать неудовлетворенность в удовольствие. Поэтому сложно определить ваш вкус. Это единственная нация, которая живет не по правилам. Вы непрогнозируемы и произошли от того племени, с которым мы боремся всю свою жизнь.*

– *Господин Клейст, вы меня пугаете. У меня даже мурашки пробежали по спине. Как-то неожиданно. И интересно, какое же это племя вы имеете в виду и кто такие вы?*

– О первом пусть вам скажут историки. Они вам с три короба наврнут про старину. Это их хлеб. Они очень серьезно избражают из себя людей, которые на самом деле начинают что-то знать в прошлых эпохах, расшифровав несколько древних текстов. Вечно носящиеся со своими выкопанными из земли черепками и кисточками. Искренне верящие в то, что на самом деле что-то истинное знают. А второе... – а второе – все историческое время на земле жизнь людей, существование стран и континентов, развитие, так называемых, общественных формаций определялось и определяется не изучаемыми в школе историческими законами, которых и нет. Странами и континентами, их развитием и общественными формациями, укладом жизни, всей историей человечества на земле уже много тысячелетий управляют люди. Конкретные люди.

– Жизнь обществ, смена формаций и укладов жизни, происхождение видов из развития простейшей клетки, теория диалектики и причинно-следственная связь и принцип закономерности не верны? – спросила я.

– Блеф чистой воды.

– Вы хотите сказать, что вы из числа этих людей, которые заменяют эту закономерность?

– Да, именно так и хочу сказать.

– Невозможно.

– Мало похоже? Вы имеете в виду: коммерция, мелкое производство с этими дурацким ширпотребом? Как вам сказать, нам иногда разрешается пошалить. Завтра я уйду из фирмы, и это ни на чем не отразится, никто этого не заметит. Надо набираться опыта, чтобы знать жизнь. Чтобы жить среди людей. Все это в достаточной мере любопытно.

– Но кто вы?

– Своего настоящего имени вам, конечно, не назову. Хотя это семейство вы знаете, оно знакомо всем.

– Какое?

– Наряду с теми несколькими семьями. Несколько семейств. Да вы о них слышали. Есть озвученные для мира двенадцать семей, которые осуществляют управление банков-

ской отрасли в мире, средствами массовой информации, образованием и дозированием знаний, распространяющимися в мире. Сейчас уже можно сказать, разросшихся семейственных кланов, которые всегда организовывали жизнь на земле. Со времен так называемого в Библии всемирного потопа, а лучше сказать и до него, всю человеческую историю земли. Во всех странах всегда были правители и жрецы. И это только считается, что правили они. За жрецами всегда стоял еще кто-то. Вот это и были те люди.

– Эзотерика?

– Это составная часть нашего дела.

– Инопланетяне?

– Вот это я не скажу. Об этом у нас не принято распространяться. Да это и останется вами непонятным. Но разве инопланетяне Моргань, Рокфеллеры, Ротшильды, Опенгеймеры?..

– Тогда евреи?

– Да, это сейчас модно так считать. Особенно у вас в стране. Что евреи правят миром. Для нас это даже удобно. Этот народ поставляет очень ценных деловых людей. И является очень хорошим щитом, который всегда нас вырубает. Но у нас нет нации. У нас есть каста.

– Избранных?

– Да, если хотите, так.

– Но это же и есть евреи. Об этом мы уже слышаны.

– То, что евреи – избранный народ, внушил им Моисей.

Это тоже делалось не без смысла. По плану, кстати. Но если рассуждать по большому счету, то избранные – те, кто не афишируются. Избранные не они.

– А вы.

– Да, если по-настоящему, избранные – это мы. И это говорится не из чувства превосходства, самодовольства или гордости от своей избранности. Кто-то ведь должен управлять миром. И эта каста поддерживает сама себя. Она хранит традиции, опыт, мудрость, герметические знания. В ней проводится разумный отбор, селекция людей. А без этих тради-

ций и самонаблюдения, без дисциплины, без контроля и руководства, без них ошалелые толпы народов давно бы сожрали друг друга.

– Масоны?

– Масоны, розенкрейцеры, пифагорейцы, Ветхий и Новый заветы, Конфуций, Будда – это все будет правильно, но это только слова для мира. Мы же не обозначаем себя никак. Мы только правим.

– Давос, Кентерберийские встречи?

– Это опять лишь не самый главный инструмент...

– И вам не страшно заявлять о своей принадлежности к этим людям мне? Не страшно вам спускаться на землю? – спросила я.

– Меня ведь никто не знает по настоящему имени. И то, что я вам открываюсь, вполне безопасно. Всегда можно посчитать за бред. Ведь и вы мне не особо верите. Мы всегда пользовались этим.

– Я всегда думала, что управление – это работа государственных органов. Серьезная работа, скажем, Пентагон, КГБ, президент США, одни противостоят другим, Евросоюз, третий мир, Европа, сборища антиглобалистов, борьба одних с другими, министры, главы кабинетов, парламенты, спецслужбы, раньше – цари, короли...

– Эти лишь управляют своими народами.

– А вы?

– Мы управляем всеми. Мы определяем стратегическую жизнь на земле. Наша задача в этом. И для того мы создаем такие ситуации, что правители и президенты вынуждены делать так, как нам нужно.

– То есть, все, что они делают, делается по вашему приказу?

– Нет, без всяких распоряжений и личных контактов. Есть другой способ управления, упреждающий, то есть, моделируется такая обстановка в мире или регионе благодаря совершенно мелким и даже, казалось бы, ничтожным, но спровоцированным нами событиям: утечкой какой-нибудь секретной информации, публикациями в газетах, провокациями на

границах, что региональное правительство и не может поступить иначе. С большой долей вероятности.

– То есть, процент вероятности существования ошибки все-таки присутствует? – поинтересовалась я.

– Ну а как же?

– Не все действуют по вашей воле, могут быть и ошибки? Скажем, кровопролитнейшие войны, теперешнее катастрофическое положение в экологии...

– А вы не считаете, что и это тоже может быть смоделировано?

– Как, войны, истребление людей? Это может быть запланировано?..

– Это так страшно?

– Хотя это же может отвечать вашей программе селекции. Так?

– Дело в том, зачем нужно истребление людей. И смотря, каких людей. Вы ведь не анализировали, кто уцелевает в кровопролитнейших войнах. И потом, войны – один из способов управления миром.

– То есть, разделяй и властвуй.

– Да, и еще несколько приоритетов. Формирование руководящих аппаратов. Игра на низших страстях, управление массовой культурой, школьным образованием, развитием науки, научными достижениями, управление сознанием, все делается ради общей стратегической цели.

– Мне особенно понравилось о развитии науки. Развитие науки, открытия законов – это тоже не идет произвольно, стихийно? И все эти Галилеи, Коперники...

– Ну что вы. Все предусмотрено. Какую истину и когда внести в умы. Тем более, в теперешнем мире, когда наука требует огромных денежных вложений, управлять ею совсем легко. Все планируется.

– Хорошо, нужны вам войны, но экологический кризис, порождение вашей спланированной теперешней науки, как вы такое управление могли допустить? Может быть, и в управлении ошибка? Это ошибка?

– Разумеется, вектор ошибки присутствует всегда, но не в такой степени, чтобы утратилось главное направление.

– Экологический кризис тоже спланирован?

– Вполне.

– Он же касается и лично вас. Одна жизнь на земле. Я думаю, вы не могли сами себе вредить. Все же согласитесь: ошибка?

– Когда моделируется ситуация, четко определяется главная цель. У нас не ставится главной целью абстрактная гуманность.

– Что-то чудовищное тогда. А как же человечество? Что, какой-нибудь апокалипсис? Но что тогда является главной целью?

– Ну, это тоже из тех вещей, какие не обсуждаются. Они доступны только малому числу людей.

– А вы?

– Да.

– Ничего не понимаю. Но зачем тогда ваше производство?

– Перестаньте, я уже говорил, считайте, что производство только для того, чтобы встретиться с вами.

– Со мной?

– Вы же сюда приехали. Надо было подготовить встречу.

– Создать производство, чтобы встретиться со мной? Только для этого понастроить фабрики, заводы. Это что-то уже от «Золушки».... И потом, это неправдоподобно. Клейст работает на рынке уже двадцать лет.

– Не переоценивайте этот факт нашей встречи, устроить такое для нас мало стоит, вам трудно поверить в подобное, но это называется сдвиг, это из области процессов времени, и только для не использующих никаких практик и далеких от других форм сознания людей это кажется непонятным, тут нет ничего из ряда вон выходящего. Повторяю, это рутинная работа, она совсем не говорит о мессианской исключительности именно вас. Мы обязаны отслеживать и отмечать всех бросающихся в глаза людей, создавать и искать подобные встречи.

– Но зачем я вам? И чем я бросаюсь в глаза? Зачем вы мне все это говорите?

– Вы красивы, и вы умны. И вы не топ-модель. Вы нам подходите.

– В каком смысле?

– Вы нам нужны.

– Я вам нужна?

– Да, нужны. Вы красивы. Красота – это во многом тоже вещь эзотерическая. Мы во многом вырождаемся. Усечение генного потенциала. Мы элитизировались. Наши отцы-основатели заигрались в кастовость, в герметичность, забыв, что люди развиваются и интеллектуализируются, учатся, всеобщее образование, развивают и расширяют свое сознание, человек в своей природе интеллектуально растет. Суть – все отмеченные должны быть в касте. Нельзя сказать, что мы не следили за качеством своей породы. Мы всегда черпали поддержку в вашем этносе. Практически только у ваших людей, живущих в постоянном воздействии на вас более комфортных цивилизованных условий жизни, есть способность превращать неудовлетворенность в удовольствие, в достижение. Мы, управляя, заигрываемся, при неизбежности выполнения своих команд, своей воли, теряем момент критичности и вот эту способность смирения. В то время как она-то одна из самых сильных сторон человека как вида на земле. Именно это его основной потенциал, растерянный всеми, кроме некоторых представителей вашего народа, с которым, кстати, нам всю историю приходилось бороться. Так уж сложилось исторически. Тут уже на самом деле исторически. Хотя погубить вас так и не удалось. С этим мы не могли совладать, погубить вас все чего-то недоставало, не получалось. Да это, наверно, и не надо было. Где мы тогда бы черпали сильную свежую кровь? Кто бы нам тогда поставлял сильное геройское потомство?

– Как-то унижительно по отношению к моему народу.

– Вы все равно будете наша. И тогда вам будет совершенно все равно, какого вы рода-племени. И потом, вы еще не знаете, кто ваш народ. Красота – это вещь, повторяю, значительная, она говорит о многом.

– Это тоже не поэтизм и имеет под собой какое-то серьезное обоснование? Материалистическое истолкование?

– Имеет.

– То есть, красота присутствует, в чем же она, в чем вам видится она во мне конкретно?

– Ваши стан.

– Мой стан?

– Да, ваши бедра.

– Ну, знаете... Всего-то...

– Вы знаете, это не так мало. Это одно из внешних доказательств того, чья в вас течет кровь.

– Это уже целиком из области фантастики. Вариантов в мире столько, что не хватит компьютерных технологий. Истоков уже не найти.

– Нет, всегда можно, проглядывает вполне определенная линия.

– Вы меня специально интригуете? – опять спросила я.

– Нимало. Обратите внимание, высокое крутое расположение бедер не так часто, в теперешнем вашем народе это представлено даже еще меньше, чем в европейских женщинах. У вас чаще опущенное расположение бедер. Тем более это усиливается при продвижении на восток. У азиатов, у монголоидов расширение бедер идет даже книзу. У семиток плоский зад, таким ящичком, на среднем востоке бедер вообще не наблюдается, по-настоящему высокие ягодичцы и узкая тонкая талия у светлолицых представлены очень редко. Это неспроста. Посмотрите на бедра египетских жриц. Не на эти навязываемые вам изображения египетских фараонов и плоскозадой Нефитити – хотя высокая шея – это тоже хорошо – не эти царицы Савские с кривыми ногами, а на тех, которых и не изображали, которые случайно остались для потомков как безымянные статуэтки, посмотрите на них хотя бы в запасниках того же Каирского национально-исторического музея. При взгляде сбоку отчетливо просматривается, вы увидите, что ягодичцы у них вздернуты очень высоко. И такие же узкие талии были только на скульптурах богинь древней Ин-

дии. Греки опустили женский идеал: без талии и с вялыми ягодицами, я уже не говорю про европейский Ренессанс. Тем не менее, крутые бедра – это в генах. Это неспроста. Недаром у мужчин они всегда вызывают неодолимое влечение, это у них заложено в ДНК, это тоска по ушедшему, в современном мужском сознании, в художественном воображении выкристаллизовался даже женский эталон, всякие барби и фигурки из комиксов, где женские абрисы до такой степени крутобедрые, что таких и в действительности не может быть, нет, это только воспоминание, символ ушедшей женственности, ведь даже в Средневековье женщины интуитивно пытались стянуть себе талии корсетом и одеться в крутобедрый кринолин. Идеал жил всегда. Можно иметь красивое лицо, но красивым лицо может быть действительно по-разному, все варианты красивого лица почти неисчерпаемы, по крайней мере, немислимо велики. Это уже, во многом, действительно стихия природы, но женская фигура запрограммирована, абсолютизирована, типизирована до мелочей, до образа, до цифр, математически выверена, и идеал всегда был один. Крутые бедра – это кровь. Посмотрите, и вы поймете, откуда вы. У вас высокие бедра, и вы белая. Сейчас в большей степени именно негроидам свойственны крутые бедра, потому что именно в них с упадком Египта растворился ваш настоящий народ.

– Какой народ? Это же невозможно... Фантастика.

– То есть, не из учебников, вы хотите сказать?..

– Но как вы меня нашли? Я ведь нигде не афишировалась.

Я давно уже не показываюсь и не снимаюсь.

– Мы за вами следили.

– Как, каким образом?

– Это тоже трудно вам понять, но нам не нужны для это технические средства. А следить за вами легко, потому что, как я сказал, вы все равно придете к нам. И уже идете. Вам больше некуда идти.

– А знаете, я ведь что-то подобное уже слышала. Еще во времена университетской молодости меня вербовала какая-

то молодежная организация, которая собирает, как они говорили, в мире всех умных и талантливых под одну крышу. Как бы будущее управленческого и культурного аппарата, который впоследствии будет править по всей земле в своих странах. Организация, готовящая интеллектуальные кадры всего мира. Они дают работу и расставляют своих избранных на видные нужные места. У нас в России тоже существуют организации, которые ищут и подбирают для управленческого аппарата людей. Мне еще не раз потом предлагали какую-то должность люди совершенно незнакомые и выпавшие ниоткуда. Но я все время отказывалась. И тогда отказалась.

– Мы знаем про эту работу. Это низшие звенья. Но вы отказались тогда резонно. Это не для вас.

– Я просто хотела чувствовать себя свободной.

– Совершенно верно. У вас другое предназначение.

– Какое?

– Мы еще не решили. Когда я говорил о вас, что очень хотелось бы что-то предпринять на ваш счет, это было сказано серьезно. Ответ на это еще придет позже.... Но вы все равно будете наша.

– Значит, у вас на меня есть все-таки определенные серьезные виды, планы?

– Конкретных пока нет, мы продолжаем приглядываемся к вам.

– Другими словами, пока похищать меня вы не собираетесь?

– О да, тут вы можете быть вполне спокойны, – Клейст улыбнулся и кивнул стоящему в отдалении кельнеру, чтобы тот налил нам еще вина.

– Это у нас не заведено, можете расслабиться. Мы никого не принуждаем. К нам люди приходят только добровольно.

– То есть, я свободна?

– Вполне. Если не считать, что свобода – это тоже явление условное и относительное.

– Значит, все же я свободна условно?

– Нет, вы свободны абсолютно. Но дело в том, как определиться, как поступить со своей свободой, как сделаться свободной от собственных желаний, как быть свободной от самой себя...

2

Потом он поиграл в немца еще в такси – как бы со своей виной перед человечеством. А при прощании вложил какой-то медальон мне в руку. В номере я разглядела его. Это был вписанный в овал крест. Простой симметричный крест. Что это обозначало, для меня так и осталось тайной.

3

На Канарах был красивый агент. Он не был многословен.

– Скажи, мой сладкий, – сказала я, когда мы лежали еще разгоряченные и еще не успели до конца расплестись, и он играл моим соском. – Что входит в твои задачи?

– Не обращай внимания. Я и сам толком не знаю. Мне велели только тебя охранять.

– Следить?

– Нет, только охранять, защита.

– А может быть, досье? Скажем, как я занимаюсь сексом?

– Нет, ничего. Пока не было ничего.

– А тебе не говорили ничего про стан, про бедра?

– Нет.

– Про египетских жриц? Про тонкие талии индийских богинь?

– Нет, ничего не знаю, ничего абсолютно.

– А скажи, мой сладкий, а что, если бы ты богиню, что называется, поставил раком? Стало бы тебе от этого хорошо?..

Перед тем как дать денег старушке, я обнаружила пропажу огромной суммы на одном из моих счетов. Я поняла, что это знак. Потому я и вложила свою оставшуюся в наличности за душой сумму старушке в руку. Я просто чувствовала, что так надо сделать. В качестве прочувствованной меры ответа. А потом я позвонила в фирму Клейста, узнать, существует ли еще она, и чтобы справиться о здоровье хозяина. Мне ответил заместитель Клейста, Боб Циглер. Он сказал, что шеф в отпуске, но что они рады меня слышать и с нетерпением ждут моих заказов.

Какая-то у них там началась игра.

Глава вторая

1

В середине 200... года Александр Васильевич Петров был на ярмарке в городе Л.

К 200... году город Л., в прошлом маленький заштатный городок с ярко выраженным военно-промышленным потенциалом, пребывал в полном упадке.

В своей прошлой жизни он был вполне самодостаточным промышленным центром в 150 км. от Ленинграда, жизнь которого сосредоточена была вокруг двух заводов: абразивного завода и военного самолетостроительного завода, называемого почтовым ящиком. Все население в сто пятьдесят тысяч человек было связано с работой на них. Абразивный завод производил абразивные круги и тигли для плавления сплавов цветных металлов для всей страны, а военный завод строил в эпоху великой гонки вооружений самолеты класса МиГ.

Была ярмарка. Ожидалось в городе от нее что-то хорошее. Раньше люди жили для МиГов, для самолетов. Именно для них строились дома, для них людей наде-

ляли высокой квалификацией, для них работали магазины, столовые, кафе, прачечные, налаживался транспорт, строились культурные заведения, приезжали с выступлением артисты, людям было о чем поговорить в электричке по дороге на свой садовый участок, поинтересоваться заботами друг друга, одно было общее дело и общие проблемы, и когда народ утром в шесть утра на всевозможных видах транспорта ехал на завод и улицы напоялись техникой, всевозможными автобусами, тентованными, урчащими дизелями, бортовыми «Уралами» с надписями «Люди», будками-вахтовками» — это вселяло в души энтузиазм, все знали, куда и зачем они едут.

Надо сказать, что в этой компактности содержится что-то привлекательное. Замечательное даже. В таких маленьких городках, построенных ради какой-то определенной цели, по сравнению с большими, существует одно выгоднейшее преимущество. Они строятся из-за нужды. Из-за добычи нефти, из-за алмазов, из-за строящегося алюминиевого завода или вот из-за необходимости производить самолеты для Воздушных вооруженных сил страны. И если в большом городе с массой культурных заведений, с массой библиотек, заводов, предприятий, университетов, ресторанов, парков, кафе, люди и не знают, зачем они живут, а социальность не знает, для чего работает и, в конечном счете, начинает подумывать даже, что для самого себя, для обсчитывания покупателя и собственного обогащения, то в таких городах даже последний дворник знает свое предназначение. И если в больших городах жители являются друг для друга просто согражданами, хорошо, если соседями, то в маленьком, построенном для определенной цели городе, они все осознают себя соратниками.

2

Александр Васильевич Петров прибыл на ярмарку своим ходом на «Плимуте» коричневого цвета, мимо рухнувшего завода, мимо обветшалого памятника с вознесшимся в небо корпусом МиГ-29 для своих корыстных целей. К тому времени от авиационного завода уже ничего практически не осталось, крыши корпусов провалились, оборудование было раскрадено, но зато неподалеку от него вознеслись роскошные по тем временам для страны, в стиле современного дизайна, огромнейшие производственные здания, высокие корпуса, выкрашенные великолепной синей краской, газоны с зеленой травой на территории, фонари над изящной изгородью вокруг, все как показатель нового образа жизни и работы современного западного предприятия, с использованием всех достижений науки и техники, с обеспечением максимальных удобств обслуживающего персонала, — завода, каких в этой стране еще никогда не строились, по производству «Дирола», жевательной резинки. Жвачки, если сказать уж совсем просто. Что делать, по-настоящему серьезного в эти годы в стране не строилось ничего.

Но «Дирол» погоды не делал, город все равно оставался в упадке, Александр Васильевич обвел завод глазами, зная по предварительной информации, что на заводе работает мало людей, и даже с учетом переучивания и перекалфикации, на него устроились работать считанные единицы. Причем, переучивают тут только молодых, и поэтому рабочий люд ярмарки по трудоустройству ждал не напрасно. Хотя по опыту таких заведений, Петров знал, что это бессмысленно. Мало пользы.

Знал он также, что вокруг завода оставались еще немолодые, но заслуженные специалисты, токари высшей квалификации, слесари-лекальщики, фрезеровщики, работники на станках с программным управлением,

выучившиеся работать еще в бывшем Советском Союзе, среди которых безработица не уменьшалась, они никому не требовались. А это уже был его бизнес.

Как в свое время литературный и старого времени герой Николая Васильевича Гоголя Павел Иванович Чичиков скупал «мертвые души», так и Александр Васильевич Петров в новую эпоху жизни России скупал никому не нужные «мертвые рабочие» кадры.

Это был его промысел, найденный, выработанный за годы развала страны, разрушения экономики и разорения государства, способ получения прибыли, изюминка которого состояла не в том, чтобы быстро нажиться, а, чтобы получить отдачу в будущем, в настоящем времени лишь квалифицированную рабочую силу законсервировав. Как Александр Васильевич предполагал, в квалифицированных и опытных кадрах возникнет необходимость все равно. То, что она возникнет, для него было очевидно: экономика не может стоять вечно. Это нонсенс. И тогда-то, после стольких лет отсутствия профессионального обучения, повсеместного закрытия профтехучилищ, отсутствия престижа рабочих профессий, выхода старых кадров на пенсию, специалисты будут на вес золота. Он был уверен, что старые кадры, серьезные, испытанные, надежные рабочие руки все равно будут востребованы, вот тогда и пробьет его час. Кадры станут в цене. Тогда за дефицитный рабочий ресурс он возьмет в десятки раз больше. Самое главное, это не дать им умереть. Что собственно и происходило в стране повсюду. Кадры спивались. Нищали, превращались в деклассированные элементы. Он покупал их на корню на всем пространстве бывшего Советского Союза от Каниного носа да Чукотки. Юридически оставляя за собой право распоряжаться ими как трудовым ресурсом, а за это назначал свой пенсион, а кое-кого вывозил из их заброшенной глухомани на так называемую «большую землю», устраивал профтехучилища и растил в них молодые кадры, где мастерами были высокие спе-

циалисты. Все равно придет время, считал он, когда в специалистах возникнет не только нужда, но и нехватка: квалифицированный рабочий ресурс — это основа экономики. Производство оживет внезапно, для всех неожиданно. А поскольку Александр Петров умел запускать процесс, все у него было предусмотрено, подготовлено и поставлено на широкую ногу..

Он припарковал свой «Плимут» на стоянке перед Домом культуры, где должна была проходить ярмарка, вышел из машины. Не обратил внимания на заинтересованные взгляды некоторых женщин, по случайности оказавшихся перед входом, уверенно вошел в дверь.

Ярмарка была бедной. Пустые стенды, пустые залы. Несколько сумасшедшие взгляды задавленных горем старожиллов...

— Наверное, жалко сдавать оборудование на металлолом? — спросил он у замдиректора по реализации бывшего авиационного завода, завода, теперь уже принадлежащего какому-то ОАО с мудреным названием, которое тоже, в свою очередь, сводило концы с концами лишь сдачей еще сохранившихся цехов в аренду. Бывший директор завода, кем был тепершний замдиректора по реализации, пребывал в подчинении у нового назначенного акционерным обществом начальства и отвечал за распродажу заводского имущества.

— А вы можете предложить что-то другое? — ответил тот.

— Но ведь для военных заводов государство определило — все цеха под консервацию.

— Определить государство определило — это так, но ведь средств на консервацию и на поддержание оборудования в сохранности государство не выделило..

— У меня другая информация?

— Они предполагались. Может быть, кому-то и даны были. Но не нам. До нас не дошли. У государства нет денег. Был приказ обходиться своими силами. А ведь кро-

ме консервации теперь нужно поддерживать тепло, нужно отопление, нужна охрана, нужны хотя бы средства на ремонт крыш цехов, которые текут и разрушаются.

— Тем не менее, сдавать в металлолом такие дорогостоящие станки рука не поднимается, это же расточительство, если не сказать непростительная ошибка, наверное, самим хочется плакать.

— А знаете, мы уже привыкли. Если мы сами никому не нужны. Если самолеты никому не нужны... что же мы можем сделать?..

— Вот, скажем, есть методика переделывания гидравлических прессов по изготовлению штамповок в станки пластмассового литья. Формовочных — для прессования металлолома. Гидравлическую группу с главным цилиндром можно использовать при разработке и сборке прессов алюминиевого профиля. Это небольшие вложения, можно поставить на поток, а также эта группа используется для производства пластмассовых бутылок, транспортных линий. Главные гидравлические цилиндры и автоматика могут использоваться на других объектах. Господи, да свезите их в один цех и пусть там ждут лучших времен, я у вас их куплю позже.

— Этого мы не можем. С нас государство взимает налог за основные средства, за каждую единицу оборудования, которое на консервации, этого мы уже не можем избежать, этот нешуточный налог для нас никто не отменит. Единственный выход — все списать и свезти на металлолом.

— Хорошо, все прошивочные пресса я у вас возьму. Но у меня к вам еще один вопрос деликатного свойства. Вы сами заметили, что вы никому не нужны. Я представляю собой предприятие, которое собирает людские ресурсы, покупает, так сказать, неработающие души.

— Что-то таинственное. Мефистофелевское.

— Ничуть. У вас на заводе работало одиннадцать тысяч человек... Ведь где-то они подвизаются, не все же

вымерли. Мне нужна база. Мне нужен хороший инженерный состав среднего звена и высокого уровня рабочие, ценные специалисты.

— А что вы с ними делаете? Используете как подопытных для проверки вакцин? Прививаете тиф и оспу? Пускаете на фарш?

— Зачем так мрачно.

— Переквалифицируете?

— Кое-кого, да — уклончиво ответил Александр Васильевич. — Поверьте, плохо им никто делать не собирается. Вы будете продолжать поддерживать, если желаете, с ними связь. Мне нужны лучше специалисты. За информацию на каждого неработающего специалиста я плачу пятьдесят долларов, а за хорошего инженера — сто.

— Удивительная страна, — сказал бывший директор. — Все время берет для себя чужие модели жизни, потом напрягается, выкарабкивается, борется с ними, подгоняет под себя, приспособливая к себе чужое путем огромных жертв и усилий, какие никакому другому народу и не снились. И когда вроде бы приспособились — снова какая-нибудь революция, снова переворот, и снова приспособливай к себе чужое... Удивительная страна... Китай вон нынче без всяких смен общественных формаций выходит в самые передовые страны мира.

— Полностью с вами солидарен, — охотно согласился Петров, но развивать тему дальше не захотел, потому что как разведчик он не удивлялся, он знал текущее положение дел в мире, что от чего идет, и даже знал, что будет дальше происходить со страной с вероятностью, как ему подсказывала его математическая статистика, на девяносто пять процентов.

Поэтому в своей деятельности он был уверен.

В гостинице Александр расположился заштатной, хотя с наличием проституток. Они позвонили сразу.

Он еще подумал, что много на вечер работы. Еще он подумал о своей жизни. Потом он подумал об Аглае. И решил, что надо все же заняться делом.

3

Когда Аглая заканчивала университет, шел обвал страны. Получив диплом и не обретя распределения, не найдя себе применения, она поехала к себе домой. Но не доехала. В Иркутске она занялась огранкой алмазов.

Тогда на самом деле была свобода, которой уже через пять лет не осталось и следа. Делать на самом деле можно было все. Аглая создала мастерскую. У нее был напарник, который делал коробочку для колец с бриллиантами, он был из хорошей состоятельной семьи. С хорошим знанием английского языка. Мать и брат его уже жили в США, но он принципиально оставался в своем Отечестве, не желая ехать без денег в чужую страну, чтобы там перебиваться на пособия и ощущать себя человеком второго сорта. Красивая жизнь и тряпки его интересовали мало. Как и последние марки автомобилей и жизнь в самой богатой стране мира. Больше же свободы, чем в этой стране, оставшейся от Союза, тогда нигде в мире не было. Он подчеркивал это. Он ей понравился при первом же знакомстве, произошедшем в Объединенных Эмиратах, куда он приехал налаживать канал поставки в Россию коробочек для колец от де Марио, где он ходил на деловые встречи и подписывал важнейшие договора в кроссовках и в простом адидасовском спортивном костюме. Он достаточно презирал всех этих деловых людей и их действия по протоколу, но, тем не менее, все вопросы решал со знанием предмета, всегда был подготовлен и действовал решительно, вполне удачно, и не обращал внимания на то, что был тогда еще предпринимателем очень некрупным. Ездил он, как и у себя дома, только на такси, хотя как второй по величине производитель брачных колец в стране мог бы себе собственную ма-

шину уже позволить, и работал без переводчиков, секретарей и охраны. Не пил, не увлекался женщинами, и держал в уме одну только свою работу. Цель — удержаться в криминальном зоологическом мире тогдашней экономики.

Аглая в Эмиратах была по делам, связанных с камнями, — кстати, со временем огранку она оставила, потому что это дело захватили бандиты. Она из этой сферы ушла. А он, занимаясь ювелирными изделиями, остался, каким-то путем умудряясь лавировать в бурном море, и на одной только коробочке делая стабильное дело.

— Мы у де Марио берем коробочку по тридцать пять центов, наши предлагают по сорок. Понятно, что я не буду брать нашу отечественную коробочку и патриотическим чувствам меня не призвать. Это бизнес, — говорил он..

О своем компаньоне он отзывался:

— Ему только сделать коттедж и квартиру, машину, все деньги туда вкладывает, выдергивая из оборота, постоянно надо даже отсюда звонить, его контролировать. Больше ничего ему не нужно.

— А вам?

— А мне нужен через год первый миллион долларов...

Целеустремленность его подкупала. Но в то же время делала его ограниченным.

А потом она встретила Александра Петрова.

Для каждой женщины однажды приходит пора, когда она понимает, что самое главное для нее в жизни — это все-таки мужчина.

Глава третья

1

ПАРИЖ

На лето я застряла в Париже. Я осваивала «Второй пол» Симоны де Бовуар. Чтобы уж до конца разделаться с мужским миром. А получилось, что заодно и с Сартровским экзистенциализмом, да и со всей философией, если можно так сказать, да и с самим феминизмом Симоны де Бовуар вкупе. Сначала мне захотелось вникать в каждую строчку, в каждую ссылку, я настолько увлекаюсь умом и познаниями этой энциклопедически образованной женщины. У де Бовуар (по всей жизни спутницы Сартра и основоположницы всего современного женского движения) есть очень интересная мысль, заключающаяся в том, что мужчина в осознании и в понимании человеческой сути человека, мира людей женщину воспринимает всегда как Другого, то есть, не как себя, непохожего на себя человека. А женщина видит себя только через глаза мужчин, поскольку вся цивилизация земли мужская, культура мужская, философия, наука, все с точки зрения мужчины. И люди думают мужским сознанием. Мужскими категориями, и женщина, как человек, как существо, принадлежащее к mankind, а это значит, к человечеству исключительно мужчин, думать иначе не может, она всегда на втором месте. И себя женщина в мире осознает тоже Другим, такой, как мужчина ее понимает, всегда в угнетенном и зависимом состоянии, на втором месте. То есть, женщины изначально не могут быть своей участью, тем, что они рождены женщинами, довольны. (Как она говорит неоднократно в книге, ни один мужчина, как ни перевозит он женщину, ведь не хотел бы стать женщиной!)

Но как бы там ни было, панегирик аутоэротизму и ауто-сознательной самодостаточности в творчестве жен-

щины, самодостаточности мира женщины, которой может быть абсолютно не нужен мужчина, по барабану должен быть мужчина, абсурден. Пока другого языка, чем мужской, в мире нет. И все чьи-либо восторги по поводу самостоятельного женского языка это преувеличение. Это желаемое — за действительное. А вернее, художественная, для большей выразительности и яркости, гиперболизация, этакий революционный максимализм. То есть, вранье. Более точным словом. Условность искусства, художественного образа. Просто вечно желанная красивость, вымысел.

Тогда как может идти речь о равноправии? И что тогда вся это борьба за равноправие, вся это умная и «высокообразованная» двухтомная работа «Второй пол», да и все эти Сартры, Камю и прочие якобы философы?.. Эти как бы серьезные умозаключения людей, вознесшихся в своей гордыне выше всех и причисливших себя уже к финалистам мыслительной деятельности всей цивилизации, снисходительно взирающие на прошедшие миры, как на периоды существования примитивных народов. Для которых все достижения прошлого — это доисторический хлам, мистические (для них это слово компромат) прозрения и приобретения — это анахронизм, поскольку если взять на вооружение «эволюцию» Энгельса и происхождение людей от обезьяны Дарвина, то, конечно, и эзотерику, и Бога надо записать в суеверие!.. Господи, какие это все детские игры, игры детей.... Которые себя вечно мнят Бог весть кем!.. И ведь странно, наряду с этими экзистенциалистами и феминистками в это же время существовали Елена Рерих, Блаватская, всякие Рамакришны, тот же Толстой (которого Бовуар цитирует), должен вот-вот появиться Кастанеда, да что там говорить, монахи и монахини существовали всегда (вот где, кстати, полное человеческое, мужчин и женщин, равноправие, вот где женщины не требуют и не борются за равноправие, потому что в Боге, в религии, в вере, в куль-

те, в служении Богу, они, женщины и мужчины, равны! О чем эти-то, образованные, говорят тогда? Да, только о своей пипиське! Тут ведь начинается вся разница их мировоззрений, весь сыр-бор, тут они начинают бороться за равноправие) — но все эти, с позволения сказать, философы почему-то проходят мимо мистики. Это они не рассматривают. Что с них возьмешь: материалисты. Слепые, вернее, близорукие, но уверенные, что дальше пяти метров, на сколько они могут видеть, и их пиписьки, которую они могут чувствовать и которую называют полом, нет ничего. Для них, употребляющих их специфическую философскую, для каждой (каждого философа) философии свою, терминологию, окруживших себя ею, как забором, все подобное не существует. Для них, в их обморочном дьяволизме, все остальное мракобесие. Они ведь умны!. О, да. Они же гении!. Как легко стать гением, упрядни Бога, и будешь на его месте. У них даже мышление становится какое-то схематичное, агрессивно-схоластическое. Есть суфии, есть даосы, есть провидцы, есть великие религии, есть какие-то тайны, зашифрованные в словах древних священных текстов и культах богов, уводящие нас вообще в какие-то бездны! Загадочные бездны. Только этим все понятно. Эти все знают. Эти ни в чем не сомневаются, от всего лишнего отмахиваются, и талдычат свое.

И ни одного ребенка они с Сартром не родили, считая, что это низшая форма жизни человека, а они-то, конечно, выше. Но перетрахали вместе с Сартром огромное множество женщин и мужчин. Вернее, она — женщин и мужчин. Мимо животного, низкого, как они должны считать, полового удовлетворения они, как бы там ни было, в отличие от того же Канта не прошли. Как они все мнят себя на месте Бога, живя в своем атеистическом мире! Они никогда не будут выполнять ни чьей воли, ни Бога, ни Природы: как же, революция, свобода! И считают, что их мелкая жизнь и их мелкие умозаключе-

чения по сравнению с жизнью мироздания, жизнью Земли, Бога и неразгаданными законами вселенной имеют какой-то смысл. Какое самообольщение...

Ну а в плане последствий встречи с Клейстом, я стала изучать эзотерику древнего Египта вплоть до изумрудных скрижалей Тота Гермеса Трисмегиста, теорию атлантистов и другие не менее фантастические вещи.

И наконец меня опять стали донимать сны, и я поняла, что нужно срочно менять место нахождения.

Кстати заметить, что и читаю я так же, как смотрю архитектуру. Я просто схватываю. Я и хочу досконально иногда разобраться с предметом, но я схватывают суть, и доскональность, оттенки, терминология, и особенности толкований и даже строго выписанные дефиниции, мне уже становятся скучны, не нужны, неинтересны. Хотя я себя часто всем этим перегружаю, насилую, но, в конце концов, убеждаюсь, что они мне были совершенно бесполезны и на них только тратишь время. В то время как интуицией я уже схватила все. Я все схватила чувством.

Вот Саша, кстати, уверен, что он рационален, а ведь все открытия делал только на уровне интуиции, на уровне чувства. Даже когда считает и решает фантастические задачи — это тоже нельзя только логикой объяснить.

Меня особенно настораживает терминология, за которую прячутся все философы, на что всегда и тратишь время, на разбор из языка, их слов, их терминов. Они сами выдумывают систему, по которой описывают мир, а потом кичатся как бы новой ими выдуманной философией. А ведь нового ничего нет. Что Кант, что Гегель... продираешься сквозь их терминологию, сквозь их систему видения мира, и приходишь все равно — к Богу, все к тому же Богу. Они такую систему своего ви-

дения мира напридумывают и так все разложат, чтобы, в конце концов, прийти — к тому же Богу. Своим путем. Зачем это мне, чтобы лишь получить интеллектуальное удовлетворение, решив какие-то ребусы. Какое-то упражнение? Чтобы потом все равно прийти к жизнеописанию Иисуса. От него ждешь, что он откроет истину, а он приводит к Иисусу, толкуя его как истину. А это я и без него знала. Зачем тогда столько лишних слов, стройная терминология, зачем весь огород городил? Разве ближе все это меня к Иисусу сделало? Я и без его терминологии перед Иисусом была, не в силах описать его загадку. И он мне ее не прояснил.

Но что касается Симоны, то к ней у меня другое: разделаться с описанием мира языком мужчины, это разделаться с описанием мира вообще, потому что другого языка, кроме мужского, в нашем, человеческом, мире нет. И поневоле мы, женщины, вынуждены на нем говорить, и протестовать и устраивать революции бесполезно. Это кусать грудь своей матери. Ребячество. Какое-то неразумие взрослых людей.

И потом еще, что такое сама практика войн. Главное, что есть в мужском мире.

Я понимаю, что все эти Пунические, Марафонские войны и т.д. из-за амбиций определенных личностей. Но ведь они, эти амбициозные личности, не одни воюют. Как остальные люди попадают? Какой механизм? Как убеждению воевать поддаются люди? Не всегда ведь чтобы от этого кормиться... Нет, бывает, люди идут воевать от земли, от состоятельности, и проявляют чудеса героизма.

Какие структуры сознания людьми не осознаны? Что руководит ими?

Для чего я живу?..

Саша говорит, что все от ума, а даже когда считает — то полагается на чувство. И так же я чувствую, когда мне

кто-то дает книгу, заранее чувствую, нужна она мне или нет. Смотришь телевизор редко, но когда включишь — увидишь именно то, что тебе надо, удивительно, как попадает то, что потом имеет смысл, сколько раз так бывало, и только потом осознаешь в хитросплетении событий, что это была не случайность, что увиденное было для тебя значимо, что мне это было дано, что это меня наставляют.

Саша говорит, мир всегда воевал, война за ресурсы. Но если нет ресурсов, не нужно за них бороться, во времена глобализации, скажем, За что люди воюют тогда? Что сохранять? В чем патриотизм?

2

НЬЮ-ЙОРК

В августе я возвращалась из Нью-Йорка. Где участвовала в симпозиуме по русскому языку и куда посылалась с делегацией по русскому вопросу. К 200... му году у нас в стране вдруг решили заговорить о значении русского языка в мире и меня как эффектного полпреда отечественной словесности, как члена Союза писателей выловили в Финляндии, где я честно отработывала ребятам из Екатеринбурга свою зарплату, оформляя им лицензию на поставку нужных нам комплектующих, и предложили отправить в США.

— Придумайте что-нибудь, — сказали мне в Министерстве культуры, — Нужны идеи.

— А что, вам их не разработали?

— Да ведь это только пожелания. Благие намерения. Значение русского языка в мире определять нам самим.

— Гонорар?

— Ваши лекции. Сто долларов штука.

— Не густо.

— Ну что вы думаете, нищая страна.

- Это Штаты?
- Тех, чей язык.
- То есть, наша.
- Я вам этого не говорил.

В Нью-Йорке я была второй раз. Ничего не изменилось. Разве что строгостей и досмотров стало побольше. Тем не менее, приветливый, улыбающийся, гостеприимный народ. С достоинством, с самоуважением. Один недостаток, они к своей здешней теперешней жизни относятся с величайшей серьезностью. Эта их индустрия жизни и эта серьезная работа на потогонном конвейере ради чего-то, чего они не знают, хотя уверяют себя, что скоро поймут. Похоже на вселенский инкубатор. На какой-то мир хорошо ухоженных птиц или славных домашних животных, почищенных и принаряженных манекенов. Индустрия, конвейер жизни.

Сначала на меня напала русская община.

Русские осознают себя отдельной цивилизацией. У русских за границей появляется уважение к себе. Каждый начинает чувствовать себя мессией.

Потом меня осадили туристы. О, русские за границей — это вообще отдельная тема. Это поэма.

Я не буду говорить о тех советских женщинах конца восьмидесятых, которые, судя по воспоминаниям современников, падали в зарубежных супермаркетах в обморок от осознания открывшейся им истины, что они у себя в стране напрасно прожили жизнь. Я думаю, что таких уже нет, они умерли от полученных потрясений, а те, кто выжил, преодолев полученный шок, благополучно переехали на Запад и теперь наслаждаются изобилием супермаркетов вполне и как страшный сон вспоминают свою прежнюю родину. Я не говорю и о русских челночницах девяностых годов, когда они еще только начинали массово выезжать за границу и комплексовали там, встречая повсюду уверенность в себе, в себе

и в своем образе жизни, полное отсутствие комплексов в людях, эту границу населяющих. Живущих безмятежно, сытно, в совершенно другом техногенном мире, купающихся в удобствах, комфорте и во всех достижениях цивилизации. Я говорю о русских уже первого десятилетия двухтысячных годов, о тех русских, которые это соприкосновение с цивилизацией прошли и которым этого все равно показалось мало, которых это не удовлетворило, которым в силу то ли их гипертрофированного самолюбия, то ли вообще нехватки какого-то рожна или других причин, это показалось скучным. Они не смогли, как сытые немецкие бюргеры, вышедшие на пенсию, ездить в Тайланд и на время длительного пенсионерского отпуска заказывать себе в агентстве на время молоденькую жену и изображать среди тех людей из себя плантатора, или как американские обыватели наслаждаться жизнью и делать очередной миллион, а в промежутках участвовать в тусовках и торжественных и хорошо обставленных пати. Им надо выделяться, им нужны потрясения, им надо проявлять свою личность! Объединить себя, свою жизнь со спокойной жизнью наслаждающегося цивилизацией западного человека они все равно не в состоянии. Затеряться, ни разу не повыпендривавшись, в массе сотен миллионов других людей для них, как тому же на сто процентов русскому Эдуарду Лимонову, написавшему самую антиамериканскую книгу «Это я, Эдичка», просто невыносимо. И поэтому русский «делает волны», он шумит, старается как-то показаться, покрасоваться, выделиться, хамит порой даже, и не столько от невоспитанности или наглости даже — потому что это свойственно не только нахапавшим неумеренно денег невоспитанным бандитам, — а сколько от того, что он хочет таким образом заявить о себе, о своем существовании, о своей отдельности, о своей уникальной человеческой сущности, его гиперсамолюбие не удовлетворено отведенной

ему ролью.. Ему, дитяти просторных полей и бескрайних лесов, гнусно в плотной одноликой людской массе.

Русского человека узнаешь повсюду. На улице, по тому, как он переходит под светофор проезжую часть буржуйской заграничной дороги, в любом аэропорту мира, где его, сбиваясь с ног, разыскивают служители, занятые отправкой рейса, пока тот спокойно разгуливает по дюти-фри, нимало не обременяясь тем обстоятельством, что из-за него происходит задержка вылета самолета. Именно русским на грудь лепят значки с номером рейса, которым они возвращаются к себе в страну, чтобы было легче их в аэропорту обнаружить и, отловив, вовремя доставить к трапу. Именно русские, напившись, начинают пылко объясняться в дружеских чувствах к тамошним аборигенам, которых они все равно считают себя ниже. И именно русский, если он заговорит на английском языке, а заговорит он, употребляя всего несколько слов: «stop», «moment», «one рыба» или «one meat», ну и еще несколько других, — то он будет очень возмущаться, если его не поймут. И неважно, что он высказался с неправильной интонацией или неправильным произношением и с трудом выговаривая заученные фразы, но тем, что он на их языке заговорил, а они не поняли, он остается очень недоволен (раздражению его нет предела), он будет агрессивно повторять нужное слово без конца, пока наконец не додолбит официанта или служащего в отеле, пока тот по каким-то косвенным признакам не догадается, что русский клиент все же от него хочет. В мире, в который сейчас так интенсивно едут русские люди за общением и за отдыхом, уже поняли, что легче самим выучит русский язык, чем заставить русского учить язык страны, в которую он приезжает.

И если рассуждать в этом ключе, то значение русского языка, конечно, в мире очень существенно.

Я произвела успех своим выступлением на конференции по русскому языку и в конце моего пребыва-

ния там ко мне подошел средних лет мужчина, представившийся продюсером, и предложил мне пройти кастинг.

— Я видел, как вы держитесь на выступлении. Вы прирожденная актриса, а ваша внешность лишь подчеркивает ваш ум.

Я отказалась. Вот так, чуть только покажешься на людях, и надо бороться с искушениями. На каждом шагу тебя хватают за икры.

Продюсер подумал и сказал:

— Один миллион долларов в год и без всякого кастинга.

Я несколько опешила. Это было больше, чем я зарабатывала за всю свою жизнь. И мужчина не производил впечатления новичка или проходимца.

Вот так вот, вся наша жизнь, все упорство, кропотливое деланье себя, трудные успехи в учебе, в науках и искусствах ничего не стоят, лишь тебе предложат миллион. Самая дорогая плата все же лишь за то, чем изначально наделяет тебя при рождении Бог и чем ты владеешь не по праву. По крайней мере, если все это оценивать в денежном отношении.

«Нет» мне ответить было уже не так просто.

Неужели мне когда-нибудь придется все-таки сдать-ся? И ступить за тот заколдованный круг, которого я интуитивно боюсь. Я даже рефлекторно стала озираться. Ища фигуру Клейста.

— По крайней мере, возьмите мою визитную карточку, — сказал мужчина. — Не отвечайте сразу, подумайте, я буду ждать вашего звонка. А здесь пробуду еще три дня.

Я сдержанно поблагодарила.

Что, это их игра? Кому что опять от меня надо? — полезли мне мысли в голову, а на улице я продолжала поглядывать назад, ища за собой слежку.

Игра или не игра?..

Говорят, нельзя преодолеть искушения, что это невозможно. Что невозможно уйти от своей победы, остаться свободной. Свободу не удержать. Все равно придется ею жертвовать, все равно придется в этой индустрии подвязаться. Одна только моя внешность стоит миллион долларов. Была бы маленькая, нырнула бы под одеяло — и нет проблем!..

Глава четвертая

1

КОЗЕЛЬСК

По возвращении из Нью-Йорка я сразу поехала в Дом отдыха в Козельск.

В начале сентября отдохнувшее население нашей страны оставляет берега внутренних водоемов. Берега таких великих российских рек как Волга, Кама, Урал, Обь, Енисей, Амур, Лена, с их протоками, заливами, фарватерами и водохранилищами становятся пустынно. Еще только неделю назад на каждом яру, взгорке, песчаном пляжике, в каждом живописном местечке стояли полиэтиленовые тенты, шалаши рыбаков, громоздились машины автотуристов, кострища лагерей с самодельными скамьями рядом, возвышались шатры палаток, было шумно от избытка молодежи, еще только несколько дней назад разносился по берегу визг купающихся детей, на фоне зеленой травы выделялись тела загорающих дачников. И вдруг с началом учебного года перестают звучать детские голоса, исчезают фигуры отдыхающих и реки становятся тихи, молчаливы и безлюдны.. Течение замедляется, вода скатывается в русла, становится прохладной, по-осеннему прозрачной и чистой и, отдаляясь от крутых берегов, обнажает большие полосы при-

брежного песка. По которому совершенно свободно можно идти вдоль уреза воды, идти, не встречая ни одной живой души на многие километры.

Каждый день я уходила от пансионата, и насколько хватало дня, путешествовала далеко вверх или вниз по течению. Поверху, за крутыми ярами и прибрежной полосой леса, подчас слышался иногда отдаленный шум проходящих где-то далеко по дороге машин, а здесь, под яром, на полоске песка держалась тишина и не было ни души. Даже судходство замирало, и одинокое, но еще яркое, солнце щедро отдавало земле свое последнее тепло.

Я шла, оставляя следы кроссовок вдоль кромки воды, без телефона, без электронной связи, да ее тут и не было. Погода стояла теплая, как бывает иногда в бабье лето, неожиданная в столь ненадежное осеннее время. При отсутствии человека и суеты было неправдоподобно, невообразимо красиво вокруг. Утомившись увязать подошвами в песке, я разувалась и шла далее босиком, аккуратно обходя плавуны и коряги, все дальше и дальше, километр за километром, поворот за поворотом, раздевалась до купальника и несла связанные шнурками кроссовки на плече поверх одежды. Было все так же пустынно. Время от времени окупывалась голой в начавшей уже остывать, прохладной воде, которая поначалу, как нарзанные пузырьки, пощипывала и покалывала прохладой кожу, но потом нежно и легко охватывала все обнаженное тело целиком. Заставлял тебя ощущать себя как бы частицей стихии. Частицей этой огромной массы воды, уходящей далеко вниз и вверх и там, вдали, сливающейся с горизонтом. А там и со всей землей. Остро осознавала в этот момент я проходящее через меня что-то, похожее на электроток. Я чувствовала эту наэлектризованность вместе с прохладой по всей поверхности моей кожи. Только эта слабая пленка эпителия являла границу между внешней средой и мною. Все было одно,

сродни и едино. Только эти тактильные слабые ощущения говорили еще о моей обособленности.

Я плыла в глубину. Я не испытывала страха. Отданная в этот момент мистическому действию, четко осознавая свою полную защищенность в такой сакраментальный момент. Даже после того, как поплавав, я выходила из воды, и, еще голая, стояла, не одеваясь и обсыхая на солнце. Я только бросала на всякий случай взгляд наверх, на яр, мельком окидывала взглядом кусты, но знала, уверена была, что там не будет никого. Момент мистического действия был запрограммирован мной самою, был мной прочувствован и не являл в уме ничего лишнего, и данная реальность, чувствовалось, существовала целиком по моей воле, была мною задана и в ней не содержалось ничего ненужного. Я была абсолютно спокойна, я знала, что в эту программу не будет включен больше никого.

Да и чего мне было вообще бояться? Чего опасаться? Убийцы, мужчины? Господи, да что вообще мужчины могут нам сделать, самое страшное — это насилье... Экая малость... Ведь я готова порой в фантазии отдавать это направо и налево, такие запретные, тайные, вожделенные мечты... Даже если охотников до этого много!.. Что, разве не пронзали меня подчас сны-видения, особенно после прочтения специфической литературы, видения-вождедения, когда я делаю это в кругу множества вождедеющих меня самцов?

Что бояться на самом-то деле? И стоит ли относиться к этому со страхом ожидаемому факту трагично? Надо приучить себя воспринимать эту вероятностную угрозу как данность, спокойно. Ну и что в том, что кто-то без твоего позволения употребит твое тело, употребит силком, чего с ним, с телом, носиться-то как с писаной торбой, и почему это оно твое? Особенно после того, как только что в нем было что-то от космоса, и оно в одно и то же время было и космосом, и стихией... Разве оно твое вообще, в принципе?

Даже убийца! Какому убийце нужен одинокий человек на берегу? Тем более, женщина. Ему убивать меня уж тем более нет смысла. Ну а потом, никто ни от чего не застрахован, и убийца вас может найти среди толпы народа, а смерть может настичь в комфортных условиях, даже в своей благоустроенной и хорошо охраняемой, запертой на все замки квартире. Тут уж как распорядится Господь Бог.

Так я шла, уверенно и легко. Безмятежно уступив ответственность за самое себя чему-то себя выше, и мне все больше и больше становилось радостно и просто.

Я шла и шла. Опять купалась голая, а когда ты раздетая, всегда и ощущаешь себя и смотришь на себя как бы со стороны, и это тебя еще и возбуждает, волнует... И в этом взволнованном состоянии, напитанная солнцем и дикой природой, стихией, я становилась все более наэлектризованней, и все стремилась вперед и вперед. Выходила в деревнях и поселках наверх, обедала в какой-нибудь забегаловке или столовой и шла дальше. Один раз даже ночевала в сельской гостинице, не успев вернуться домой, а другой раз распила бутылку вина с какими-то встреченными на берегу бродягами, жившими в выцветшего брезента палатке и в тот момент мирно удившими на берегу рыбу. Чтобы потом продолжить свой дальнейший путь вниз. А к вечеру на подвернувшемся автобусе вернуться в Козельск.

От сосен очаровательно пахло хвоей...

2

Александр нашел мой электронный адрес и прислал письмо, написав уже в нетерпении, что думает обо мне постоянно. Ты была права, написал он, когда говорила, что я не знаю ничего о любви. Я на самом деле о ней ничего не знаю. Я о ней никогда не задумывался. Я считал,

что в мою программу служения она не входит, я жил только рассудком, подчиняя все внутри себя ему. Чувства, объяснений чувства я всегда сторонился. Ты меня заставила о любви думать... И я понял, что, может быть, именно вам, женщинам, в первую очередь и свойственно задумываться о том, что любовь такое, именно вам требуется знать, что она из себя значит, поскольку именно вы продолжаете жизнь на земле, и вам это надо в первую очередь: уловить и понять то, что понять, видимо, в принципе невозможно. Это все равно, что клетке пытаться осознать самое себя, не имея возможности взглянуть на себя со стороны. Это как воде попытаться понять, что она из себя такое. И поэтому мне кажется, женщины и не могут, не в состоянии сформулировать себе, что такое любовь, потому что они, как вода, целиком эту любовь и представляют. Вы ею живете, вы она и есть, та единственная и важнейшая энергия, характеристика, свойство космоса, которая и обозначает любовь и жизнь. Я иногда думаю, насколько ты меня бываешь мудрее... Думаю о тебе постоянно.

Я не знала, что ответить. Мне иногда его так не хватает. Я по нему тоскую... Он единственный мужчина, с которым я бы хотела быть неразлучно. Единственный, с которым мне по-настоящему хорошо, и он единственный, который думает о смысле. Сумеем ли мы сохранить это чувство, если будем вместе?..

Ты утилитарен, повторила я.

Помнишь, ты говорил, что вас в ГРУ обучали черчению, а это потом почему-то тебе пригодилось в математике, что при исчислении констант ты, доказывая их математически, тем не менее, выбирал нужный ход, потому что так чувствовал. Чувствовал! Твои феноменальные данные держатся на чувстве, а совсем не на твоём рассудке, а что такое чувство, ты недооцениваешь, ты просто не хочешь это понимать, не хочешь об этом думать...

В математике — чутье. Всегда чувствовал, что именно такое решение подходит.

Мы имеем в себе не только разум, мы в себе носим нечто от Бога, в высшей степени непонятное и необъяснимое... Чувство...

И надо признаться, что Саша — уже не такой однозначный материалист...

3

— Это не вино, — сказал один из бродяг, тот из них, что звался Федором, выглядевший всех старше и пронизательнее и сидящий в парусиновом кресле спиной к выцветшего брезента палатке. Которая раскрытым входом смотрела в направлении берега.

Вокруг были разбросаны котелки, чашки, сохнувшая на солнце одежда, чуть дымилось погасшее кострище.

— А что это? — спросила я, глядя на стакан, а потом перевела взгляд на бутылку. На бутылке была этикетка какого-то старорежимного портвейна.

— Вода.

И красное содержимое стакана тотчас стало бесцветным. Я даже вздрогнула. И отдернула от их самодельного, наскоро сколоченного из отшлифованных водой плавниковых досок стола руку.

— Даже запаха не имеет. Чистейшая родниковая вода. Понюхайте. А сейчас это будет квас. Не желаете?

У меня даже волосы на макушке зашевелились

— Что вы делаете? Кто вы?

— Разве вы не видите. Рыбаки, — улыбнулся он, и его товарищи тихо посмеялись, довольные моим замешательством.

Передо мной стоял уже квас, коричневый, с плавающими по поверхности ягодами брусники.

— Да я вижу сейчас, что вы и рыбу не ловите. И не пьянствуете... Кто вы такие?

Меня все больше охватывал страх.

- *Кто, ради Бога?*
- *Неважно. Вы испуганы. А вы ведь так хотели нас найти.*
- *Я хотела?*
- *Разве нет, вы так молили, чтобы такое могло случиться.*
- *У меня и в мыслях ничего подобного не было, – проговорила я какую-то ерунду.*
- *Прислушайтесь к себе, неужели вы не помните, как хотели нас встретить? Вот сейчас содержимое вашего стакана станет Шаблы 1982 года.*
- *Да, хотела, – тотчас и безропотно согласилась я. – А это правда? Такое может быть?*
- *Может.*
- *Значит, существует?*
- *Безусловно.*
- *И есть выход?*
- *Это продолжится из года в год, из века в век. Конечно.*
- *В чем же он?*
- *В том, что вы красивы, и вы не модель.*
- *Я серьезно.*
- *И я серьезно. И не киноактриса, и не стараетесь использовать свою красоту. Для вас выход уже в этом. С этого начинается все. Это ключ.*
- *Я не совсем поняла.*
- *В глубине себя вы все понимаете.*
- *Вы хотите сказать, что я не ошибаюсь?*
- *Да, именно это.*
- *Но кто вы?*
- *Считайте, именно те, которые вашему пониманию конструкции мира были так необходимы.*
- *Вас много?*
- *Это не имеет значения.*
- *И вы тоже ведете правильную жизнь?*
- *Даже больше чем правильную, – засмеялись они.*
- *Вы монахи?*
- *Зачем вам это? Не примитивизируйте действительность. Для вас главное, что это есть.*

- *Что мне делать?*
 - *Жить, другого не дано.*
 - *Но как?*
 - *Как живете.*
 - *Я живу правильно?*
 - *Вы стараетесь. Единственное, что вам надо, это знать, что мы есть. Это прибавит вам устойчивости.*
 - *Они об этом знают?*
 - *Знают.*
 - *И о вас?*
 - *Обязательно.*
 - *И так же следят вплоть до марки вина?*
- Старший опять улыбнулся. Посмотрел на бутылку и произнес.*
- *Эти вещи вторичны.*
 - *Я даже не спрашиваю, что это все такое и как делается.*
 - *Вот и правильно.*
 - *И они узнают о нашей встрече?*
 - *Уже знают.*
 - *Меня убьют?*
 - *Да кто вас станет убивать? Нет. Вы им нужны. Так же, как и тут. Чем ценнее вещь, тем люди больше о ней заботятся...*
 - *Вы поэтому мне встретились?.. Меня встретили?*
 - *Вам была нужна помощь. И мы вам ее оказали.*
- Я помолчала.*
- *Что мне делать со своей пресловутой красотой?*
 - *Это вам решать. Тут мы уже не вольны. Частные вопросы каждого конкретного человека. Человек обязан их решить самостоятельно, в этом его жизнь. Все в мире чем-то наделены и обделены в одно и то же время. В одинаковой степени.*

От Циглера пришло письмо, он обещал поставки и посылал почтой договор на первую отгрузку. Все складывалась хорошо. Я поехала в Екатеринбург.

...Придется, в конце концов, на них работать. А почему придется, почему надо? Чтобы иметь миллион долларов? Чтобы хорошо жить? Но жить ведь можно и без этого миллиона долларов. Мы покупаемся только тогда, когда хотим слишком многого, тогда-то и начинаем продаваться, и в то же время когда есть что продавать в себе, есть что, так сказать, не зарывать в землю. Например, таланты, наша красота, наши никому не нужные книги, песни, открытия и достижения. Когда нас мучат наши таланты и наша не востребованность. Мы хотим, чтобы всем, что мы имеем, люди пользовались. Вот тогда-то мы и покупаемся, тогда мы начинаем на их индустрию работать. Когда боимся, что то, что мы имеем, никто не увидит, и что мы этим как бы пользы не принесем. А на самом деле это обман себя. Они нас покупают на наши же способности. На наши достоинства, на нашу красоту. Нам хочется все это применить, продемонстрировать, и, в конце концов, идем на сделку, уступки, лишь бы твои достижения служили людям. И ты попадаешь в рабство конвейера. Становишься несвободен. Господи, что миру от всех нас надо?

Нет, я свободна. Все очень просто. Я ведь могу не применять свои способности, свою одаренность.. И я все равно смогу жить. Я смогу видеть мир, познавать, дышать, восхищаться красотой окружающей жизни, и эти свои способности применять в малом кругу. Я свободна.

Не бояться, что у тебя что-то отнимут. Вот будешь ты исследователь или писатель, никому не нужны твои творения, открытия, а значит, ты не сможешь и дальше творить и открывать, все твои старания идут насмарку, никто это не воспримет, тебя, красивую, не увидит, ты зря работала, зря пестовала свой дух — вывод при этом должен быть: ну и что? Ну и не воспримут, и никто не прочтет, не увидит, не узнает, все насмарку, но жиз-

ни тебя же не лишают! А то, что ты делала, сделала, все равно проявится, если ты считаешь, что открытие, то благодаря парности мировых открытий, обязательного содержания этой информации в ноосфере, открытие все равно увидит свет, а твоя красота будет светить детям, и тобой не донесенное до людей не будет потерей.

Считается, что нельзя жить без денег, нельзя жить не предавая, не продаваясь, не торгуя своей внешностью, не жертвуя нравственностью. Можно. Жить-то как раз можно. Без больших денег, без мировой славы, без подиума, без последних достижений науки и техники в твоём быту жить можно. Что-то из завидного заполучить, да, часто, не предавая и не продаваясь, нельзя. Что-то заполучить, не жертвуя, не поступаясь, не получается. А жить-то, просто жить, вполне можно. И жить счастливо можно. Умирать тебе, чтобы жить нравственно, совсем не придется. Смерть тебе не грозит... Никто тебя в монашество не загоняет. Живи. Радуйся. Люби. И славь жизнь! Отдай себя тому единственному, о ком ты вздыхаешь по ночам, и забудь о целом мире.

И получается: смысл жизни лишь в том, чтобы отказаться. От своей красоты, от как бы идущих тебе в руки, а на самом деле очень подозрительно пахнущих, больших денег, от выгод, которые несет твоя внешность или твоё рождение, или твой ум. От удачи, от благоприятного случая, от выигрыша. И даже от объективных заслуг. И твоя задача лишь отказаться, дальше тебя уже судьба сама понесет, отказаться, как раньше называлось, от посланного тебе искушения. И все, ты своё заслужила, тебя отметили, отметили всюду, и на земле, и, кто знает, может быть, по крайней мере, хотелось бы на это надеяться, и не на земле тоже.

И ты счастлива. Ты совершила свой единственный и возможный в жизни подвиг.

5

И наконец последнее...

Через год-другой я рожу ребенка. В конце концов, все равно ведь рожу, несмотря ни на что, ни на какие бедствия и неблагоприятные ситуации в мире... Или их будет несколько, я еще не знаю. Но я уже заранее представляю своего первенца.

Милый мой малыш!..

*Я не сделала в жизни ни одного аборта. Я никогда не пользовалась гормональными средствами. Я берегла себя для **тебя**.*

*Милый мой ангел! Я еще не знаю, кто будет наш папка. Я могу только догадываться и надеяться, что это будет **он**... Все-таки именно он. С этим его обычным, как всегда, неискоренимым миром страшных, сугубо мужских идей. За которые мы, в конечном счете, их как раз и ценим...*

И я научу тебя жить под этим солнцем. И я научу тебя любить людей. А главное, я научу тебя любить Бога. Потому что это самое прекрасное, что только может быть на земле.

За него не надо воевать. Бог не требует от людей армий и воинственных действий. Бог приходит к тебе сам, как радость, успокоение и добро. Как осознание истины, вытесняющей комплекс несмышленого молодого подростка, способного только зубрить и запоминать и в то же время мучаться от осознания того, что ты не в состоянии понять и десятой доли того целого, в которое пытаешься проникнуть, полагая, что вся незадача – в незнании каких-нибудь нужных формул или терминов. И ты найдешь ключ, тебе все станет понятным сходу, тебе откроется весь мир, мир счастья, малыш, мир понимания и мечты. Той мечты, которая приходит к нам во сне и потом смущает нас своей невоплощенностью все остальное время суток. И ты будешь счастлив, малыш, в конце концов...

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАКАЛЬЩИК
9

ПРЕХОВОДНИК
75

Часть первая	77
Часть вторая	103
Часть третья	149

ПОДЕНЩИЦА
173

Часть первая	175
Часть вторая	198
Часть третья	222
Часть четвертая	240

COSMOPOLITAN
251

Часть первая	253
Часть вторая	326

Литературно-художественное издание

АЛЕКСЕЙ МИХЕЕВ

АНАСТАСИЯ СНЕЖИНА

ТОЛЬКО
ЛЮБОВЬ

Ведущий редактор

Е.В. Субботина

Художественный редактор

Т.Н. Костерина

Технолог

С.С. Басипова

Оператор компьютерной верстки

А.В. Кузьмин

Оператор компьютерной верстки переплета

В.М. Драновский

Корректоры

Т.В. Калинина, Е.В. Мартынова

Подписано в печать 12.05.2009

Формат 84x108/32

Тираж 1000 экз.

Заказ № .

ЗАО «Вагриус Плюс»

107392, г. Москва, ул. Просторная, д. 6.

Отдел реализации издательства:

(495) 221-61-80

E-Mail: vagrius@vagrius.com

Отпечатано в ОАО ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.